

EX ORIENTE LUX

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

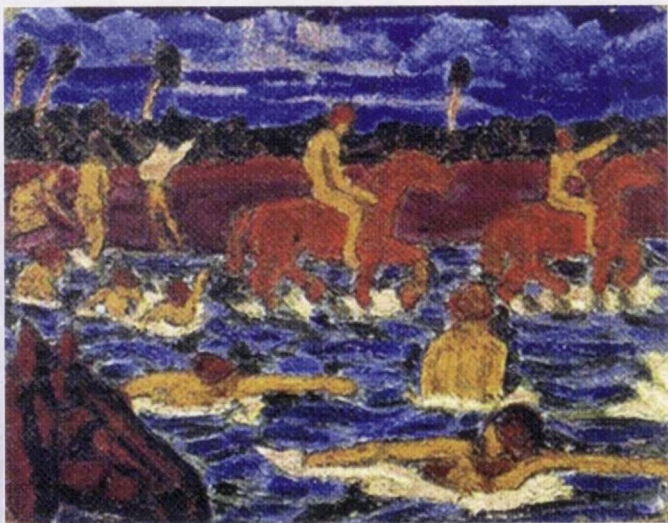
КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

5 / 2016

Сергей Калмыков. Купание на закате солнца. Красный конь.

Сергей Калмыков

Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Бахтиёр АЛЛАМУРОД

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Джасур ИСХАКОВ

ГОЛУБКА

Рассказ

– Да нет у нее никого... Одна она... – заплакала девушка. – А сегодня ей извещение из Подольска пришло... Нашли ее жена-ха, Васю... Шестнадцать лет он был «без вести пропавшим»... А теперь вот захоронение нашли... Лучше бы и не писали! – она снова закричала. – Маша, Мария! Остановись...

проза

Тагай МУРАД

ТАРЛАН

Повесть

Я не шелохнулся. Учитель сорвал с моей головы шапку и вышвырнул в окно. В классе раздался оглушительный хохот. Все кричали:

– Ура-а-а, солнце взошло!

Обхватив голову руками, я разрыдался. Бросил чернильницей в учителя. Промохнулся. А потом сбежал.

переводы

Алексей ГВАРДИН

Когда слова обретают обличие...

Когда слова обретают обличие,
прыжок и хватку полярного волка,
вгрызаясь в мозг, как зверю в холку, –
не посадить их на цепь приличия.

И не ломайте рук в безутешности,
когда они, изыглась ёжево,
гирлянды фраз превращают в крошево,
чтоб было место теплу и нежности.

ПОЭЗИЯ

НОВЫЕ ИМЕНА

Сергей АБАТУРОВ

**Я знаю, что где-то сочится
из камня вода...**

В безмолвии свободного полета,
Ничему не находя аналогий,
На расстоянии взора и
Не снижая скорости,
Летит душа.
Спадает в тишине суета
Лоскутками желаний
Земного счастья.

караван истории

Рубен НАЗАРЬЯН

**ПОД СЕНЬЮ ВЕЛИЧИЯ И
НЕИЗВЕСТНОСТИ**

(к 125-летию со дня рождения Сергея Калмыкова)

«Видел ли я самаркандские старинные мечети и руины, и старый город – не знаю! Я был в Самарканде совсем маленьким... Но мне мерещатся вечерние закаты и мечеть, освещенная солнцем, и бухарцы, и минареты. Я их не помню, а может быть, они были самыми сильными первыми моими впечатлениями...»

проза

Марат БАЙЗАКОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рассказ

Но этот новенький был другим. Тощее тело, словно срубленный молодой тополь, лежало неподвижно. Лысая голова утопала в подушке. В нижней части крахмальное покрывало стелилось ровно – отсутствовала правая нога. Лишь обрубок изредка дёргался, ища свое продолжение, дрожал с минуту и, наконец, замирал, успокоив рефлексy.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Джасур Исхаков. Голубка. Рассказ.	5
Марат Байзаков. Восхождение. Рассказ.	15
Николай Попов. Сценарий. Рассказ.	68
Нариман Исхандаров. Возвращение к истокам. Рассказ.	104

ПОЭЗИЯ

Алексей Гвардин. Когда слова обретают обличье.	11
Любовь Тилябаева. И время вдруг застыло на минуту.	58
Алексей Каменский. Право выбора будет за мной.	73
Раиса Крапаней. Как-то по-особому растлелся свет.	100

НОВЫЕ ИМЕНА

Сергей Абатуров. Я знаю, что где-то сочится из камня вода.	18
Изабелла Сабирова. Обретение смыслов... Эссе.	21
Алла Попова. Я частица мироздания.	132
Виктория Пушкина. Мозаика. Литературные миниатюры.	138

ПЕРЕВОДЫ

Тагай Мурат. Тарлан. Повесть. Перевод с узбекского Германа Власова и Валида Муратханова.	26
Менглибой Муратов. Моя недетская душа. Повесть. Перевод с узбекского Равиля Ашрапова.	75
Лукрешия Хейл. Записки Петеркиных. Фрагменты из романа. Перевод с английского Анатолия Лиходзиевского.	122

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Абдулла Кадыри. Пир злых духов. Перевод с узбекского Нинель Владимировой.	97
--	----

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир Карасев. Очарованная ностальгией. Эссе.	112
Венера Закирова. Жанр концерта и теория Хейзинги.	141

КАРАВАН ИСТОРИИ

Рубен Назарьян. Под сенью величия и неизвестности (к 125-летию со дня рождения Сергея Калмыкова).	116
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Мухаммаджон Холбеков. Роман Мухаммада Али «Амир Темур Великий» (русский перевод первой книги «Джахангир Мирза»).	62
Татьяна Авдонина. Мир и человек в лирике Николая Ильина.	134
Мария Дар. Заметки о классике.	146
Мирвохид Фозилов. Символы и культурные знаки в сказке.	149
Хроника литературной жизни.	152

На 2-ой странице обложки журнала картины Сергея Калмыкова.
На 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины Людмилы Садыковой.

Звезда Востока

2016 № 5

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Per. № 0296
06.09.2007 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Малина Абдуллаева

Подписано в печать 26. 09. 2016 г.
Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 650 экз. Заказ 626

Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ИПТД имени Гафура Гуляма.

г. Ташкент, Шайхантахурский район,
ул. Лабзак, д. 86

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

Материалы в рамках гранта «Популяризация культурно-исторического наследия Узбекистана, произведений классической и современной узбекской литературы» отмечены эмблемой Общественного фонда при Олий Мажлисе.

проза

ГОЛУБКА

Рассказ

Первый раз я увидел ее в декабре. После басни Сергея Михалкова «Крот-бюрократ» конференсье, он же замдиректора клуба, объявил, подглядывая в бумажку:

– А сейчас сотрудник планового отдела завода Ильича Мария Боголюбова споет песню «Голубка». Слова Болотина и Сикорской, музыка Ирадьё.

На сцену, краснея от смущения, вышла девушка в вязаном свитере и с красными бусами на шее. Аккордеонист сел на табуретку, вопросительно посмотрел на певицу. Та кивнула. Пальцы застучали по пожелтевшим костяным клавишам трофейного аккордеона вступление. Женщина немного замешкалась в начале, но тут же догнала аккомпанемент.

– Когда из твоей Гаваны уплыл я вдаль,
Лишь ты угадать сумела мою печаль.
Заря золотила ясных небес края,
И ты мне в слезах шепнула, любовь моя...

Голос у нее был не очень сильный, но красивый, чуть с хрипотцой. Она так старательно пропевала текст, что зал притих. До этого, узнав, что вместо кино будет концерт, мы хотели уйти. Но после первого куплета мне захотелось остаться в этом зальчике.

– Где б ты ни плавал, всюду к тебе, мой милый,
Я прилечу голубкой сизокрылой,
Парус я твой найду над волной морскою,
Ты мои перья нежно погладь рукою... –

пела она, и я явственно представлял голубое море, парусник, солнце, себя на палубе, чаек и, конечно, голубку, которая садилась на мою ладонь. От мелодии, которую я уже слышал по радио, хотелось плакать. Аккорды песни и мелодия «...любовь моя-а-а-а...» проникали до глубины души. Я быстро вытер слезы и оглянулся – не видел ли кто-нибудь из друзей моей слабости.

Мы с пацанами и девчонками со двора в тот декабрь почти каждый день бегали в старинное здание САНИИРИ, что расшифровывалось как Среднеазиатский научно-

**Джасур
ИСХАКОВ**

Сценарист, театральный драматург, кинорежиссер. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Лауреат Государственной премии Узбекистана.

Лауреат премии СК Узбекистана «Золотой грифон».

Член Союза кинематографистов Узбекистана.

исследовательский институт ирригации. В этом здании, похожем на замок, до революции располагался «Охотничий домик» для офицеров. А в советские времена в институте обычно организовывали избирательные участки. Крыльцо украшалось кумачовыми лозунгами, плакатами, портретами кандидатов в депутаты Верховного Совета с подробными биографиями. Обычно в начале вечера сухонький старичок из общества «Знание» читал лекцию о международном положении, в которой он разоблачал американских империалистов, германских реваншистов в лице Конрада Аденауэра и ревизионистов типа предателя югославского народа Иосифа Броз Тито. Потом крутили кино.

Киномеханик передвижки заправлял переносной проектор, выключал верхний свет, и волшебный луч вырывался на экран-простыню. И, затаив дыхание, мы самозабвенно смотрели фильмы преимущественно о гражданской войне или о героях-разведчиках. Некоторые фильмы смотрели по несколько раз, и в том месте, где фашистский генерал поднимал бокал со словами: «За победу!» – мы хором отвечали из темного зала: «За нашу победу!».

Но сегодня вместо кино был концерт художественной самодеятельности. На улице было холодно и неудобно, а здесь топилась огромная изразцовая печь, и было приятно чувствовать под собой мягкость старинных потертых кресел и разглядывать лепнину на охотничью тему под сводами небольшого зала.

Меньше месяца оставалось до денежной реформы, четыре месяца до ликования по поводу полета Юрия Гагарина в космос и три месяца до моего четырнадцатилетия. Уже кое-где висели транспаранты «С Новым, 1961 годом!», и я с волнением открывал для себя, что если перевернуть эту магическую цифру, она снова станет – 1961!

Мария продолжала петь:

*– О, голубка моя, будь со мною, молю,
В этом синем и пенном просторе,
В дальнем родном краю.
О, голубка моя, как тебя я люблю,
Как ловлю я за рокотом моря
Дальнюю песнь твою.*

Она закончила петь и как-то неловко поклонилась. Зал зааплодировал. Раскрасневшаяся, взволнованная, она спустилась со сцены и прошла мимо меня. Смешанный запах духов и жаркого тела на мгновение обдал меня необыкновенной волной.

Прошла зима, весна, и уже кончалось лето.

И расшифровка аббревиатуры СССР – «Стакан Семечек Стоит Рубль» уже не была актуальна. Стакан семечек стоил уже не рубль, а десять копеек.

А ночами мы вглядывались в темное небо и среди звезд искали проплывающие огоньки спутников.

Почти каждый августовский вечер мы ходили в парк Тельмана. Иногда с родителями, но чаще с друзьями. Маршрут наш не имел никакой логики и смысла. Мы бродили по парку, оказываясь то в одном месте, то в другом. Если не было денег, перелезали через забор летнего кинотеатра и смотрели фильмы или стояли у решетки платной танцплощадки, с интересом разглядывая в толпе кучку «стиляг». У них были узкие брюки, «коки» на головах и яркие рубашки. Пока среди танцующих мрачно ходили дружинники

с красными повязками на рукавах, они, как и все, танцевали вальсы или в крайнем случае танго. Обычно трубач громко кричал, в который раз повторяя свою заезженную шутку: «А теперь танго-орангутанго!» И все каждый раз смеялись. И начиналась «Кумпарсита». Но когда дружинники уходили, один из «стиляг» давал знак музыкантам, звонко шелкнув пальцами: «Давай, Гарик!» «От Москвы и до Калуги мы танцуем буги-вуги!» Задавала ритм ударная установка, ухал контрабас, звонко выводила труба. И толстые подошвы ребят, и каблучки девушек словно вырвались на свободу. Танцевали и буги-вуги и рок-н-ролл. «Ван, ту, фри, фо, фэйф о клок! Рок! Рок!» Крики, залихватский свист, пыль столбом! Но прибежали грозные дружинники – теперь уже с милиционером в белой форме и сдвинутой на затылок фуражке. Он свистел в латунный свисток. «Прекратить!». И снова на танцплощадке звучали размеренные вальсы, допустимые фокстроты Цфасмана и «Ландыши»... Белого мая привет...

Нам становилось неинтересно, и мы уходили. В раковине эстрады играл марши военный духовой оркестр. А на освещенном пятячке площадки в центре главной аллеи парка, покрытом утоптанном красным песком, под баян танцевали пенсионеры и уже немолодые женщины. Кавалеров не хватало и женщины «за тридцать» танцевали друг с другом, «шерочка с машерочкой». Та, что была крупнее и выше, изображала мужчину. Отставив мизинчик правой руки на спине партнерши, она вела подругу и, далеко отведя левую руку, задавала ритм танца. «Женщина» обычно склоняла голову на грудь, доверчиво и покорно. Слепой баянист выводил мелодии прошлых лет: «Сердце, тебе не хочется покоя...», «Брызги шампанского», и мы обычно с равнодушным хихиканьем пробегали мимо этой толпы, пахнувшей дешевым одеколоном и нафталином. Эта имитация жизни, эта «ненастоящность» происходящего раздражали нашу юношескую самоуверенность. Эти убогие, как нам тогда казалось, танцы под хриплые звуки прохудившихся мехов баяна вызывали если не презрение, то уж точно ощущение «полной лажи и туфты»...

Пройдет время, прежде чем это высокомерие юности растворится, и ты вдруг отчетливо вспомнишь этих странно танцующих друг с другом женщин и поймешь, что это живые жертвы той недавней войны. Несчастное поколение девчонок, не успевших познать чувства любви, не разделивших со своими парнями любовного ложа. С теми, кто остался где-то далеко растерзанным в воронках из-под многотонных бомб, расстрелянным в бессмысленной атаке, истекшим кровью в полевых госпиталях, кончившим жизнь в плену... Просто исчезнувшим. Не вернувшимся. Оставшимся только на фотокарточках.

...Баянист играл «Землянку»: «Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза...» На лацкане кургузого пиджачка тускло поблескивала медаль «За взятие Будапешта». Мы уже почти пробежали мимо, когда я вдруг услышал: «Хасанчик, хватит тоску нагонять!» Я остановился на знакомый голос и оглянулся. Это была та самая девушка, что пела зимой на избирательном участке. «Голубка»...

Баянист согласно кивнул.

– Хорошо, Маша... – он отпил из кружки пива. – Какую пластинку хочешь?

– «Голубку»...

Хасанчик начал играть знакомую мелодию. Мария подхватила свою подружку, маленькую и невзрачную женщину, и, танцуя, стала тихонько подпевать:

«О, голубка моя, как тебя я люблю, как ловлю я за рокотом моря дальнюю песнь твою». Белое шелковое платье с рюшечками на плечах колыхалось от чувственных па танго, свисали те же красные бусы, когда она наклоняла партнершу, подхватывая ее под талию. Туфельки с ремешком, белые носки. В какой-то момент она оступилась и, потеряв равновесие, женщины повалились на песок. Все рассмеялись.

– Хватит! – отряхиваясь, раздраженно оглядываясь по сторонам, сказала ее некрасивая подруга. – Ты совсем бухая!

Мария вдруг расхохоталась.

– Я? Бухая? Это ты, Лолка, танцевать не умеешь! Ну-ка, продолжим! – и, крепко схватив сопротивляющуюся женщину, Мария продолжила танец.

*– Где б ты ни плавал, всюду к тебе, мой милый,
Я прилечу голубкой сизокрылой,
Парус я твой найду над волной морскойю,
Ты мои перья нежно погладь рукою... –*

громко пела она, вызываясь оглядываясь по сторонам.

Наверное, она заметила мой взгляд. Приостановилась и, взяв меня пальцами за подбородок, спросила со смехом:

– Что уставился, пацан? Нравлюсь?

И снова мягкой будоражащей волной окутал меня ее запах. Манящий. Таинственный. Даже водка не перебила его.

Первый раз я видел ее лицо так близко. И тонко выщипанные брови, и слегка размазанная помада не могли испортить необыкновенную красоту женщины. Голубые глаза блестели то ли от возбуждения, то ли от слез.

– Ну, что молчишь?

Баянист перестал играть.

– Маша, шла бы ты лучше домой... – сказал он, глядя куда-то в сторону своими незрячими глазами. – Перебрала ты маленько...

– Точно! Идем, Маша... – подруга потянула ее за руку. – Ты совсем пьяная...

– Я не пьяная! – она вдруг захохотала и снова взглянула на меня. – Ну, признайся, я тебе нравлюсь?

В голове моей запрыгали какие-то слова. «Да! Да! Да! Конечно! Еще там, зимой! Ты очень красивая! И поешь здорово!» Но, поняв, что сейчас совру, покраснел, грубо откинул ее руку и выпалил:

– Дура ты!

И побежал прочь. Вслед послышался ее смех.

Мне не хотелось домой. Я побродил по парку, пострелял в тире, потом уселся за раковину эстрады, где продолжался концерт военного оркестра, и увидел, как в сторону аттракционов бегут люди.

Меня окликнул один из знакомых ребят.

– Ты че здесь торчишь? Бежим! Там такое творится!

В нашем парке, как, наверное, и во всех парках того времени, было несколько популярных аттракционов. Карусели, «комната смеха» с кривыми зеркалами, уродующими фигуры, почему-то вызывающие смех, тир с поцарапанными фигурками зверей и мельницей, лотерея со свернутыми бумажками и выигрышами в виде карандашей. Но самым главным и любимым

аттракционом были «Воздушные лодки». Что греха таить, мы часто залезали в кусты около этих лодок, снизу рассматривая развевающиеся юбки и платья, под которыми можно было различить женские трусики.

Я бежал по аллее мимо забора летнего кинотеатра, откуда слышалась музыка из «Большого вальса», смех актеров. Перекрывая вальс, со стороны аттракционов доносились крики, трели милицейского свистка и, главное, страшный скрип.

У «Воздушных лодок» собралась толпа со всего парка. Успели прибежать музыканты с танцплощадки, дружинники, «стиляги». Фильм, видимо, кончился, и толпа стала еще больше. Для кого-то это было очередным развлечением, но большинство со страхом смотрело вверх.

Деревянная конструкция из длинных бревен, скрепленная большими скобами, угрожающе раскачивалась. Пять лодок из шести стояли пустыми внизу. Лишь одна взмывала вверх, потом летела вниз и снова поднималась, задевая конек конструкции металлическими прутами, к которым была прикреплена лодка. Держась руками за поручни, энергично сгибая и разгибая сильные ноги, Мария, что-то крича, раскачивала лодку все выше и выше.

– Маша! – кричала снизу ее подруга. – Прошу, остановись!!!

Милиционер свистел в свой свисток:

– Гражданка, немедленно прекратите раскачивать лодку!

Испуганный, белый как полотно, зритель ломал руки и говорил торопливо директору парка:

– Я ей говорил, говорил сто раз! Лодка сломана! Тормозов нет... Клянусь, я не виноват, начальник! Она сама! Залезла пьяная...

Тормоз в виде доски с прибитой автопокрышкой был и в самом деле сломан пополам и безжизненно висел.

Директор парка в сердцах ударил зрителя по шее.

– Скотина! Если что случится, засажу...

– Да не виноват я! – кричал зритель, размазывая по лицу слезы.

– Скорую надо вызывать... – сказал директор парка кому-то.

– Уже... Едет...

– Маша! Прошу тебя, ради Христа, остановись!

А Мария, словно не видя и не слыша никого, хохотала, все сильнее и сильнее раскачивая лодку. Платье ее колыхалось от ветра, обнажая ноги почти до ягодиц. Неожиданно нитка бус лопнула, и красные шарики разлетелись вокруг. Я успел схватить одну из бусин, упавшую в пыль, и сунул ее в карман.

– Вы ее подруга? – спросил директор парка Лолу.

– Да...

– Ну сделайте что-нибудь, уговорите ее! Есть кто-нибудь у нее? Муж, дети, родители?

– Да нет у нее никого... Одна она... – заплакала девушка. – А сегодня ей извещение из Подольска пришло... Нашли ее жениха, Васю... Шестнадцать лет он был «без вести пропавшим»... А теперь вот захоронение нашли... Лучшее бы и не писали! – она снова закричала. – Маша, Мария! Остановись...

Лола осеклась на полуслове.

Именно в этот момент Мария отпустила поручень и на самом взлете вылетела из лодки...

Толпа охнула.

– А-а-а!!! – закричал кто-то страшным голосом.

– Ма-ша-а-а!!!

Мария упала за забор аттракциона. На твердую, как цемент, землю. Глухой, страшный удар. Какой-то утробный вскрик...

Все бросились к ней. Милиционер и дружинники разгоняли толпу, сжимающуюся в плотное кольцо.

– Отойдите! Ей дышать нечем! – кричал кто-то.

– Не трогайте ее! Можете хуже сделать! – кричал другой.

– Где скорая?!!

Почти ползком, раздвигая чьи-то ноги, я приблизился к ней. Мария еще дышала. Но это дыхание больше было похоже на хриплый стон. Из рта текла кровь.

– Дайте дорогу!!!

Через толпу торопливо несли носилки.

– Да разойдитесь же вы!

Кто-то с силой двинул меня в бок.

– Сказали тебе, иди отсюда!

Санитары осторожно переложили женщину на носилки. Кровь окрасила белое платье.

– Скорее... Скорее...

И вдруг... Тело Марии задергалось, задвигалось мощными волнами с ног до головы, словно все мышцы взбунтовались, не желая умирать. Я не знаю, сколько это продолжалось. Неожиданно тело Марии застыло.

– Все... Кончилась... – один из санитаров перекрестился.

Они подняли носилки и не торопясь понесли ее к машине.

Пустая облупленная лодка со сломанным тормозом продолжала тихонько раскачиваться.

Толпа понемногу стала расходиться, обсуждая несчастный случай...

Я шел домой на ватных ногах. Бессмысленно корил себя за то, что сказал совсем не то, что хотел сказать Марии.

Нашупал в кармане красную бусину. Она была деревянной, покрашенной эмалью.

Ночью я не мог заснуть. И, стараясь, чтобы не услышала мама, плакал, уткнувшись в подушку.

Красная деревянная бусина Марии долго хранилась в ящике старого буфета среди мелкого барахла. А потом затерялась куда-то.

*О, голубка моя, будь со мною, молю,
В этом синем и пенном просторе,
В дальнем родном краю...*

ПОЭЗИЯ

Когда слова обретают обличье...

Желтая роза солнца

Мелату Кагарову

Нас кормили конфетами правильных слов,
нас поили микстурой возможных побед.
Только мы пили дождь

наших собственных снов.

Только мы выбирали

наш собственный цвет.

Семена новых слов вызревали для нас,
мы глотали их с мякотью спелых ночей,
и копытами било созвездье Пегас,
осыпая нас искрами звезд до плечей.

И всплывали над нами в небесном колоде
небывалой величины

желтая роза Солнца

и красная гвоздика Луны.

Цвета хаки всегда был военный приказ,
для него стал сигналом к атаке рассвет.
Нас лечили стерильностью

выцветших фраз.

Только мы выбирали

наш собственный цвет.

Наши мысли впитали объемы домов,
наши тени впечатаны в плоскость стены.
Мы вернемся на улицы всех городов,
чтобы снова вдохнуть кокаина весны.

А тому, кто уже никогда не вернется
из небесной прозрачной страны, —

желтая роза Солнца

и красная гвоздика Луны.

**Алексей
ГВАРДИН**

Родился в 1965 г.

Окончил ТашГУ
(ныне НУУз). Член
творческого объе-
динения худож-
ников при Акаде-
мии художеств.
Участник и призёр
международных
конкурсов кари-
катур. Лауреат
премии «Грифон»
(1993 г.). Обла-
датель Гран-при
за мультфильм
«Фархад и Ширин»
(2011 г.).

...от Прошлого не скрыться, не уйти,
не оградиться бункерной стеною.
Оно – то движется неслышно позади,
то в полный рост встает передо мною.

Отчетливы и глубоки Его следы.
Его не обмануть. Не отвертеться.
Оно – как в раны вросшие бинты,
осколок, шевелящийся под сердцем.

Обложен Им я с четырех сторон,
как будто беглый в выцветшей фуфайке.
И ясно слышу. Слышу смех сквозь стон,
по снегу скрип полозьев, свист нагайки,

гул под копытами приземистых коней,
металла лязг, вздох перекатной голи,
треск кровли, оседающей в огне,
и клекот птиц на Куликовом поле...

...Москвы пожар и День Бородина,
кандалный звон, казармы, декабристы.
Спас на Крови, Кремлевская стена,
вериги и цыганские монисты...

Забывать ли мне Смоленск и Измаил,
мужицкий бунт и вырванные ноздри?
Сиваш мертвенный и удары вил,
кабацкий дух, язычество и постриг?

Мне не забыть блокадный Ленинград
и купола разрушенного храма,
могилы без крестов и без оград,
и хлебушек, поделенный на граммы.

Товариш маузер и гражданин наган
вели со мною разговор короткий.
Я помню все: баржу и Магадан,
шинель до пят и рыжую бородку.

Я помню тех, которых и не знал.
Не знал совсем. Но почему-то помню.
Запомнил я и Беломорканал,
и ржавый заступ, и людскую бойню.

Узкоколейку помню и Афган,
барак тифозный, топоры и шепки.
И как смотрел гранитный истукан
поверх голов, зажав в ладони кепку.

Как позабыть «Варяг» и Порт-Артур,
по Невскому летящие кареты.
И сабель звон, размашистый аллюр
и лед кронштадтский, и дуэль Поэта?..

...багульником, полынью ль поросло...
То ветром давит – с ног сбивая сводкой.
Оно – то с неба летится, то стеклом,
толченным мелко, забивает глотку.

...им так похожими на него
хотелось быть. Ну хоть немного...
Он был белее январских снегов,
он облака руками трогал.

И он летал... И летал всегда.
А им хоть раз бы подняться в небо.
Они летать не могли никогда
и не могли без вина и хлеба.

И были ноги у них в пыли,
и были цвета земли их лица.
А у него два крыла росли,
И он летел в облаках – как птица.

Но, видно, так угодно судьбе,
а может быть, еще кому-то...
Они звали его к себе
и хлеб – на стол, и вино – в посуду.

И цепь ковалась к звену звено.
И он ел хлеб, и они хлеб ели.
И вместе с ними он пил вино,
и он хмелел, а они смелели...

Свет не померк вопреки всему,
когда ножом сапожным крылья
они отрезали зло ему,
в лицо швырнув дорожной пылью...

...и молча прочь он от них ушел,
размазав слезы и пыль на коже...
И так им стало всем хорошо,
что он теперь был на них похожим.

міръ & вой...

...сжимается привычный круг
почти до точки. И не вдруг
иное время. В век разлук
оставленному быть.

И двух веков кривой разлом,
Imho, воняющий козлом,
хоть памятью скрепить...

И под ребром еще с теплом,
как фотографию в альбом,
в обнимку с девушкой с веслом
себя запечатлеть.

Позыв отъезда – как синдром...
Без лишних мыслей-папиллом
міръ планово идет на слом,
кому о нем жалеть.

Но веку прошлому – челом.
Чернильным написать стилем
каким неведомо числом
постскрипtum: «будем жить!»
И сжечь душевный бурелом.
Увязнув в думах о былом,
не слыша, как грохочет гром,
пернатым хлеб крошить.

Обзавестись своим углом,
возможно где-то за бугром...
И выметать мечты крылом
каминную золу.
И как с похмелья поутру,
очнувшись на чужом пиру,
прийти, качаясь на ветру,
к мочалу на колу.

...уйди...

Ушла бы ты, пока не красным...

все резко – резано – все разное.
Он – скоротечен.

Ты – опасна
в своем согласии атласном,
когда в нем пусто и ненастно,
как при отъезде в точку США.

Пусть пишет.

Кровью, чуть дыша,
и серебром.

Ты не мешай непознанному появляться.

Продай змею души китайцам.

А у него пусть будут пальцы
над простыней холста дрожать
не ради славы и гроша.

Пусть умирает не спеша.

Пока ты золотые яйца
найти так хочешь.
И отжать.

Пусть будут в краске его пальцы.
И капать серебром душа
пусть будет.

И не нам решать.

Август. Звездопад. Джеймс Ласт

...август диск луны врашал, звезды падали,
путь начав свой еще до весны.
Травы стали к утру пахнуть ядами –
теми, что проникают во сны.
И дыханье становится сбивчивым.
И желание просто молчать
Появляется – как безразличие
отражение с явью слышать.

Подмешивают зелье благого непокая
пастушьей флейты чары. И чаша велика.
И берега – кисельны. И ветер над рекою
расслаивает волны парного молока.

А ход времени только падением
спелых яблок в ночную траву
отмечается. И откровением
мнятся странные сны наяву.
И клубок событий размотается
по дороге в тоненькую нить
до трех сосен. Там, где счастье мается,
под калиновым кустом оставшись жить.

Сплетенная из грусти осенних дней корзина
наполнится доверху. Да яблоками ли...?
А воздух будет выткан летящей паутиной,
и будет дождь на лужах перемножать нули...

Ева
(искушение Адама)

Ты обовьешь мое тело змеем,
Вкусив сок плода
Древа познания,
ты станешь
самым мифическим зверем
из света и мглы
самого мироздания.

Душой овладев,
проникая в тело,
кровь отравив мою
ядом нежности,
дробясь на звезды
и вновь став целым,
ты растворишься
во чреве безбрежности...

Ты обовьешь мое тело змеем,
звена от зноя
жемчужной млечности,
ведь ты – поток,
длиннее, чем Время,
ведь я – та нить –
от Мгновенья до Вечности.

Полнолуние

Ночь течет. Ничего необычного в ней.
Но выламывает виски,
как ловцу жемчугов глубина.
Звездную отметав икру
на мерцающие пески,
над кораллами городов
камбалою плавает Луна.

Нишей тень на стене.
Над хрустальной могилой ковбойского шика
дымным знаком завис
распластавшийся гриф.

Льется ночь.
И на грани меряченья, смысла и крика
растворившийся день
превращается в миф.

Ночь течет, стрелки за полночь сбив,
но волнами ее не смыть...
А небесная камбала
цвета вечных полярных льдов,
огибая кварталов риф,
как плыла, так и будет плыть,
звездную отметав икру,
над кораллами городов.

Когда слова обретают обличие,
прыжок и хватку полярного волка,
вгрызаясь в мозг, как зверю в холку, –
не посадить их на цепь приличия.

И не ломайте рук в безутешности,
когда они, изыглась ёжево,
гирлянды фраз превращают в крошево,
чтоб было место теплу и нежности.

проза

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рассказ

Разместили его на месте Костенко, у единственного окна, выходящего в парк. Повезло парнишке: справа – однорукий Михиев, который ночью спит как младенец, ни разу не храпнет, не дернется. Не то что Кукушкин: тот гудит, как локомотив, и свистит кипящим чайником. Слева же, за треснутым стеклом, кокетливая осень спряталась за кленом и тихо плачет листвою.

– Везёт же новеньким, – мычал старик с бакенбардами и жидкими усами под костлявым носом.

Это Семёныч. Юркий, но вполне безобидный старик. Его полное имя наверняка есть в анкетах, но звали его все «Семёнычем», хотя тыкать ему никто не смел. Даже бутылочки, пробирки и склянки, в которых он сдавал свои анализы, персонал лаконично подписывал «Семёныч». Был он тут дольше всех и, кажется, знал все про всех. Доживи Остап Бендер до шестидесяти, наверно, выглядел бы именно так.

– Нет, Семёныч, тут вы, однако, не правы, – возразил ему Михиев, не отрываясь от книги. – Согласитесь, что понятие «везенье» здесь, в онкологическом, совершенно неуместно: попал сюда, считай, тебе уже не повезло – что-нибудь да ампутируют.

– Не душу, так конечности, – добавил Кукушкин, который еще минуту назад храпел и посвистывал.

Из нас только Кукушкин не мог самостоятельно ходить в туалет. Ему, шутил Семёныч, как «VIP клиенту» доставляли утку в постель за полчаса до завтрака. Вот он и спал целыми днями.

– Это верно, – вздохнул старик, покачивая седой головой. – Это они могут. Это они быстро. Встанут по обе стороны стола и давай пилить, будто бревно ты, а не человек.

Новенький лежал будто неживой. Даже через день после морфина он, казалось, был под его действием. Редко моргал, смотрел в одну точку на потолке. Прошедшие через это называют ее «точкой невозврата». Когда лежишь, уткнувшись в потолок, и пытаешься проглядеть там свое будущее – без ноги, без перспектив и со страхом метастазов. Глядишь сутки напролёт, а, кроме прошлогодней паутины на потолке, ничего и не видишь. В лысой голове мечутся мысли, гудят и ноют, упираясь в обрубленные конечности.

– Странный тип, – старик кивнул на новенького, – что скажешь, Михиев?

**Марат
БАЙЗАКОВ**

Родился в 1979 г. Учился в Германии, в США. Работает инженером в швейцарской нефтегазовой компании. Автор нескольких рассказов, опубликованных в журнале «Звезда Востока».

Михиев дочитал абзац до конца и, ловко перевернув страницу носом и большим пальцем единственной руки, отложил книгу в сторонку. С обложки на них тяжелым взглядом смотрел бородатый человек с чертами пророка, а под ним краснело название – «Раковый корпус».

– А ведь он тоже у нас лечился, вы знали, Семёныч? – он кивнул на книжку. – Может, и он был VIP клиентом. Может, даже лежал на вашей же койке. Вы только представьте, Семёныч, ведь поразительно же.

– Поразительно вовсе не это, поразительно то, что с тех пор наша медицина не быстро-то далеко продвинулась.

Гул старого кондиционера, непонятно, греющего или охлаждающего помещение, доносился из соседней палаты вместе с глухим стоном пациента. Обычные антисептики – фенол с хлором, как и в старину, – разбавляли запах боли и страданий в палатах. Рано или поздно все пациенты становятся тут похожими друг на друга: тощие, с усталой улыбкой на измятом лице, без волос на голове после химиотерапии, а некоторые и без конечностей.

Но этот новенький был другим. Тощее тело, словно срубленный молодой тополь, лежало неподвижно. Лысая голова утопала в подушке. В нижней части крахмальное покрывало стелилось ровно – отсутствовала правая нога. Лишь обрубок изредка дёргался, ища свое продолжение, дрожал с минуту и, наконец, замирал, успокоив рефлекс.

Вот лежит он, молчит третьи сутки, вроде все как у всех пациентов, а тем не менее что-то у него не так. Михиев говорит, что это у него блеск в глазах еще не полностью потух.

– Опасно это, – уверяет он шепотом, – с ума может свести.

В ту ночь я впервые заснул без снотворного. От новичка несло какой-то мажью. Запах больничной каши вперемешку со зловонием мази напрочь отбили у меня аппетит, и я, не притронувшись к еде, заснул раньше остальных. Спал я крепко, глубоко. Кукушкин храпел, как трактор. Он всегда храпел после двойной дозы пустыряника. Но даже его храп убаюкивал меня в ту ночь.

И все же меня разбудили. Чья-то цепкая рука долго теребила мое плечо. Открыв глаза, я еле распознал силуэт в темноте. Это был он, мой сосед по койке. Он стоял, опершись на костыли.

– Тебе чего? – спросил я, глядя в две сияющие точки на его лице.

– Вы Костенко?

Я впервые услышал его голос. Сиплый, обрывистый.

– Что?

– Костенко, говорю, вы?

– Костенко? Станислав, что ли? Нет, не я. Он на вашей койке лежал.

Парнишка пошатнулся, но удержал равновесие.

– Умер?

Лица я не видел, но голос у него дрогнул. Он присел на койку.

– Нет, – откуда-то из темноты донесся грозный голос Семёныча. – Выписался твой Костенко. И чего вам, черти, не спится, а? Вот встану сейчас, вы у меня прыгаете на одной ноге. Спите уже.

В тот момент я впервые понял, что улыбку человека можно не только видеть, но и слышать, чувствовать. Я был уверен, что парнишка улыбался в темноте, шурша какой-то бумагой в руках.

– ... мой Эверест, – повторял он еле слышно, кутаясь в одеяло. – ...Эверест.

Он бредил. Я вспомнил слова Михиева о том, что ампутация может свести человека с ума. Мне стало страшно. Заснул я только под утро.

Утром парня на месте не оказалось. Было непривычно. Он бродил по парку, неуложко перебирая костылями. Подбирал опавшие листья на скамье и подолгу их разглядывал. Вернулся он с несколькими большими, как человечески ладони, листьями.

Его как будто подменили. Он со всеми лично поздоровался и представился, будто впервые нас видел. Звали его Чингиз, и было ему двадцать пять лет. Целый день Чингиз улыбался, даже пытался шутить. У молодой медсестры, что приходила делать уколы, осведомился, не нужен ли ее маме одноногий зять. А когда он, не удержав равновесия, вдруг падал, то к подбежавшим на помощь людям не протягивал руки, отталкивая и убеждая их, что с ним все в порядке. И, как боксер в нокдауне, поднимался сам, всем своим видом показывая, что в состоянии продолжать бой. И продолжал.

Он стал чаще ходить, чередуя костыли с протезом. Усердно выполнял физические упражнения. Мог без костылей допрыгать до дверей и обратно. Читал толстые книги, которые ему приносили родные. Учил китайский язык.

— Я хочу нефть на Северном море добывать, — признался он как-то мне. — Шельфовая добыча, слышали о такой? Суровая мужская работа — всегда мечтал об этом. Но сперва я должен выучиться на инженера в Китае.

Спустя месяц его было не узнать. Подтянутый, жизнерадостный молодой человек рассказывал по палате, насмывая что-то и в шутку обращаясь к нам на китайском языке.

Вскоре его выписали. Чингиз на протезе под брюками, нисколько не хромя, прошёлся по палате, пожимая каждому руку. У дверей он остановился, взглянул на нас в последний раз и, шепнув что-то на прощанье, вышел из палаты.

Палата мгновенно опустела. Исчезла та легкая, позитивная атмосфера, которую создавал парнишка. Каждый из нас пытался чем-то себя занять, но мысли были только о нем, об этом сильном человеке.

Я же, пользуясь моментом, пока не поселили новенького, решил перебраться на освободившееся место у окна.

— И что это вы все место покойного Костенко, царство ему небесное, облюбовали, а? Будто это окошко вам сейчас же даст свободу.

Я молча перетаскивал вещи и раскладывал их по ящикам. В одном из этих ящиков я, к своему удивлению, обнаружил небольшой конверт. Аккуратно открыв его, я прочитал:

«Опять эта казенная палата с паутиной на потолке. Хватит, хватит, я устал сдаваться. Я здесь не умру, не сейчас. Я ведь еще молод, мать вашу, я еще жив, понимаете, жив! Так какого хрена я должен сохнуть под химией? Нет, хватит, не дожидаетесь! Если помирать, так только на вершине Эвереста.

Воздух там, говорят, волшебный: загадаешь желание, вдохнешь глубоко, и, пока спустишься вниз, оно исполнится.

Скоро меня уведут на операцию. Не помню уже, какая по счёту. А ведь никто, кроме меня, не выведет меня отсюда. Если удастся, если только удастся выкарабкаться, если только выстою, то, видит бог, покорю Эверест, обязательно покорю, обязательно, чего бы мне это ни стоило. Дай лишь шанс, один лишь шанс, последний шанс.

Костенко С.»

Я подошел к окну. Снял очки. В глазах туманилось.

«Эх, Костенко, Костенко. Земля тебе пухом, Славик».

За окном осень скорбным листопадом оплакивала всех тех, кто не получил последнего шанса. Я протер вспотевшее от моего дыхания стекло. В образовавшемся кружке, слегка прихрамывая, медленно удалялся молодой человек.

НОВЫЕ ИМЕНА

**Сергей
АБАТУРОВ**

Родился в 1962 г. в Ташкенте. Окончил отделение книжной графики Театрально-Художественного института им. Островского. Член творческого объединения Академии художеств Узбекистана. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Я знаю, что где-то сочится из камня вода...

Я знаю, что где-то сочится из камня вода
И сумерки вовсе не делают горы страшнее,
И что до руки вдруг дотронется чья-то рука,
Стихи сочинятся гораздо вернее.
Я знаю, когда-то века поменяют свой ход,
И будут они до последнего мига и часа.
И то, что случится когда-нибудь, наоборот
Останется в прошлом, которое кто-нибудь сглазит.
Я знаю, удел наш – не узел старья за плечом,
И даже не впрок заготовленные пожитки,
А то, что напомним однажды потом
Мне лучшие дни и любимые книжки.
Я знаю, что, дальние, мы упразднимся в себе,
И некто, тот самый, приемлет все то, что не к ряду.
От этого нам не защититься в толпе,
А если один, то к тебе я приду как награда.

Не родится музыка, не родится живопись,
Не родятся песенки новые-преновые.
Потому, что, ох, узка тропочка тернистая,
И сойти с нее, увы, дело просто плевое.
Будет в поле ветрено и на сердце муторно,
И под утро скомкана смятая постель.
Одиноко в комнатке, одиноко в сутолоке,
Одиноко в долгую, зимнюю метель.
Ни сейчас печалиться, ни тогда тревожиться
Не придется милому твоему лицу,
Потому что сладится, все как надо сложится,
Если я безропотно это все приму.

Когда реальность тела
Ошутимей реальности души,
Сном обволакивается разум,
А лихорадка чувств истошает силы.
Когда желания, воля и решимость
Увлекают в наркотическое забвение,
И кажется, что мир покоряется тебе,
Услужливо предлагая все, что нужно для счастья,
Тогда обрывается нить и гибнет душа
Под зловеший хохот иллюзий.

Я весь – противоречье во плоти.
 Не повезло стране, семье и телу.
 Иного компромата не найти,
 И этот стих приколете вы к делу.
 Сегодня я весь здесь – от бога и до черта,
 День смерти назначаю сам себе.
 Для смеха совершаю круг почета
 Верхом на необъезженной судьбе.
 Со мной в сравненье шут сегодня скучен.
 Не может строгим быть со мной король.
 Я ничему сегодня не обучен,
 Но что ни пожелаете – изволь.
 Не лучший ль час для прекращения споров,
 Для снятия запретов и оков,
 Для разрушенья тюрем и заборов,
 Для примиренья истинных врагов.
 Ловите миг – и смерть к вам не подступит,
 Влезайте в шель, в игольное ушко
 И смейтесь, смейтесь, если кто-то шутит,
 Но смейтесь громче, если нелегко.
 Ведь все, что в нас, – все это так по-детски.
 Grimасы наши это подтвердят.
 Мы можем выпить кофе по-турецки –
 По-человечески должны мы выпить яд.

Буду весел или грустен я,
 Буду знать ответ иль сомневаться,
 Буду зубоскалить или злиться,
 Но зайдут за мной – и надо собираться
 В дальний путь и в новые края.

И, не проронив последних слов,
 Раз уж не готов, к чему лукавить,
 Что-то проклинать, а что-то славить
 Из того, что так и не поправить,
 Сети выбрав или сняв покров.

Я иду с утра или под вечер,
 Предваряя чей-нибудь приход,
 Принятый у мудрых обиход.
 И, загородив собой проход,
 Наконец протиснусь в вечность.

И без голоса останутся слова,
 Без тепла присутствие в квартире,
 Круг друзей, сплоченнее и шире,
 Ненадолго задержавшись в мире –
 С плеч моих шальная голова.

Тяготит душу задолженность,
 И подарки смущают, заставая врасплох.
 Нужда, как ни маскируй,
 Обнаруживает себя в неподходящий момент.
 И склоняется в извинении голова –
 Пусты подвалы, и нечем ответить.
 На другом наречии излагает душа свои чувства
 И в другой валюте производит расчеты.
 Иностранка для окружающих –
 Кто бы перевел сказанное,
 И кто бы разменял отданное.
 Но забыла о своей отчизне,
 Не вспоминает о своем подданстве,
 Смирив себя с положением
 И трудится не из прихоти.
 И вот за все заплачено
 И вон сколько одаренных,
 И всеми она понята.
 Кто укорит ее, если она
 Душа.
 И кто возразит своему
 Господину.

Движение души – не выверенный шаг,
 Но я срываюсь с места без опаски
 Все потерять, итак я ниш и наг,
 И моих дел я не боюсь огласки.
 Я, может быть, не оправдал надежд.
 Вопрос – кого? Вопрос – каких? Простите.
 Я сам когда-то вышел из невежд,
 Не знавших откровений и наитий.
 Но крепла во мне сила лишь любви,
 И отпадала к черту осторожность
 Высказывать, что чувствую внутри,
 Делиться тем, в чем призрачность и сложность.
 Мы вместе проникали, я и ты,
 Во все переплетения судьбы.
 И задавали разные вопросы.
 Рождали их бесплодные умы,
 Но горло сдавливали аж до немоты.
 Неведомые нам души насосы.
 Они в нас гнали кровь, давили грудь,
 Теснили к краю страстью и желаньем
 И разомкнули не позволяли губ,
 Наполнив их взаимным обладаньем.
 И наших душ развили естество,
 Свободное от клятв и от обетов.
 Беспечные, мы шли как божество,
 Рожденное не здесь, не там, но где-то.

Все, что во мне встречалось и жило,
Где я бывал, знаком был с кем когда-то,
Прошу простить, мной понято одно:
Во всем здесь лишь случайность виновата.
Не здесь всему приют,
И не во мне причина,
А лишь сердечных пут
Развязка и кончина.
Ни мзды, ни мести, ни надежд.
Да будет ль ждать лихая,
Еще не сношенных одежд
Смиренно покидая.
Круговорот затих
И вихрь остепенился,
И этот поздний стих
Настал – не сочинился.

Спешу, гонимый талым снегом
И льдинками оттаявшей души,
Пронзить пером листок капризно белый,
Но прежний холод шепчет: «не спеши».
Ему так трудно покидать владенья,
Где было все тоской погребено.
Но просто красота – уже горенье,
И просто жизнь души моей – тепло.

Сохрани меня, сохрани
Между прочим, как между прочими,
Не суди меня тщетными сроками,
Ты на волю меня отпусти.
Хоть бы всласть, что казалась сластью,
Хоть бы в боль, что причудилась болью,
Пусть подушкою лягут напасти
После сроков своих к изголовью.
Похоронены будем как надо,
Без суда и без следствия странного.
Мы – лишь то, что Тебе всегда радо,
И не больше Тобою лишь данного.

И будет взрыв, и будет море,
И будет океан в зените,
И в ограниченном просторе
Вдруг захлебнется небожитель.
Зачертыхается, заспорит
С упрямым замыслом свершенья,
И в человеческом укор
Услышится о снисхождении.
Но будет поздно и напрасно,
Чудес не будет и чудачеств,
И на мгновенье станет ясно,
Каких нам не хватало качеств.

Сначала труд, терпенье и надежда,
Затем удача, достижения, почет,
А дальше гроб, ну, а бывает между
Любовь перечеркнет унылый счет.
И оторвет от мыслей и трудов,
От досок, от земли, от тела
То, что блуждало между трех дубов
Так долго, бесполезно, неумело.
Так не надейтесь, не трудитесь и не ждите,
А враз возьмите да и полюбите,
Но как нам это трудно, видит Бог,
Мы любим все, но только не Его.

Что поиск мой
Бесконечный и муторный?
Забывтый покой
В опрометчивой сутолоке.
Оскомина крепких ночных сигарет,
Рисуемый мною слащавый портрет.
Посты постоянства, закормленный голод
И чесаной шерстью укутанный холод.
Укрыты мозги
Мишурой – самомнением.
Все вместе – одной суетой и сомнением
По жизни, что просто дана и дана,
Как рыбе чешуйка, а морю волна,
Как небу ветра, а сердцу печаль,
Как сумерки свету, нам грешным скрижаль.
Тоскует, тоскует по людям земля,
И счастья колья нет –
Нет отдельного «Я».

В безмолвии свободного полета,
Ничему не находя аналогий,
На расстоянии зора и
Не снижая скорости,
Летит душа.
Спадает в тишине суета
Лоскутками желаний
Земного счастья.
Уколет ли недосыгаемое,
Ушемит ли сердце прошлое.
Задумаешься на время
Не больше, чем нужно,
Чтобы вскипятить чашку кофе.
И понимаешь,
Насколько прекрасное
Скрывалось под покровом безобразий.
Есть ли несправедливость?
Тогда она всегда направлена против
Прекрасного, которое внутри.
И самое прекрасное
Всегда с тобой.
Просто душа – это птица,
Которая вьет гнезда там,
Где поселяется любовь.

НОВЫЕ ИМЕНА

ОБРЕТЕНИЕ СМЫСЛОВ...

Эссе

**ДОБРОДЕТЕЛЬ – ЭТО ТО, НА ЧЕМ
УСПОКАИВАЕТСЯ ДУША**

*«У меня есть коллекция морских раковин;
может быть, вы ее видели? Я храню
ее на всех побережьях всех на свете морей».*

Стивен Райт

Сомнения. Разговоры. Слезы. Слезы. Разговоры и снова сомнения. Круг. Обсессивные попытки преодолеть собственную жалкую сервильность перед этим чистилищем жизни, кроме собственной же усмешки над собой, ничего не вызывают. Сначала ты удивляешься, что другие – не ты. Потом с завидным упорством пытаешься изменить «не себя». Злость и негодование вселяются в сердце и душат непрестанно, порой создавая полное ошущение, что ты под медленно опускающимся прессом. Внутренности выворачивает, и ты пытаешься искать помощи у вечных «учителей». Как это ни странно, но тебя слышат, и в твоём новом доме медленно, но верно появляются безголосые, но умеющие ясно и внятно беседовать с твоим сердцем бумажные Мудерисы. Среди их множества вдруг яркой вспышкой явится Единственный, который говорит: «Спроси свое сердце; добродетель – это то, на чем успокаивается душа, на чем успокаивается сердце; грех – это то, что возбуждает беспокойство в душе и что поднимает бурю в груди, что бы ни думали об этом люди. Положи на сердце руку и спроси его, что доставляет беспокойство твоему сердцу, – того не делай». Того не делай. Так просто? И это все? И это все. С этого момента начинаешь робко контролировать реальность, постоянно срываться, но понимать, где это «тонко», что так часто рвется. Чувствуешь себя титаном мысли и победителем всех когда-либо бывших олимпийских игр. Поздравляю!

А что же дальше?

Ничем не примечательный день, обычный променад по улицам любимого города, на сердце мир и покой, а

**Изабэлла
САБИРОВА**

Родилась в 1976 г. в Ташкенте, окончила ТГЭУ. Коллекционирует живопись и фарфоровую скульптуру, блогер, искусствовед.

тревожащие мысли «устают» и отодвигаются на второй план от твоего быстрого спортивного шага. Вывеска «Букинистический магазин» заставляет замедлить шаг и войти. Ох уж этот запах затхлости, чувство застывших веренищ чужих жизней и горьких невыносимых историй, итогом которых и является это книгопристанище! Среди этого затянувшегося для многих «постояльцев» ожидания «возрождения» в новых «историях» я увидела нечто удивительное и малопонятное. В скромном уголке среди внушительных многотомников мне явилось чудо... Кто она? Почему в одной кокетливо сидящей фигурке изящной дамы гармонично и столь непривычно для моего глаза «ужились» фарфоровая статуэтка и платье из с большим вкусом подобранной настоящей ткани и кружев? С огромным удивлением узнаю, что эта чудесная вещь всего лишь игольница, изготовленная в начале 20 века в Западной Европе и какими-то неведомыми мне путями оказавшаяся в этом темном царстве светлых мыслей. Только представьте себе, что когда-то некая фрау-вышивальщица по окончании шитья слегка приподнимала подол юбки этой прелестной дамы и «прятала» свою иголку в мягкую подушку под ней. А ведь сколько еще можно «угадать» смыслов в этой кокетке, которая далеко не простушка, ведь любой кавалер, забыв о галантности, мог быть незамедлительно и жестоко наказан за неподобающую вольность.

Так в мой дом вошла Красота. Мое увлечение фарфоровой скульптурой было весьма продолжительным и в целом плодотворным. Я стремилась не просто к спонтанному приобретению очередной красотишки из соображений «мне это нравится». Именно букинистические «центры силы» мне помогли разобраться в клеймах заводов-изготовителей, а всеисильный интернет – погрузиться с головой в увлекательнейшие путешествия в историю, время создания и особенности изготовления этих произведений человеческого усердия, вечно стремящегося к ускользающему совершенству. Так постепенно родилась небольшая, но дорогая моему сердцу коллекция немецкого и китайского фарфора. Так родилось увлечение чем-то, кроме себя самой. Кто-то назовет это сублимацией и отчасти будет прав, к тому же коллекционирование часто отражает страсть к упорядочиванию, ведь именно порядка и ясности часто не хватает в жизни каждого.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ...

Сначала мне встретился плакат с рекламой о предстоящей выставке Темура Шардеметова и, как всегда, сухая, ничем не выдающаяся авторская справка. Изображение на плакате напомнило виденные мною когда-то рисунки душевнобольных людей и никаких положительных ассоциаций, мягко говоря, не вызвало. Но все же – для полноты впечатления – я просмотрела работы с прошлой его выставки в «Вопум Factum». Абсолютно ничем не привлекли эти жалкие потуги «хочу быть Джамай Адыловым, Сальвадором Дали и Френсисом Бэконом одновременно... ну и немножко Гойей».

Открытие второй выставки состоялось, и вряд ли кто-то отметил мое отсутствие, да и я как-то не переживала по этому поводу. Где-то через неделю, проезжая мимо театра «Ильхом», решила посетить экспозицию. Иногда я намеренно не прихожу на открытие, потому что некоторые экспозиции и авторы требуют спокойного, вдумчивого созерцания. По старой привычке,

оказавшись в выставочном пространстве, всегда направляюсь прямо к стойке, где обычно имеется пресс-релиз, и почему-то совсем не удивляюсь его отсутствию. Глубоко вздохнув, я начала осмотр экспозиции, и... здесь началось самое интересное. Вообще я наслышана о «последних модах» и топос психоделической эстетики, основывающейся на теории сдвигов сознания и его измененных состояниях, в целом мне знакомой, как и работы основателя Павла Пепперштейна, известного российского художника. Однако дефиниция галлюциноза, о которой он много рассуждает, была не совсем ясна ввиду частых отсылок к наркотическим веществам с их особым влиянием на сознание. Наряду с этим существует множество рассуждений о достижении подобного эффекта вне воздействия наркотиков, то есть об особом состоянии художника, находящегося в ясном уме и твердой памяти, но при этом, в силу своего особого восприятия мира, способного «работать» с образами подсознания. Все это мне казалось излишне сложным и всегда вызывало настороженность. Так вот, чем глубже я проникала (иначе не назовешь) в предлагаемые художником немыслимые образы (или Они в меня проникали?), тем больше мне казалось, что время замедляет свой ход, а мой привычный, абсолютно незыблемый реалистичный мир рушится и медленно исчезает. Это очень странное амбивалентное ощущение. Я обошла экспозицию раз, два, три раза... Такое со мной бывает крайне редко, обычно только на ретроспективных выставках, потому что они часто связаны с моей скромной коллекцией и мне хочется более ясно уловить манеру и стиль того или иного интересующего меня художника.

Здесь же происходило нечто совсем иное. Художник не иллюстрировал реальность, а создал образы, являющиеся сгущением реальности и стенографией чувств, на мой взгляд. Конечно, вспомнился и Бэкон со своим: «Риск – это участь каждого художника, иначе вас ждет академизм. Я надеюсь, что я воссоздаю реальность. А вся реальность — боль». Или, к примеру, слова Умберто Эко: «Есть нечто печально злокачественное в природе нашего мира. Уродство непредсказуемо, красота предельная...» Шардематов теперь показался одаренным, тонко чувствующим колористом.

Закончив «обход» и надеясь, что мой «галлюциноз» закончился, я купила чашечку кофе и уютно устроилась в кафе театра. Но не тут-то было! «Фиолетовый» образ и остальные видимые мне персонажи принялись внимательно наблюдать за мной, будто требуя к себе внимания. Это забавное и крайне необычайное для меня ощущение! На каком-то этапе я поняла, что нахожусь «во власти» Шардематова уже часа полтора и, надо отметить, не без усилий все-таки вырвалась из его «объятий».

Прошло немало времени, но «фиолетовое Нечто» и еще несколько образов периодически всплывали в моей памяти.

Выставка подходила к концу, но никаких положительных отзывов о ней я так и не встретила, за исключением впечатлений уважаемого мной Арустана Жолдасова. Один из искусствоведов на мой вопрос о его ощущениях ясно дал понять, что искусство Шардематова антигуманно и заслуживает разве что «диагноза» психиатра, однако позже сам усомнился в сказанном и сделал парадоксальное предположение о чуть ли не гениальности творца. Одновременно высказывалась и диаметрально противоположная точка зрения, авторы которой утверждали, что Шардематов – наша надежда...

Прошло еще немного времени, и мне удалось побывать повторно на выставке с Вячеславом Ахуновым. Вот что он отметил: «Природа дала Темуру редкое чувство цвета и колорита. Как распорядится он этим редким даром – покажет время. А пока, следуя заветам немецкого экспрессионизма, молодой художник пытается найти в живописи ноту, цвет, звучание, которые бы соответствовали оптимизму, трагизму и иронии современности. Но после экспрессионистов начала века и неоекспрессионистов 70-х остается относиться к вещам с двойной иронией, с настороженностью и подозрительностью, с тем налетом трагизма, который имеет обыкновение прорываться сквозь смех и слезы».

Этого мне показалось недостаточно, и я обратилась к Карасеву В.А., который поле двухчасового (!!!) пребывания на выставке, изложил свое видение так: «...Какая-то странная, мощная энергетическая сила подхватила меня и швырнула вон из остеклевенных дверей театра «Ильхом» через дорогу, в небольшой огороженный садик. Нестерпимая тошнота подступила к горлу, и я опустился на звонкую зелень травы, а в сознании все время крутилась одна и та же фраза: «Бог нас проклял! Бог нас проклял...»

Именно от этой фразы театр, а точнее, его фойе показалось мне неким неумытым вместилищем, куда вошел сатана и осквернил храм. Там на стенах с глумливой иезуитской старательностью были развешаны отпечатки диагноза тяжелейшей формы депрессивной шизофрении, которые только сумасшедший мог назвать картинами.

Как пилигрим с загадочной миссией из экологической преисподней приаралья, Темур Шардеметов вознаграждал мой Ташкент своим посещением и представил уйму работ под общим лозунгом «Открытый вакуум». Действительно – это абсолютный вакуум нравственности. Это вакуум бесчеловечности!

Большинство работ Т. Шардеметова посвящены портретному жанру, хотя, скорее, это зарисовки из живодерни, где лики изображаемых раздавлены, изувечены, а тела разорваны в клочья. Слово в подтверждение слов, сказанных когда-то по схожему случаю замечательным узбекским художником Вениамином Кедриным («Это есть банка с краской, брошенная в лицо искусства»), ни один из выставленных «шедевров» не имел пояснительных данных ни на обороте холстов, ни на картинах: не было ни надписей, ни названий, ни имени автора, ни дат написания... Да что это за потеряшки такие?

Господи! Что же это за мир, в котором живет Темур? Неужели все так исковеркано вокруг него? Какая ненависть к окружающей художника действительности и, боже мой, какое личное отчаяние! А как же быть с элементарной памятью о художественной школе? Или Нукусская коллекция авангардной живописи первой половины XX века, как говорят, «крышу снесла»?

Услышав различные мнения и основываясь на собственных противоречивых ощущениях от увиденного, я посчитала необходимым встретиться с Темуром. И здесь не обошлось без «приключений». Художник сильно меня смутил, предложив встретиться не где-нибудь, а около Боткинского кладбища, у цветочного базарчика. Да уж... после посещения его экспозиции. В этом было что-то мистическое.

Встреча состоялась, я увидела весьма привлекательного молодого с обычным лицом и редкими светлыми глазами. Поприветствовав, художник

любезно пригласил меня в свое скромное жилище, где я увидела нечто необычайное. Помимо повторного просмотра уже хорошо знакомых мне по выставке работ, я попросила показать мне его пленэрные этюды, зарисовки и прочие, пусть ученические и постановочные, работы.

Господа, то, что я увидела, было более чем достойно! Прекрасные, воздушные, исполненные с настоящим мастерством этюды, которые и «ученическими» назвать язык не поворачивается, предстали передо мной во всей красе. И чем больше художник выкладывал передо мной из внушительных сумок эти, написанные зачастую на простых канцелярских папках, рисунки, тем больше я убеждалась, что передо мной пусть и молодой, но более чем талантливый мастер.

Параллельно мы беседовали, я задавала разные вопросы и получала весьма внятные ответы абсолютно нормального, мыслящего, здорового человека. Из беседы мне стало известно, что пленэрные эксперименты и пейзажи его более не интересуют на данном этапе творчества, и даже промелькнуло, что он «никогда» писать в этой манере не собирался. Что же касается «образов», то они возникают в его голове спонтанно и не имеют отношения к реальным персонажам, чем, признаюсь, он снова меня немало удивил (речь, как вы понимаете, сейчас не о портретах Адылова и других близких, представленных на выставке). В конце беседы художник очаровал меня своей искренностью, скромностью и явным природным талантом. К тому же я увидела почти во всю стену наброски, вероятно, заказанного ему архитектурного пейзажа, что убедило меня в его трудолюбии и желании заработать на повседневные нужды своим умением. Ну и, конечно, не могла я уйти с пустыми руками из его мастерской. Еще в театре мне приглянулись две работы. С одной из них Темур согласился расстаться, но другая... Поверьте, картина «Образ на фиолетовом фоне» мне «далась» нелегко. Темур категорически не хотел с ней расставаться и заявил об этом однозначно. С его слов, это была «поворотная» работа после первой выставки, и на ее создание ушло более полугода. Другие же образы, не менее им любимые, все же были готовы «к расставанию». Но, как говорится, мы не ищем легких путей, и, включив все свое женское обаяние и сопутствующие имеющиеся «ресурсы», я все-таки убедила Темура, и фиолетовый Некто теперь у меня в коллекции. Думается, такое близкое «родство» позволит нам лучше понять, а может, и полюбить друг друга...

переводы

Тагай МУРАД

(1948–2003)

Тагаймурад Менг-
наров родился в
Сурхандарьинской
области. Учился на
факультете жур-
налистики ТашГУ
(ныне НУУз). Ра-
ботал редактором
и переводчиком в
республиканских
СМИ. Народный
писатель Узбеки-
стана (1999). Автор
многочисленных
романов, повестей
и рассказов.

ТАРЛАН*Повесть*

1.

Беда, братья мои, беда!

Проснулся я как-то утром, провел рукой по голове и обнаружил там что-то неладное. Но значения этому не придавал. Даже матери своей не сказал.

День ото дня болячки разрастались, зудело, как при настоящей чесотке. Пошел я к фельдшеру нашего кишлака. Тот брезгливо сморщился, бросил «фу». Повез он меня в больницу в Юрчи. По дороге я выпрыгнул из машины. Но фельдшер меня поймал и снова усадил в машину.

А в больнице... Ох, там такое было! Слов нет, доктор этот оказался человеком безжалостным. Ну и показали они мне, где черти водятся, братья...

У всех, у кого была плешь, заново выросли кудри. Только моя голова ослепительно блестела. Ни одного волоска не выросло. Сами врачи удивлялись, сказали, мол, редчайший случай. Горько плача от обиды, возвратился я домой. Мать, увидев мою голову, совсем расстроилась.

Купил я большущую шапку, натянул ее до самых ушей и не снимал ни летом, ни зимой. Даже в школу в ней ходил. Наш учитель математики пробовал было настоять:

– Не начну урока, пока не снимешь шапку.

Сидевший в первом ряду староста что-то шепнул учителю. Но учитель был непреклонен:

– Ученик на уроке должен сидеть без головного убора! Правило такое!

Я еще глубже надвинул шапку и ухватился за нее руками.

– Ученик Курбанов, тебе говорю!

Я не шелохнулся. Учитель сорвал с моей головы шапку и вышвырнул в окно. В классе раздался оглушительный хохот. Все кричали:

– Ура-а-а, солнце взошло!

Обхватив голову руками, я разрыдался. Бросил черныльницей в учителя. Промаяхнулся. А потом сбежал.

С той поры ноги моей не было в школе. Приходили директор и классный руководитель, упрасивали меня. Мать тоже уговаривала. Но я все равно не вернулся. Так и остался с головой пятиклассника.

2.

Люди прозвали меня плешивым. Дескать, Зиядулла-плешивый! О Всевышний! Поначалу от стыда до самых ушей горел. Чувствовал себя глубоко несчастным. Но со временем прозвище «плешивый» перестало меня задевать. Свыкся я со своим несчастьем. Напротив, даже сердился на тех, кто не называл меня Зиядулло-плешивым. Особенно на нашего почтальона. Как увидит, так сразу: «товариш Курбанов» да «товариш Курбанов». Это выводило меня из себя. Сдавалось мне, будто насмехается он надо мной.

Один раз я даже накричал на него:

– Почему называете меня товарищем Курбановым? Начальство я, что ли, или диплом у меня имеется? Все, что у меня есть, так это моя голова с пятью классами. Нечего надо мной смеяться: хоть волос нет, зато гребень золотой.

– Как же мне тогда обращаться к вам?

– Зовите как все, Зиядулло-плешивым. Мое имя при мне...

Ну вот, слава богу, теперь и почтальон стал называть меня плешивым!

Сменил я много работ: был и сторожем, и кочегаром. Наконец стал чабаном. Пас овец односельчан. На горных пастбищах играл на свирели. Когда же не стало хватать дыхания, раздобыл старую домбру. Домбра моя зазвучала, а я, глядя на бесконечную гряду холмов, на растекающееся по холмам стадо, на беспрестанно шебечущих на горных вершинах птиц и на белые клубящиеся облака, пел дастаны. Дастаны эти пели еще наши деды на праздниках в долгие зимние вечера: один умолкнет – другой подхватывает. Многих из тех стариков уже нет в живых. Так, как пели они, никто уже не споет. Мы же берем своим зычным голосом.

3.

Вам, братья, лучше не спрашивать, а мне лучше промолчать... А зовут ее Момосулув. Спросите: красавица она или лицо у нее как лепешка? Черные у нее глаза или голубые, как цветок? Густые ли у нее брови? А если густые, то изгибаются ли дугой? Никак не могу я ее разглядеть, словно вокруг – темная ночь.

Брожу, как безумный, по улице, где живет Момосулув. Бледный свет луны пробивается сквозь облака. Брожу, словно что-то потерял. Вот я присел на камень у дороги, подпер ладонями подбородок и замороженно гляжу на луну. И кажется мне, что лицо у луны в пятнах. Сколько таких, как я, влюбленных безнадежно зывали к луне! Кому из них она подарила хоть один поцелуй? Кому из влюбленных луна была верна? Махнул я на луну рукой, поднялся с камня и перескочил через забор Момосулув. Собаки у них не было. Притаившись в тени деревьев, стал я заглядывать в окно, где горел свет. Сорвал несколько яблок и съел. Вдруг свет погас. Тихонько пробрался я на террасу, наощупь нашел ее постель. Она проснулась, сказала мне, чтобы уходил, а не то закричит. Стал я ее умолять. Протянул к ней руки. Она оттолкнула мою руку, будто отвергая меня.

И тут я ее обнял!

Ах, братья, мир – это одно, а то, что называют объятиями, – совсем другое. Ах-ха!

Лечь бы мне тихо, довольствуясь тем, что есть, – наслаждался бы ее объятиями. Но мне, неугомонному, все мало. Захотел я овладеть и ее сердцем! И вот постепенно силой своей любви завладел я ее душой. Это был особенный мир. Вокруг кромешная тьма. Пусто кругом. Ни одной живой души. И не было в этом мире мужчины, даже следа мужского не было. Будто есть на свете райский уголок. Оглянулся я вокруг и рассмеялся от радости: «В этом раю, кроме меня, – никого больше!» Душа моя переполнилась весельем: «Первым ступил я в этот рай!» Ах-ха!..

Открыл глаза – в комнате темень, а я лежу, обняв подушку.

Сон оставил меня. Не могу уснуть – все гляжу в потолок. Что правда, то правда: есть в нашем кишлаке такая девушка. И зовут ее тоже – Момосулув.

4.

Утром, позавтракав, завязал я в поясной платок свой обед. Волоча за собой кленовую палку, пришел в загон. Прилег на камне.

Люди пригоняли своих овец и коз. Вот и она! Вскочил я, посмотрел на нее. Почувствовал, как лицо мое вспыхнуло. А она бросила прутик вслед своим овцам, повернулась и ушла. Даже не взглянула на меня.

Интересно, видела ли она вчера меня во сне? Может, она так быстро ушла потому, что застеснялась?

Братья, эта девушка постоянно стоит у меня перед глазами. И днем, и ночью. Послал я к ней сватов. Ответила, что не выйдет за меня, потому что, мол, плешивый. Ах ты, Господи! И что с того, что плешивый? Разве все дело в волосах? Разве есть у волос разум, ведь растут они там, где им вздумается. У одного волосы густые, у другого редкие. А у иных и вовсе не растут. Что, разве выращивать волосы – сродни хлебопашеству? Разве так можно судить о человеке? Если бы сказали люди: вот, он не посеял волос на голове, а если и посеял, то не ухаживал за ними, не поливал, и посевы его высохли. Если так – пусть тогда унижает меня. Пусть говорит, что Зиядулла-плешивый – мужчина бестолковый, что на голове своей размером с кулак волос не смог вырастить. Пусть скажет, что не выйдет из него хорошего мужа.

Все равно я не отступился от своего решения. Посылал сватов одного за другим. Просил передать, что немного погодя куплю коня и буду участвовать в улаке¹. Поломалась она немного, а потом и согласилась.

Сыграли свадьбу. Она робкими шажками прошла за полог невесты. Я же мужественными шагами прошел за полог женихом. Рассказал ей о том сновидении. Спросил:

– Тебе тоже снился такой сон?

– Снился, – ответила она. – Темно было. Не смогла опознать, кто это был.

– Это был я, – сказал, ударяя себя в грудь.

– Вот потому-то я и вышла за вас, – ответила она.

Ах-ха!

Братья, во сне Момосулув была утренней звездой Венерой, наяву была Луной, а в объятиях моих стала Солнцем!

5.

Продав несколько овец, я завязал деньги в поясной платок и отправился в Обокли, взяв с собой искусного наездника Намаза. Обокли находится в Оккапчигае. Оккапчигай – это пустыня без конца и без края. Приехали мы сюда в поисках коня. Лошади есть и в других местах. Но лошади Обокли – особенные.

Братья, у сурхандарынцев так говорят: «Если берешь коня – бери из Обокли. Если берешь жену – бери из Иргали!»

Смысл этого изречения в том, что кони там – что твои сказочные дивы. Лошади нужен бескрайний простор. Лошадь не знает границ, не знает предела. Если и в суровые зимы лошади пасутся в степи, они становятся выносливыми, бока их лоснятся, а сами они – широкогрудые и быстроногие.

В Обокли как раз такие степи для лошадей.

¹ Улак – конноспортивное состязание, участники которого борются за тушу козла.

А то, что в Пулхакиме называют Иргали, находится на ближнем берегу Байсуна. Девушки из Иргали – крепкие, ядреные. Самая маленькая носит калоши шестого размера! Все они – сильные, работающие. Захочешь обнять иргалинку – и не обхватишь! Сыновья, рожденные иргалинскими матерями, сродни самому Алпамышу. Недаром Алпамыш жил в этих краях!

Теперь ясно вам, о чем говорит народная молва?

Целых два дня выбирали мы коня. В степях Обокли коней полным-полно! Мчатся табунами, поднимая пыль. Каких только коней здесь нет! Жеребята-первогодки – сосунки, трехлетки – стригунки, четырехлетки – бегуны, зрелые – пятилетние кони. Кобылицы здесь с таким крупом, что юрту на нем можно поставить! А какие могучие жеребцы!

Поймали мы одного коня, связали ему передние копыта. Ударили кулаком промеж копыт. Кулак не прошел. Если бы прошел – конь был бы хорош. Отпустили. Еще одного осмотрели. Сгодился бы, если б не брюхо – в брюхе был узок. И этого отпустили. Не тот!

Братья мои! Коня выбирай с брюхом быка, а быка – с брюхом коня!

Тот конь хорош, у которого задние бабки толщиной с детскую руку. Мы искали именно такого. Но он не попадался. Конь с широким крупом тоже хорош. Но и такой нам не попадался. Высматривая коней в табуне, заметили мы сивого коня. Отловили его. Осмотрели зубы. Хоть и было коню семь лет, но коренной зуб еще не вырос. Обычно он прорезается в пять. Выходит, и теперь не вырастет. Конь без коренного зуба приносит счастье!

Братья, пришелся мне этот конь по душе!

Отсчитал я три тысячи и сел на него. Подвел его к кузнице, что перед амбаром. Надел уздечку на морду сивого: привязал к нитке палочку и продел через ноздри. Когда он вертел головой, палочка врезалась в челюсть и сивый переставал дергаться. Коня подковали. Дома, в дальнем углу двора, соорудили ясли. Там я привязал коня. Мать осталась недовольна.

– Разве машина не лучше лошади? – вскользь бросила она.

Братья мои! То, что называют машиной, – это железо! Нет у машины души! Железо без души не сможет ужиться с человеком. Это так, потому что нет у железа сердца! Человеку лошадь подходит. Потому что у лошади есть душа и сердце!

Стал я ухаживать за своим сивым конем. Приучил к себе и к улаку. Мы с конем хорошо понимали друг друга. Как я его выхаживал и чему научил – не скажу. Сглазите!

6.

Все стали глядеть на меня снисходительно. И на меня, и на моего коня. Смеялись, пальцем показывали. Я знал, что люди хотят мне сказать: «Эй, Зиядулла-плешивый! Кто ты такой? Кем ты себя возомнил? Сирота, да еще и плешивый, зачем тебе конь? Тебе и ишака за глаза хватит!»

Братья мои, так уж устроен человек! На каждый роток не накинешь платок. Если ты преуспеваешь, тебе завидуют; если нуждаешься в чем-то – никто не подает. Ничего не подлаешь. Хочешь стать человеком – пропусти сплетни мимо ушей, но и не хлопай ушами.

Братья мои! Сколько бы ни было достоинств у коня, но конь есть конь! Четвероногое животное! Хвостатая скотина!

Можно вывести коня в люди? Нельзя! Можно сделать из него человека? Нельзя! Воистину, четвероногая скотина должна еще дорасти до коня! И воспитать настоящего коня под силу не каждому.

В здоровом теле здоровый дух – это про меня! Вот потому-то я коня и приобрел! Ах-ха!

Сказитель поет дастан. Если запнулся – умолкает и, исправившись, продолжает дальше.

Поэт пишет стихи. Если что-то ему не нравится – вычеркивает и переписывает.

Художник рисует картину. Не удастся ему бровь на портрете или, например, лошадиная тропа – он перерисовывает заново и бровь, и тропу.

А вот наездник коня исправить не может!

Четвероногое животное какой характер смолodu обретет, с таким и останется. К чему привыкнет, на том и стоять будет. Что бы ни увидело, что бы ни узнало, чему бы ни научилось – все в него впитается и в мозгах засядет.

И если потом наездник попыбует перевоспитать коня, то впустую потратит время. Коня исправить невозможно!

Каким будет конь – зависит от способностей наездника.

Потому-то я и воспитывал моего сивого день и ночь.

7.

Братья, как, по-вашему, должен выглядеть сивый конь? Он – как отбеленная бязь! А если у него предки породистые, то в девять лет он станет похож на канюка-курганника. На шкуре его появляются темные пятна, похожие на родинки. С этих пор он уже не сивый, а конь Тарлан – канюк-курганник. Канюк-курганник – самый лучший конь! Из ста гнедых только один конь бывает хорошим! Из ста коней масти канюк-курганник только один окажется негодным!

Братья, если не разбираетесь в лошадях – выбирайте коня только из породы Тарланов!

Когда моему сивому исполнилось девять, радость моя выросла в десять раз. Братья мои, теперь мой сивый стал конем Тарланом, а я – хозяином настоящего Тарлана! Мой конь – лучший из коней, такого коня не найдешь! Конь у меня – бесподобный!

8.

На тяжелые работы Тарлана я не ставил. Когда пас овец в холмистой степи, резвился Тарлан под моим седлом.

В один из таких дней примчался шофер председателя колхоза, который послал его за мной. Сказал ему, мол, привези Зиядулму-плешивого. Передал, что приехал человек с радио родом из нашего кишлака. Говорит, чтобы представили ему самого лучшего пастуха, собирается рассказать о нем по радио. Председатель предложил меня. Сперва я не поверил. Взглянул на шофера с сомнением. Вроде правду говорит. Я поручил овец Асаду, который пас свой скот неподалеку, а сам отправился с шофером. Я был на седьмом небе от счастья.

«Вот так председатель-ака! Дай Бог вам долгой жизни, – сказал я про себя. – Выходит, вы захотели, чтобы и мою сверкающую лысиной голову осветило солнце. – Потом подумал и добавил: – Да здравствуют ваши пышные усы!»

По пути я заехал домой, надел свой еще совсем ненешеный халат из полосатой шелковой ткани и шапку.

И остался собой доволен.

9.

Тарлана привязал возле правления колхоза. Перекинул через плечо домбру и хурджун, в котором был мой обед, и вошел внутрь.

– Здравствуйте, уважаемый корреспондент!

– Ага, входите, брат, входите.

Осторожно ступая по ковру, подошел я к корреспонденту, который сидел, развалившись, на почетном месте. Я сразу узнал в нем нашего земляка Рихсиева.

Я не знал, куда сесть. Рихсиев указал мне на место. Положил я хурджун на подоконник и сел. Хотел вежливо расспросить о житье-бытье, взглянул на Рихсиева.

– Ага, как ваша фамилия, брат?

– Зиядулла-плешивый.

– А-ха-ха-ха! Нет, фамилию назовите. Курбанов? Ага, хорошо, хорошо! Как здоровье, товариш Курбанов? Здоровы как лошадь?

– Спасибо, уважаемый корреспондент, спасибо. Если и не как лошадь, то на своих двоих крепко стоим. Сами-то вы как? Детки ваши резво бегают? Вот я, о чем бы люди ни заговорили, всегда вас хвалю. Глядите, говорю, и из наших писателей вышел.

– Спасибо, спаси-и-ибо. Дело вот в чем, товариш Курбанов: я о вас радиоочерк напишу.

– А что это такое, уважаемый корреспондент, радиоочерк?

– Что? Ну и ну! Вот тебе на, товариш Курбанов. Есть такой публицистический жанр! В этом жанре прославляют героев, понятно?

– Вот как? Ну и хорошо. А я-то подумал, это что-то нехорошее. Но не стоим мы того, уважаемый корреспондент.

– Это уж мы сами придумаем, как сделать из вас достойного человека, товариш Курбанов. Всё в наших руках. Вот вам бумага, пишите. Что, и ручки нет? Это уже непорядок.

– Да разве у нас есть что-нибудь, кроме пастушьей палки, уважаемый корреспондент?

– Так и быть, и ручку даю. Только пошевеливайтесь. Я пока аппарат буду настраивать.

– Дело вот в чем, уважаемый корреспондент, тут одна накладка. В грамоте мы не очень. Голова наша вместила только пять классов. Лучше вы спрашивайте, а я отвечать буду.

– Нет уж, пишите. Еще напутаете, наговорите все, что в голову взбредет, а мне потом мучиться, монтировать. Нет. Пишите: «Солнце, распуская свои золоченые косы, подняло голову из-за горизонта...» Нет, зачеркните. Художественную часть напишу сам. Вам это не под силу. Так, начали: «Еще с детства я мечтал стать пастухом. Эта мечта и привела меня к профессии пастуха. Окончив школу, я по велению сердца остался в колхозе. И вот теперь тружусь не покладая рук...» Ага, теперь пишите о плане, об обязательствах, с кем соревновались. Пишите обо всем этом. Дальше – по сколько ягнят вы намереваетесь получить от каждой овцематки. Вот об этом напишите. Понятно?

– Уважаемый корреспондент, так ведь я пасу овец односельчан!

– Вот оно что! Ну и дела, председатель ваш из тех, кого пошлешь за тибетейкой, а он тебе голову принесет. Ладно, продолжайте писать. Ваш трудовой вклад оценен?

– А то как же, уважаемый корреспондент. Председатель при каждой встрече останавливает меня, расспрашивает. Спасибо, говорит, брат, спасибо. Служишь народу, говорит. И все по плечу хлопает.

– И только-то? Эх, товариш Курбанов, товариш Курбанов! Это все абстрактные разговоры. Для радиоочерка нужны конкретные факты, понятно? Ордена, медали, грамоты. Ладно, товариш Курбанов, вы свободны.

Я вернул Рихсиеву ручку и почесал за ухом. Взглянул на магнитофон.

– Уважаемый корреспондент, не знаю, слыхали вы или нет, но я и дастаны сочиняю.

– Ага, вот как?

– Забочусь о том, чтобы песни и сказания дедов остались в памяти. И домбра у меня есть.

– Ага. «Зачем свое мне прятать мастерство? Ведь в мир иной не заберешь его?» – Алишер Навои!

– Долгих вам лет!

Я заволновался. Взяв домбру, запел свой дастан. В дастане я рассказывал о том, как в дом приезжает невеста. Как разжигают костер, играют на варгане. Как невеста приехала на коне, и конь обошел костер. Лошадиный такой дастан.

*Девушка, что мне мила,
Сердце в плен мое взяла.
К ней домчит меня мой конь,
Закусивший удила.*

– Молодец, товариш Курбанов, молодец. Только сегодня, товариш Курбанов, варганы, костры – все это устарело. Несовременно. Сами видите, на дворе у нас век атома. Космонавты снова на Луну полетели, слыхали? Ну ладно, товариш Курбанов...

Услышав, что гость прощается, запел я свой самый лучший дастан.

*За конем следи, чтоб всегда
Были корм у него и вода.
Не ленись расчесывать гриву,
Не жалея на него труда.*

– Ага, и этот хорош, – широко зевнул корреспондент. – Вот черт, сон одолевает. Ну что вам сказать, товариш Курбанов? Все это пустое. Не подняты актуальные проблемы. Отсутствует дыхание времени, века. Успехов вам в творчестве, товариш Курбанов. Ищите! Больше слушайте классиков. Например, Бетховена, Чайковского. Ашрафи, само собой.

Рихсиев поднялся. Я заволновался, что теперь он уйдет. Тут я вспомнил, что в отаре есть овцы его родни. Может, он уважит своих овец? И я заговорил об овцах:

– Уважаемый корреспондент, овцы ваши – ох и хороши! Такие крепкие, резвые. Лицо Рихсиева просветлело.

– Кстати, как наши овцы, товариш Курбанов?

В сердце у меня зажглась искра надежды. Приложив руки к груди, я утвердительно закивал головой:

– Спасибо, уважаемый корреспондент, спасибо. Хороши. Одно слово – всем овцам овцы!

– Ага, овцы – хорошая штука!

– Долгих вам лет! А овцы ваши – особенные! Что ни говори, хи-хи, что ни говори, ведь это овцы корреспондента.

– Ага, спасибо, спаси-и-ибо.

– Овцы вашего старшего брата – никудышные. Все в него, тупые. А ваши овцы – все такие умные, смышленные... Да принесут меня в жертву за овец корреспондента!

– Ага, спасибо, спаси-и-ибо.

– Однажды, представьте себе, погнал я овец к речке, покрикивая: «Хайт! Хайт...» Они же пошли к холму. И только ваши овцы направились к речке. Я еще тогда подумал про себя: «Ах вы, мои милые! Что ни говори, ведь вы – овцы корреспондента».

– Ага, спасибо, спаси-и-ибо. Ухаживайте за ними, товарищ Курбанов.

– Сразу видно, что это ваши овцы. Недаром говорят: каков хозяин, такова и его скотина...

– Ага, спасибо, спаси-и-ибо.

Рихсиев ушел. Я взвалил хурджун на плечо и вышел вслед за ним. Оседлав Тарлана, направился в степь. Душа болит, братья мои...

10.

Я отвел Тарлана в стойло. Привязал его к высоким яслям в конюшне. Отверстие, через которое сбрасывают навоз, на ночь забивал тряпьем, а днем тряпье вынимал. Давал Тарлану утром пять кило ячменя, в обед пять кило и вечером пять. Подавал на ладони сахар, соль. Тарлан брал сахар губами. Соль слизывал с ладони. Кормил я его и подсолненным курдючным салом.

Братья мои, с виду этот конь – райский скакун, но пасть его – врата в ад!

11.

Ровно через сорок дней и сорок ночей я вывел Тарлана из конюшни. Начал его выгуливать. К колышку в центре двора привязал длинный аркан, а другой его конец завязал на шее Тарлана. Выгибая шею, подобно кобре, он бежал по кругу. Ржал, вскидывая передние ноги. Резвился, сильно дергая аркан. Тарлан опьянел!

Я разбрасывал клочки сена по длине аркана. Тарлан, кружась вокруг колышка, брал сено то с одной, то с другой кучки. В день давал по одному незрелому арбузу. Он с хрустом его съедал.

Одним чудесным утром, накинув на Тарлана легкое седло, я поехал верхом. По большой улице пустил его неспешным шагом. Занималась заря, кричали пехухи, лаяли собаки. Из репродуктора на столбе полилась музыка. В арыках журчала вода. Порывы утреннего ветерка ласкали нас. Равномерно стучали копыта Тарлана: цок-цок-цок... Впереди показался арык. Мы остановились. Я не дал Тарлану перепрыгнуть через него. Перепрыгни он – пропал бы нагулянный жирок. Потом целый год он не смог бы участвовать в состязаниях.

Напоил Тарлана. Мы повернули назад. И снова степенные шаги: цок-цок-цок...

Тарлана я выгуливал сорок дней. Он уже не мог стоять на одном месте. Уже летал, почти не касаясь земли копытами. Резвясь, взбрыкивая, он подпрыгивал до небес, словно вихрь.

Сбор хлопка закончился.

Начались свадьбы.

12.

Братья мои, нет на свете того, о чем бы не знал конь. Снег, дождь, град – конь чувствует все заранее. Особенно он предчувствует свадебные пиры. Вот почему именно на свадьбах устраивают скачки!

Наш Тарлан всю ночь фыркал. Я было разволновался. Накинул на плечи чапан¹ и вышел на него поглядеть. Луна яркая, небо ясное. Тарлан, не останавливаясь, бежал вокруг колышка. Я поймал его и погладил гриву. «Наверняка где-нибудь свадьба», – подумал я. Вернулся в дом и лег спать.

¹ Чапан – ватный стеганный халат у узбеков.

Вышло, как и думал. На другой день получили приглашение на свадьбу из соседнего кишлака Обшир. Я вычистил Тарлана. Из амбара вынес конское снаряжение: потник, подстилку под седло, которая кладется поверх второго потника. Попону, подпругу, подхвостник, уздечку, седельную подушку, седло со стремянами. Оседлал Тарлана. Надел на него узду. На лоб ему повесил амулет из боярышника. Раздутый хурджун бросил на седло. Вдел ногу в стремя, взялся за луку седла.

13.

В Обшир поехали двадцать наездников. Мы остановились у порога дома, откуда раздавались звуки сурная. Из трубы поднимался вверх густой дым. Нам выделили на постоя дом пастуха Турды. Человек в глубокой надвинутую на голову трухе провел нас по узким улицам к его дому. Ворота оказались довольно низкими. Хозяева смирных коней въехали во двор, припав к седлу. Хозяева резвых коней спешились и повели коней на поводу.

Братья мои, оседлав коня – думай о голове, свалившись на землю – думай о коне.

Мы расседлали коней. Упряжь развесили на подпорках для деревьев, на супе¹, на дувалах². Дали коням остыть.

Я позволил Тарлану поваляться по земле. Он перекатывался то на левый бок, то на правый. Валялся в свое удовольствие. Потом поднялся. Расставил ноги, отряхнулся от пыли и приставших соринки. Я накинул на него коврик, немного затянул подпругу. Ногой вбил в землю колышек.

Наездник Сафар вбил колышек для своего гнедого рядом с Тарланом. Это меня разозлило, я сказал:

– Сафар-ака, будьте добры, привяжите своего гнедого подальше.

– Ничего, места много...

– Мне места не жалко. Ваш гнедой – недобрый, это меня беспокоит.

Гнедой поглядывал недружелюбно на моего Тарлана. Я хотел было сказать: «Вон, видите?», но наездник Сафар уже направился в комнату для гостей. Я махнул рукой и пошел вслед за ним.

Мы сели в круг. Из свадебного дома принесли угощения и две бутылки. Все это мы отдали хозяйке. Она развела в очаге огонь и принялась готовить плов. Мы стали нарезать морковь.

Вдруг послышалось пронзительное ржание. Узнав голос Тарлана, я мигом выскочил из комнаты. Гнедой Сафара, фыркая и выкидывая передние ноги, бросался на Тарлана. Я махнул издали рукой и прикрикнул:

– Нельзя!

Тарлан попятился и стал рыть передними копытами землю. Оскалившись, он заржал, предупреждая гнедого. Мол, не подходи лучше.

Я взялся за недоуздок и успокоил Тарлана:

– Хватит! Все, все! Все, говорю! Сафар-ака, я разве не говорил, что ваш гнедой – недобрый конь? Вот обидел Тарлана. Уведите его!

Кони наши успокоились. После плова вечером мы смотрели борьбу.

14.

Наутро, после завтрака, наездники оседлали коней. Отправились в холмистую степь среди горных цепей. На закате степь выглядела бурой. По краям росли тутовые деревья с толстыми стволами. Зрители расселись, точно птицы,

¹ Супа – глиняное возвышение во внутреннем дворе, на котором сидят или лежат.

² Дувал – невысокая глинобитная стена вокруг дома.

на ветвях тутовника, другие группами расположились полулежа на окрестных холмах. Наездники снимали с коней седла, готовя их к скачкам.

Мы тоже расположились на склоне холма. Я расседлал Тарлана, дал ему поваляться. Потом надел седло. Обмотал себе ноги портянками, натянул лежавшие в хурджуне сапоги для улака. Сапоги у меня на высоких каблуках, из козлиной кожи. С изнанки кожа стянута внутренним швом. Изнанка обычно бывает блестящей, гладкой. А верх сапог я смазываю нутряным салом. Такие сапоги не пропускают ни воды, ни снега, ни холода. И не рвутся. Надел надрезанные с обеих сторон шаровары. Я их специально надрезал, потому что, если во время скачек что-нибудь зацепится за шаровары, они могут совсем разорваться.

Натянул трех на уши. Вдев ногу в стремя, ухватился за луку седла. Помчался в степь. Другие наездники, разминаясь, проехали по кругу.

15.

Поглядывающие в сторону кишлака наездники в это время прокричали:

– Везут!

Со стороны кишлака показались двое верховых. Один вез перед собой тушу черного козла. Подъехав к нам, сбросил ее на землю. Наездники дали своим коням обнюхать тушу. Переворачивая, показывали ее со всех сторон. Кони сгрудились.

К нам подъехал усатый человек с лицом, напоминающим румяную лепешку, только что вынутую из тандыра. Это был распорядитель. Подняв рукоять плетки над головой, он объявил зычным голосом:

– Эй, наездники! Слушай мои слова и правым ухом, и левым! Веревку на добычу не накидывать – раз! Друг друга дурными словами не обзывать – два! Плетку не применять – три! На упавшего наездника не наезжать – четыре! Если убегает конь, помощи его поймать – пять! А теперь налетай!..

Распорядитель выскочил из круга. Объезжая всадников, громко объявил:

– Первый приз – платок и десять рублей! Не говорите, что не слышали!

Наездники, подстегивая лошадей плетками, подгоняя ударами коленей в бока, бросились к туше, лежащей на земле под множеством конских копыт. Руки наездников рвали к ней. И не могли ее достать.

– Ну-ну!

– Но-но!

– Хватай, тащи!

Все попытки были безуспешны. Туша по-прежнему оставалась на земле. Всадники и кони вспотели. Некоторые укротили прежний пыл. Другие, отирая со лба пот, и вовсе отъехали в сторону и присоединились к зрителям.

Игроки снова бросились к туше. Ринулся и я, вертя плеткой над головой Тарлана. Теснимый другими конями, подобрался к туше. Тарлан, сделав круг возле нее, остановился. Сжав зубами рукоять плетки, я потянулся к улаку. Только было поднял, как на тушу надавил копытом чей-то конь, и она выскользнула из руки. Сгрудившиеся лошади оттерли Тарлана назад. Тарлан споткнулся и, покачиваясь, вышел из круга. Чтобы боевой задор Тарлана не пропал, я проскакал галопом почти версту. Как будто мы захватили добычу!

16.

Увидев, что тушу так никто и не поднял, распорядитель повысил цену:

– Эй, наездники, не говорите, что не слышали: сверх того добавлю одного барана!

Кони зафыркали, заржали. На крупы с треском сыпались удары плеток. Наездники с гиканьем направили коней к туше. Наконец она была поднята с земли. Зрители оживились. Лошади тревожно прядали ушами. Всадники помчались к низовью.

Распорядитель объявил:

– Улак поднят, улак поднят!

Наездники понемногу оживились, помчались галопом. Топот, топот, топот...

Все скачут за тушей козла. Все внимание приковано к ней.

– Улак увезли! Улак у буланого и рябого!

Почему коня называют рябым? Потому что на лбу у такого коня белая отметина, а на кончике носа пятнышко. И оба паха лошади разукрашены пятнами. Рябой конь может быть разным. Сероватый рябой, черный рябой, рыжий рябой, гнедой рябой! А буланый конь – желтый, грива и хвост – черные, но встречаются буланные и с белыми гривами и хвостами.

Рябой с буланным мчатся с настороженно торчащими ушами, похожими на заячьи. Между ними болтается улак. Одна нога туши у гнедого, другая у буланого. Вокруг к улаку тянутся десятки рук. Но не могут дотянуться. А если кто и дотянется – не может вырвать. Окружив их, мчатся и другие кони: топот, топот, топот...

– Улак у буланого и рябого! Не выпускай! Улак перешел к буланому, улак у буланого! Гони!

Топот-топот-топот... И впрямь, наездник буланого, ловко перекинув ногу через тушу, прижал ее коленом. Наклонившись вправо, потянул поводья вправо. Буланый преградил дорогу сопернику. Многие наездники, поняв, что тягаться бесполезно, один за другим начали отставать.

– Чисто! Буланый выиграл честно! Бросай буланый, бросай! Ну и молодчина! Подходи, буланый! Забирай свою награду!

Наездник буланого бросил тушу на землю и направился к распорядителю. Мы же кинулись к туше. Снова сгрудились. На этот раз тушу унес всадник на низкорослом гнедом.

Гнедой конь – темно-рыжей масти. Шея у него выгнута, как у очковой кобры.

17.

На третий раз улак выпал на мою долю. Я потерял было всякую надежду, стоял в сторонке. Чей-то рыжий конь по земле выволок тушу из круга. Тарлан повернул голову в сторону рыжего. Когда он приблизился к нам и наездник поднял тушу на уровне колена коня, я нагнулся и подхватил добычу. Выпрямившись, ударил Тарлана коленом в бок и закричал:

– Но-о!..

Тарлан рывком отделился от группы. Вслед за мной помчались и другие наездники. Поравнявшись, многие потянулись к улаку.

Я поддал Тарлану плеткой. Вместо того, чтобы прибавить скорости, он замедлил шаг. Я был в недоумении. Взглянув вперед, я понял в чем дело. Впереди была довольно широкая речка. Я не знал, как поступить. Пока натягивал поводья, мы очутились у самого берега. Другие кони от нас не отставали. Тарлан помчался вдоль берега. Тушу я зажал под коленом со стороны реки так, чтобы никто к ней не подлез. Но длиннорукие наездники потянулись к улаку через шею и круп Тарлана. Я не хотел отдавать улак. И Тарлан не хотел его отдавать! И мы опрометью помчались вдоль берега. Голоса распорядителя не было слышно. Я опустил поводья и крепко ухватился за тушу, прижав ее к боку коня. Тарлан скакал сам, без понуканий. Нас по пятам преследовали другие наездники. Тарлан посмотрел на

речку, на миг застыл – и, подняв передние ноги, кинулся вниз. Меня пробрала дрожь. Вот-вот – и глаза выскочат из орбит. Я потянулся к поводьям, но не достал. Почувствовал, как мы оторвались от земли и повисли в воздухе. В голове молнией пронеслось: вот так и умирает человек. Я крепко зажмурился и выпустил улак. Очнулся от сильного толчка. Сердце будто в пятки ушло. Я чуть не лишился чувств. В отчаянии приник к шее Тарлана.

18.

Когда открыл глаза, увидел, что мы скачем по сухому руслу реки.

Тарлан замедлил ход, потом остановился. Нагнув голову, он фыркал и тяжело дышал. Я выпрямился, снова закрыл глаза.

Сверху раздался голос распорядителя:

– Туша на месте! Осталась на месте!

Я взглянул наверх. Наездники, выстроившись в ряд на берегу, смотрели на нас. Я наклонился и взял поводья. Направился вдоль речки в поисках тропинки, которая бы вывела наверх. Сверху кто-то рассуждал:

– Ну надо же! Голова кружится, когда смотришь вниз. У этого Тарлана два сердца! А если одно – то размером с его голову!

Распорядитель предупредил:

– Тарла-а-ан, захвати улак!

Я сделал вид, что не расслышал. Не хотел возвращаться за улаком. Стал подниматься по пологому склону. Дойдя до места, где оставил снаряжение, я расседлал Тарлана. Осмотрел его, погладил ноги. Ушибов не было. Дал ему поваляться на земле, чтобы остыл. Расчесал коня с ног до головы. Надел узду, привязал его к колышку. Все, больше в сегодняшнюю свару Тарлана я не пушу. Он вышел победителем.

19.

Тут и моя обидчивая натура дала о себе знать: если на то пошло, в его победе есть и моя заслуга.

Хотите, я вам скажу кое-что, братья? Я люблю ссоры из-за обид. Провалиться мне на этом месте! Если, начиная от новолуния и до тридцатого числа, не обижу на что-нибудь – такое чувство, словно и не жил вовсе. Тоска берет. Хожу, озираясь вокруг, будто что-то потерял. Придираюсь к мелочам. Пустяк принимаю близко к сердцу, будто смертельную обиду. Чувствую себя униженным. Впадая в уныние, вспоминаю покойного отца. Ведь люди знают, кто я сирота, и обижают меня нарочно. Но разве виноват я, что вырос сиротой? А потом в душе просыпается обида из-за моей головы. «Были бы на моей голове волосы – не унижали бы меня так!» – с горечью думаю я.

В такие минуты товарищи по стремени, придерживая коня за уздечку, увершают: «Хоть раз умерьте свой гнев, наездник Зиядулла». Такие минуты обиды – бальзам для моей души! Нахмутив лоб, я гляжу вдаль. Глазом не моргну, не пошевеливнусь. Мои товарищи по стремени еще пуше стараются. «Зиядулла, вы славный, великий наездник, но подумайте и о нас», – упрощают они. Ах-ха! Вот где наслаждение для души! И только пережив подобные минуты, в знак согласия я задумчиво киваю головой. Так и быть, говорю, ваша взяла. Довольный, поворачиваю коня.

Давно уже я искал, на кого бы обидеться. И вот выпал случай. Причина подходящая: мол, конь не пожалел себя ради человека. А распорядитель не оценил его самоотверженности!

20.

Обидевшись, я продолжал сидеть. Несясь, будто бурный горный поток, какой-то всадник на палевом коне подлетел к распорядителю.

Палевый – значит соломенного, бледно-желтого цвета. Ноги в пестрых носочках. Еще у него на лбу может быть белая звездочка. Но у этого коня ее не было.

Я не признал бородатого всадника на палевом. Голос наездника звучал требовательно:

– Эй, распорядитель! Усы у тебя есть, а совести, как видно, нет! Гляди, откуда бросился Тарлан. Конь сделал это не потому, что испугался тебя или нас, – он рисковал собой ради человека. Если такого смелого коня золотом осыплешь – все равно останешься в долгу. Отдай наезднику приз!

– Он выронил улак из рук!

– Если не отдашь – я сам для Тарлана одного барана из дома привезу! Так даешь или нет!?

– Слушай, наездник! Если кому угошение предложишь – пусть это будет достойный человек, если от чьей руки голову сложишь – пусть это будет достойный человек. Ладно, твоя взяла.

Распорядитель дал нам одного козла и двадцать пять рублей.

21.

Окончание состязаний смотрел полулежа, облокотившись на землю. Мои товарищи по стремени так ни разу и не выиграли. Начали разъезжаться с уака несолоно хлебавши. Я начал их корить:

– Как будем смотреть людям в глаза? И это двадцать наездников! Весь выигрыш – один козел. И того выпросили.

Спутники мои ехали с поникшими головами, в ответ только пожимали плечами.

– А что если мы сделаем в пути привал, а в кишлак введем, когда стемнеет.

Когда до кишлака остался один холм, все спешились. Прилегли отдохнуть. А когда стемнело, сели на коней. Я ехал впереди – на случай, если кого-нибудь встретим. Как-никак у меня козел. Для отвода глаз...

Вышло так, как я и говорил. Только проехали каменистую местность, как неожиданно навстречу показался чей-то черный силуэт. Мы свернули с дороги. Тень подала голос:

– Эй, вы там не видели случайно корову-пеструшку?

– Не видели.

– Зиядулла-наездник? Ты ли это? Со скачек возвращаетесь?

– Со скачек.

– И что, не с пустыми руками?

– А то как же!

– Что-то не похоже.

Я дернул козла за шерсть. Козел протяжно заблеял.

– Голос слышали?

– Да, хорошо, хорошо. Говорят же: с пустыми руками лучше не возвращаться. Вы ведь целое селение представляете... Такие живые голоса есть у каждого из нас. Не хурджуны, набитые халатами!

22.

Отправились на свадьбу в Байсун. Из-за грязи, хлюпавшей под ногами, хвосты у лошадей завязали узлами...

В Байсуне, братья мои, живет народ склочный! Никому ничего не дадут. Сами

ничего не умеют. А если кто-то в чем-то преуспел – на дух его не переносят. Успехов наших не признают, норовят принизить.

Видя чью-то растерянность, злорадно усмеваются. Вот, дескать, бедолага. Что поделаешь: если что впитал с материнским молоком – живешь с этим до самой смерти.

Вот и на сегодняшних состязаниях вышло так, как мы и думали. Из Шурчи приехал наездник Файзулла. Шайтан, а не наездник! Конь под ним тонкобрюхий! Скачет, словно водяной змей! Дважды подряд вырывал улак из рук соперников. В следующий раз улак достался мне.

Улаком завладевали то шурчинцы, то мы, то вахшиварцы. Наездникам из Байсуна он не давался.

Когда Файзулла в третий раз поднял улак, байсунцев словно прорвало. Один схватил коня Файзуллы за уздечку, а другой прямо-таки вынудил наездника выпустить тушу. Но Файзулла снова вырвал ее и ускорился. Его тонкобрюхий бежал как борзая! Наездники из Байсуна остались далеко позади. И только один громадный жеребец его догнал. Но наездник не смог дотянуться до улака. Тогда жеребец ударил грудью тонкобрюхого коня Файзуллы и помчался дальше. В отместку!

Тонкобрюхий Файзуллы полетел кувыркком, а сам Файзулла перелетел через его голову и упал на землю. Тонкобрюхий поднялся, пять-шесть раз вздохнул. Поглядел на своего наездника. Тот, хотя и сильно упал, вскочил и подбежал к тонкобрюхому.

Бог мой! Если наездник свалится с глинобитного дувала, он что-нибудь себе да ушибет. Упадет с ослика – какое-то время лежит не двигаясь. Но слетев с мчащегося стрелой коня, он вскакивает как ни в чем не бывало!

Братья мои, упадешь с осла – он подставит копыто, упадешь с лошади – подставит гриву!

Наездник Файзулла подошел к своему тонкобрюхому, вытер грязь, прилипшую к шерсти коня, снял съехавшее на брюхо седло и оседлал заново. Отряхнул одежду. Потом пустил коня вскачь, въехал в круг и яростно вцепился в улак. В это время конь кого-то из местных топтал тушу, и Файзулла не смог вытянуть ее из-под копыт. Вылез из кучи-малы и с досадой бросил:

– Вот когда научишься, тогда и садись на коня, сукин сын! Чем так бороться, лучше бы тебе подохнуть! Приедешь к нам на улак – тогда поглядим. Тыфу на тебя!

Плевков Файзуллы попал на круп громадного жеребца. Его хозяин обиделся. А с ним и его товарищи по стремени.

23.

Наездники из Байсуна поняли, что не быть улаку в их руках, и выбрали нечестный путь. На улак они накинули веревку! Длинной в половину маховой сажени и толщиной с палец. На концах – петли, в которые можно продеть руку или набросить их на луку седла. Если наездник протянет веревку под лодыжкой и привяжет к руке – выхватить у него улак невозможно.

Есть другой верный способ накидывать веревку на улак. Наездники из Байсуна применили именно его. Один из них изловчился и поднял улак с земли. Пропустил веревку под лодыжкой козла, а петли зацепил за луку седла и поскакал, прижав улак под коленом. Чтобы выхватить такой улак, нужно сбросить наездника вместе с седлом или свалить его лошадь!

– Веревка! Веревку накинул!

– Эй, распорядитель, гнедой веревку накинул!

– Нечестно! Улак гнедого добыт нечестно!

Распорядитель все видел, все слышал. И все равно сказал, что честно. Наездники были недовольны. Распорядитель, пожимая плечами, делал вид, будто не понимает:

– Вербка? Какая еще веревка? Сегодня вы наши дорогие гости, не нужно клеветать. Подходи, гнедой! Забирай свой приз!

Возражения наши остались без внимания. Многие, рассердившись, уехали с улака. Хамдам из Шурчи, уходя, сказал:

– Чем так добиваться справедливости, лучше навоз с улицы есть. Вы только посмотрите! Человек не ел, не пил, устроил народу праздник, а ты... Эта низость не по тебе, так по твоим детям ударит, вот увидишь!

Распорядитель стоял на своем:

– Акун не накидывал веревку, все по справедливости!

– Плевать я хотел на такую справедливость!

Хамдам, отряхнув полы, пошел прочь.

24.

Братья, почему уходят, отряхивая полы? Ради справедливости! Почему уходят, сплевывая? Ради справедливости! На что обижаются, уходя? На несправедливость! Из-за кучки подлецов, озлившись на бессовестных мерзавцев, уходят, бросая справедливость в огонь! Вот мы всегда твердим, братья: справедливость, справедливость. Слово это не сходит у нас с языка. А при виде несправедливости пасуем. Сетуем на судьбу и на жизнь. Мол, справедливости нет, справедливость, она – на небе. Братья мои, справедливость – на земле! Под нашими ногами! Лежит, смешанная с пылью. Кто же над ней так глумится? Да мы сами! Я, вы, Файзи-наездник, Хамдам-наездник! Видели, как они убежали?! Вот так всегда: когда справедливость попорана – мы убегаем. Воротим от нее лицо. Делаем вид, будто ничего не случилось. Когда подлец душит справедливость, мы отходим в сторону. «От дурного беги, не связывайся, не замечай его», – говорим мы себе. Дескать, негоже мне якшаться с дурным человеком. А придя домой, говорим: такого-то несправедливо обвинили; правды, оказывается, нет на свете. Но прямо в лицо, открыто не говорим этого дурным людям. Стоим в сторонке, будто ничего и не замечаем. Прикусываем язык. Боимся потерять авторитет и лишиться должности. Или же не хотим наживать себе врагов. «Слово правды и родному человеку не нравится», – говорим себе и машем рукой: «Да ладно!»

И вот все разбегаются. Наши друзья-наездники тоже решили уйти.

– Поехали, – сказали они.

Я резко ответил:

– Никуда я не поеду! Буду участвовать в улаке до конца!

Мои товарищи по стремени поддерживали меня. Один байсунец прошептал стоящему рядом наезднику:

– Вот и хорошо, пусть уезжает. Улак теперь нам достанется.

25.

Я разозлился душе прежнего. Отдал Тарлана наезднику Самаду. Сам оседлал его светлого буланого коня. Держался, выжидая, чуть поодаль от наездников, сбившихся в кучу. Один байсунец снова накинул веревку на улак. Я тут же подскочил к нему и не отпускал от себя. Схватил улак за одну ляжку да так и держал. Наконец его конь устал. Он и сам сдался и выпустил тушу из рук. Она упала на

землю. Я не успел подхватить ее. Повернул буланого обратно. Вытер рукавом лоб. Освежил грудь, поднимая и опуская ворот рубашки. Ах, какое это блаженство! Я почувствовал прохладу. У меня было такое чувство, будто я совершил благое дело.

И снова я встал в стороне от сбившихся в кучу всадников. Светлый буланный конь перенес всю свою тяжесть на задние ноги. Теперь тушу из середины круга вынес байсунский наездник на рыжем коне. Своего светлого буланого я пристроил рядом с ним. Этому я тоже не дал унести улак. Всадник мчался и забирал все левее. «Отпусти! Отдам половину награды», – зашептал он. Сделав вид, будто не слышу, я продолжал скакать, держась за улак. Он выругался от злости. В конце концов бросил тушу. Я не отдал ему улак.

Потом улак схватил наездник Юлдаш из Вахшивара. Он отобрал его честно, не накидывая веревки. Я не стал ему мешать. Распорядитель, видя, что своим наездникам улак не достанется, решил на такое, что и последний подлец не сделает. Под предлогом того, что улак весь растрепался, отташил его в сторону. А немного погодя, принес его и бросил перед всадниками. Увидев тушу, мы оторопели. Распорядитель отрезал ляжки и шею туши. Такую тушу невозможно поднять с земли. Потому что не за что ухватиться. Поднимешь за шерсть – сдерешь клок шерсти и только.

И все же наездники решились. Как говорится, надежды нет у одного шайтана – они кинулись к улаку. Но так и не смогли поднять его с земли. А распорядитель только того и ждал. Он объявил о заключительном заезде.

– Не говорите, что не слышали: кто поднимет – тот и получит! Кто поднимет тушу – получит кило жира, кило риса, да еще и морковь в придачу! Хватай!

Есть один способ поднять с земли такой улак. Только он очень трудный.

Но будь что будет! Оседлал я своего Тарлана. Предупредив товарищей по стремени, направился прямо к улаку. Потянулся к туше. Схватил ее, крепко сжимая шерсть вместе со шкурой. Рванул что есть силы и положил ее на лук седла. Придвинув к своей груди, придавил тушу локтями. Остальное было за Тарланом! Мой конь мчался, как лиса.

Последний приз состязаний достался мне. Я одержал победу!

Братья мои, упрям узбек, когда близок успех.

26.

Рихсиев переехал в кишлак. Одни поговаривали, что его сняли с работы, другие – что, мол, город ему надоел. Сняли его или прогнали, вернулся он сам или не по своей воле – не вернулся. Устроился учителем в школу. Поселился в двух шагах от нас, в старом доме, доставшемся ему в наследство. Хотя стояла зима, он устроил хашар¹, чтобы благоустроить двор.

На хашар позвали и меня. А раз позвали – не пойти нельзя. Рано или поздно все равно придется иметь с ним дело. Пошел. Сам Рихсиев не работал. Прилег, постелив курпачи² на суну возле ямы, где мешают глину для кирпичей.

Братья мои, Рихсиев мне все уши прожужжал! Только и умеет что тараторить. Во всем мире не осталось новостей, которых бы он мне не рассказал. Где идет война, из какой страны высылают; куда поехал король и какой страны; зачем поехал и что сказал; поездом поехал или самолетом полетел; как здоровался со встречавшими его: обнимаясь или протягивая кончики пальцев. Ничего не упустил, все рассказал. Голова моя гудела.

Рихсиев и на завтра решил позвать людей на хашар.

¹ Хашар – добровольная взаимопомощь при каких-либо работах.

² Курпачи – узкие ватные одеяла.

до – Не приду, – сказал я, – завтра улак.

Тут за мной пришли домашние. Не дождавшись плова, я поспешил домой. В доме раздавался плач ребенка.

Братья мои, я стал отцом! Теперь у меня сын! Наша тетя Хумор была повивальной бабкой. Ждал до утра, не сомкнув глаз.

27.

Утром я не дал Тарлану воды. Корма задал поменьше. Отправился на поляну в восточной части кишлака. Лошадей там было немного. Все кони наши. Гостей мало.

Снарядил Тарлана, отвел к коням. Но – скажите пожалуйста! – лошадка моя не пожелала скакать! В самый последний момент Тарлан попятился. Загрыз удила, замотал головой. Я ударил его коленом в бок и поддал плеткой. Конь вздрогнул и стал топтаться на месте. Я поиграл плеткой над головой, чтобы припугнуть. А он стоял, прядя ушами, будто говоря: хочешь бить – бей. Я понял, что Тарлан сегодня не в духе.

И это правда! У всякого коня, братья мои, свой норов, свой характер. В те дни, когда не в духе, конь не подчиняется человеку. А если ему надоедать – может укусить за плечо или хорошенько лягнуть в пах. В таком случае некоторые наездники бьют лошадь по голове рукояткой камчи, тогда рассвирепевший конь сбрасывает наездника и убегает. Конь начинает ненавидеть человека, отворачивается от него. Его тянет к своим предкам – дивам! Затосковав по родичам, лошади убегают в степь. Вливаются в табун. Жеребец, завидя кобыл, трется возле них. Дышит воздухом предков! Обнюхивая других коней, он жалуется на человека. Говорит: «Я был настоящим дивом, однако склонил голову перед человеком; стал его рабом, но не ужился с ним.

Нет, когда конь не в духе – не нужно его трогать. Надо считаться с его строением. Поэтому я не стал заставлять Тарлана, остался простым зрителем.

Земля поросла жестким дерном, вокруг было много рытвин и камней – поэтому во время скачек наездникам приходилось глядеть в оба, чтобы кони не споткнулись. Кони с незагрубевшими копытами стояли в сторонке, были зрителями.

Когда кончили состязания, распорядитель объявил:

– Эй, наездники, сегодня съехалось мало коней! Ведь не все дальние и ближние всадники знали, что улак будет проходить в те же два дня, что и свадьба! Поэтому завтра Кабул-богатырь проведет большой улак! И пусть все ваши желания исполнятся!

Дома я вымыл Тарлана теплой водой. Расчесал шерсть. В сумерках провел его вокруг свадебного двора, дал послушать звуки карная и сурная, подышать воздухом свадьбы. Потом привязал к колышку в центре двора. В полночь Тарлан заржал. Я вышел посмотреть. Конь передними копытами рыл землю. Стал кружить вокруг колышка. Значит, прошло его уныние. Дух свадьбы привел его в чувство. Настроил на улак!

28.

Наутро коней было больше, чем ожидалось. Лучшие среди них даже морды свои не смогли просунуть в круг. Прошло столько времени, что можно было приготовить плов, а туша лежала на земле неподвижно. Если и сдвинулась, то на пять-десять шагов, не больше. Наконец наездник на каком-то битюге с широкой грудью сумел поднять улак с земли. Но подстерегавший его в сторонке серый захребетник подскочил к беспородному коняге, вырвал улак и усакал. На больших состязаниях достаточно вынести улак за круг столпившихся всадников – и

добыча считается честной. Вот почему, когда серый проскакал шагов двадцать-тридцать, распорядитель поднял палку над головой:

– Все честно! Бросай, серый, бросай!

Ох уж эти захребетники! Они, собравшись в кружок, подстерегают тебя в сторонке. Поэтому их и прозвали захребетниками. Они сами и их кони привыкли держаться в тени. Не могут добыть улак из круга. Ждут в сторонке, готовые кинуться на легкую поживу. Добычу, вынесенную другими, хватают, как лисы, и уносятся прочь. Все старания наездника, вынесшего улак из круга, идут прахом.

Преодолев сотни мук, я вынес тушу. И мою добычу выхватил все тот же серый. А я остался ни с чем. Серый захребетник стал для меня напастью, проклятием, избавиться от которого было нелегко. Тогда я пошел на хитрость. Подхватив тушу, я направил коня навстречу солнцу. Серый отстал. Почему он отстал? Да потому, что глаза у серых коней голубые. Солнце их ослепляет!

– Тарлан победил честно! Забирай свой приз! Теперь, наездники, ставка будет на темную яму! Глядите! – распорядитель показал всем кусок красной материи. Закрепив его на конце шеста в маховую сажень, соорудил подобие знамени. Он воткнул его в дернистую землю по краю от ямы, размером чуть больше обычного очага.

– Это и есть отметка темной ямы! Кто донесет улак до ямы и бросит в нее, получит двух овец, пятьдесят рублей и один чапан! Для тугоухих повторяю условия еще раз...

Ставка на темную яму – самое сложное и трудное состязание в улаке. Потому и самое почетное. Победа в нем – честь для наездника и его коня. Один раз сбросить улак в яму труднее, чем трижды вынести его из толпы наездников!

29.

Борьба разгоралась. Тут Джура-бобо, пустив коня рысью, подъехал ко мне.

– Наездник Зиядулла, испытайте, брат, нашего гнедого.

Он спешился и протянул мне поводья. Я вручил ему поводья Тарлана. Оседлал гнедого Джуры-бобо. Делать было нечего: нельзя не уважить пожилого человека. Ему за шестьдесят. Бездетный. Дважды был женат. И от обеих жен не было детей. Взял в жены третью. И эта не родила. Жены, с которыми он развелся, вышли замуж и обзавелись детьми. Вот и ходит теперь Джура-бобо, не смея головы поднять. На свадьбах сидит, опустив глаза ниже скатерти. Ступает по улицам, уставясь на носки сапог. Даже разговаривает негромко.

Джура-бобо обратил внимание на то, что его имя почти не произносилось людьми. Люди вспоминали о нем только при встрече, или когда им на глаза попадался его дом. При встрече спрашивали, как здоровье Джуры-бобо. Или еще говорили: «Это дом Джуры-бобо». Имена других поселян не сходили с языка. К примеру, идет соседский сын в школу. Учитель проводит перекичку: «Мурадов!» Соседский сын вскакивает с места и говорит: «Я». За день в класс приходит шесть учителей, а значит, имя Мурада-соседа звучит шесть раз. А всего у соседа восемь детей. И все ходят в школу. Вызывая каждого из них, учителя упоминают имя отца шесть раз на дню. Стало быть, всего только за день сосед сорок восемь раз упоминается людьми, да и на улице по несколько раз произносится его имя! Это чей сын? Мурада! А это чья дочь? Мурада!

Жизнь для Джуры-бобо стала тяжелым бременем. Однажды за обедом он принял опиум. Решил запить холодной водой и умереть. Поднес к губам фарфоровую чашку с водой, но вдруг передумал и назло всем решил совершить какое-нибудь смелое дело. В гневе отшвырнул чашку, которая разлетелась вдребезги.

Он продал коров, овец. Купил «Жигули». За руль усадил старшего сына соседа. Сказал:

– Мне достаточно, чтобы возил, куда укажу. Главное – чтобы машина поднимала за собой пыль, а люди говорили: «Это машина Джуры-бобо. Машина у Джуры-бобо молочного цвета». Так пусть и говорят. А по дорогам пускай гаишники останавливают и, проверяя документы, тоже читают мое имя...

Но душа Джуры-бобо на этом не успокоилась. Продал и машину. На вырученные деньги купил вот этого гнедого. Деньги, что берег для неродившихся своих детей, потратил на гнедого коня. Растил его для улака. Сам в улаке не участвовал. Постарел, а все равно, как неумный наездник, готовил своего гнедого для скачек. Вместе с участниками состязаний ездил даже в дальние кишлаки. Если у кого лошадь выбилась из сил или стала непригодной – одалживал своего гнедого. Теперь у Джуры-бобо одна была забота: только бы его гнедой вынес улак из круга. Тогда распорядитель объявил бы, что это конь Джуры-бобо вынес улак и крикнул: «Конь Джуры-бобо! Подходи, забирай награду». Главное, чтобы имя его услышало побольше народу. А если тугие на ухо переспросят, кто выиграл, то и им ответят, что это конь Джуры-бобо.

И наездники, и распорядитель смекнули, что было на уме у Джуры-бобо. На состязаниях старались ему угодить. Специально просили его гнедого для состязаний. А когда сам Джура-бобо предлагал коня, наездники никогда не отказывались...

Распорядители прилились Джуре-бобо по душе.

30.

Показав гнедому Джуры-бобо яму и дав обнюхать ее, я вернулся на место. Через миг лошади с громким топотом сбились в плотную кучу. Чей-то конь, похожий на серую куропатку, вынес улак.

Один бок серого был голубой, а другой – белый с темными пятнами.

Серый взял левее и оторвался от группы. Захребетники не смогли подступиться к куропатке.

Распорядитель, тряся плеткой над головой, объявил:

– Не считается! Улак в яму не попал!

И правда: улак застрял на краю ямы. А победа засчитывается только в том случае, если он попадет точно в яму.

Распорядитель поднял улак и, отъехав подальше, сбросил его на землю.

– Наездники, ставка прежняя! Налетай!

Та же серая куропатка опять решила вынести улак из круга. Засмотревшись на коня, я задался вопросом: почему один только серый берет улак? Даже захребетников оставил с носом. Я стал наблюдать внимательней. Серого окружили несколько его товарищей по стремени. Наездник на сером коне преспокойно поднял улак. Начал протискиваться сквозь толпу. Товарищи по стремени не подпускали чужих лошадей к серому. Скакали, окружив серого и делая вид, будто дерутся за улак. Стегая серого по крупу, помогали ему:

– Давай, Дарбанд, гони! Ну же, проворней, Дарбанд!

– Жми, Дарбанд, не поддавайся!

Получается, это были наездники из Дарбанда. Всадник на сером, прижав коленом улак, несясь с гиканьем:

– Эге-гей, эге-гей! Ах, ты мой родной! Милый мой отец, ну гони же!

Это что же получается, братья мои: дарбандский наездник лошадь называет отцом? Ха-ха-ха!

В этот раз куропатка сбросила улак точно в яму.

– Честно-о! Серый! Эй, серый! Возьми улак и отвези туда, откуда приехал. Наездники! Следующая ставка: большой бык. Забьешь на мясо – большую свадьбу накормишь! Хватай, и пусть все ваши желания исполнятся!

Конники снова пустились скакать к яме. В этот раз улак достался саврасому коню из колхоза «Восьмое марта».

– Держись, «Восьмое марта»! Не сдавайся!

– Будь осторожен, «Восьмое марта»! Следом мчится карий!

– Давай, жми же что есть мочи!

– «Восьмое марта», поддай коню!

Бык отошел к наездникам из колхоза «Восьмое марта»!

31.

Потом улак из круга вынес я. Кони, скакавшие рядом, меня обогнали. Преградили все пути и к яме не подпустили.

Братья мои, один конь пыли не подымет, а если и подымет – славы этим не добьется!

Не помня себя от обиды, я закричал своим товаришам по стремени:

– Вы люди или нет?! Хоть раз помогите!

И тут наши опомнились.

Я пробрался к улаку. Потянулся и подхватил его с земли. Распорядитель объявил:

– Улак поднял конь Джуры-бобо! Конь Джуры-бобо!

Вырывая друг у друга улак, вместе с саврасым из колхоза «Восьмое марта» мы выбрались из круга.

– Улак у коня Джуры-бобо! Не говорите, что не слышали: улак у коня Джуры-бобо!

Взяв меня в круг, мои товарищи по стремени скакали рядом. Чужим коням не давали подступиться. Я стегал гнедого Джуры-бобо и приговаривал:

– Ну-ну! Гони, конь Джуры-бобо! Что за гривушка у тебя, так и колышется!

Гони же, конь Джуры-бобо! Йе-ху!..

Топот, топот, топот... Кони ржали и фыркали. Яростно грызли удила. Гривы развевались. Хвосты распустились, подобно павлиньим. Пыль из-под копыт вздымалась к небесам. Топот, топот, топот...

Конь Джуры-бобо подскакал к яме победителем. Когда он прыгал через нее, я выпустил улак из рук.

– Честно-о! Гнедой Джуры-бобо победил честно! Гнедой Джуры-бобо, подходи, забирай свой приз!

Получив награду, я подъехал к Джуре-бобо. Он заулыбался. Победно оглядел толпу: видали, мол, наш конь победил!

32.

Зима подходила к концу, пора свадеб закончилась. В воздухе запахло весной. Вслед за подснежниками расцвели ирисы. Мы полной грудью вдыхали весенний воздух.

Но от одной новости наше весеннее настроение сменилось зимним. Краски поблекли.

– наших коней планируют сдавать на мясо.

Так объявили по колхозному радио.

Бригадир обходил дворы и, указывая пальцем наверх, говорил:

– Мы тут ни при чем – распоряжение сверху.

Человек, о котором рассказывал бригадир, приехал. Я увидел его у конторы. С ним были два милиционера.

Они ходили из дома в дом и забирали лошадей.

Народ не хотел отдавать, но ведь начальство!

Хотели было драться, так ведь рядом милиционеры!

Провожали коней до самых ворот.

Горе поселилось в душах.

33.

«Как судьбой предначертано – так пусть и будет», – сказал я себе.

У мясника Хафиза я купил два килограмма баранины. Пришел домой, разделал мясо: мякоть в одну сторону, кости – в другую. Хитрый Хафиз наложил много костей, пришлось повозиться.

В эту минуту Тарлан фыркнул. Я, оторвавшись от мяса, посмотрел в его сторону. Тарлан беспокоился, стучал копытами. Зажал голову между передних ног, потянулся к животу. Ударил по животу хвостом. Присев на задние ноги, качнулся и снова фыркнул. Мне показалось, он что-то лягнул. Я было подумал, что Тарлан играет. Но нет, он не игрался. Он увидел муху или овода. Я подошел к нему, осмотрел голову – ни мухи, ни овода не нашел. Удивился. Тарлан опять встрепенулся, дернул уздечку. Я еще раз внимательно его осмотрел. И на этот раз увидел: лошадиная муха!

Муха эта с неба не падает, в земле не растет и со стороны не прилетает. Откуда же она взялась? Где лошадь, там и муха. На каждую лошадь находится своя муха. И какое же место она выбирает? Под хвостом!

Крепко схватив коня под уздцы, другой рукой я стянул с себя шапку-ушанку. Незаменимая вещь!

Как только муха выползла из-под конского хвоста, я прихлопнул ее шапкой. Потом вернулся к разделке мяса.

А Тарлан сделал круг вокруг колышка, к которому был привязан. Играет. Рад, что освободился от мухи, хвост распустил.

А я замер: одной рукой держу мясо, другой – нож. А сам наглядеться на Тарлана не могу. Бог мой! Сдать на мясо? Такого породистого? Разве мало для этого других животных? Как разделяют мясо? Вот так же, как я сейчас? Скоро и Тарлан станет таким же? Мякоть в одну сторону, кости – в другую? Ой-ой...

Затем отделят голову. А ноги бросят собакам. Собаки их обглодают. Останутся только кости.

Внутренности и хвост закопают. Они сгниют в земле. Такие внутренности?! Это не внутренности, а нити. Это не кишки, а струны домбры!

Тарлан не просто конь, он герой. О таких, как он, Джуманбулбул и Фазыл Юлдаш песни поют, легенды слагают. Разве можно славить на мясо прославленных героев?

Тарлан резвился. Присел на задние ноги и несколько раз кивнул. Поднял передние ноги. Выше, еще выше. И встал на задних во весь свой рост. Взглянул поверх дувала на дальние дали, на вершины Бабатага. Покрутил головой, обозревая все вокруг, и во весь голос заржал.

По всему кишлаку разнеслось его ржание. Такое громкое, что в горах, наверное, отдается эхом. До самого Бабатага доносится его ржание.

Братья мои! Сердце мое пело.

– Да будет благословен твой голос, – сказал я с улыбкой.

Не ржание слышал я, а музыку рубаб. Звуки домбры наполняли мой слух. Друзья мои, конь – это музыка. Будь здоров, Тарланбай!

Я снова взглянул на мясо и кости, лежавшие передо мной. Ну уж нет, умру, но не допущу этого.

34.

В полночь я оседлал Тарлана. Вихрем примчался в Обшир. В западной части этого кишлака много холмов и взгорий из белой глины. На скатах этих холмов есть промоины. В одной из них я привязал Тарлана. С восходом солнца вернулся домой и в приподнятом настроении отправился на свое пастбище.

В сумерках я смешал десять кило ячменя с мешком резаной соломы. Когда стемнело, взвалил мешок на спину и отправился в путь. Дойдя, зажег спичку в ладонях. Поднес огонь к лицу, чтобы Тарлан меня видел, сводил Тарлана на поводу напоить из протекавшего неподалеку арыка, затем повесил торбу с кормом. Почесал коня.

Наскоро перекусив дома, я растянулся на постели и тотчас уснул.

Проснулся оттого, что меня трясла жена. «Вставайте! – говорит. – Кто-то вас зовет!» Я поднялся полусонный, вышел во двор. Олапар, наш пес, не хотел впускать чужака. Издали я прикрикнул на пса. Тот, виляя хвостом, отошел в сторону. Гляжу, на улице стоит председатель и начальники. Поздоровался с ними. Председатель указал на человека в тюбетейке.

– Этот человек – уполномоченный из района. Из управления районного сельского хозяйства.

– Ладно, ладно. Ну, проходите.

Человек в тюбетейке вошел во двор. Остальные последовали за ним. Когда они проходили мимо лампы, я успел рассмотреть их лица. Лицо человека в тюбетейке было бледным, цвета песка, он, как и я, оказался плешивым. «Надо же, из своих», – подумал я тогда.

Плешивый начальник огляделся вокруг.

– Где конь?

– Какой конь?

– Какой? С четырьмя ногами, двумя ушами.

– Такого коня у меня нет.

– Поищи получше и не морочь голову. Нет времени на пустые разговоры. Таких, как ты, у меня тысячи.

– Откуда у меня взяться коню, начальник? Вон, сами посмотрите. Если найдете – он ваш.

Плешивый начальник, поигрывая пальцами, сделал знак стоящим рядом.

– Обыщите.

Сопровождавшие его люди зажгли огромные китайские фонари и принялись обыскивать хлев и конюшню.

– Коня нет, а навоз от него есть. – Плешивый начальник устался на меня.

– Как бы вам объяснить, начальник... Должно быть, это лошади гостей оставили после себя кизяк. Им ведь не скажешь: «Уберите за собой».

– Как твоя фамилия? Так-так, Курбанов. Курбанов Зиядулла. В списке ты числишься – значит, конь у тебя есть. Стало быть, завтра снова придем. Найдешь коня – хорошо, а нет – пеняй на себя!

Плешивый начальник уверенным шагом вышел. Наш председатель все время то крутился около него, то семеня сзади. Тут из комнаты показалась моя мать.

– Скажи, пусть оставят что-нибудь.

Я догнал их у ворот.

– Начальник, в доме у нас грудной младенец, назвали Ибрахим-баем.

– А мне-то что?

– В дом с грудным младенцем нельзя приходить в такой неурочный час. Если кто вошел, не зная, – должен хоть что-нибудь оставить.

– Что?

– Нам все равно что, даже маленькую ниточку с края одежды. В доме с младенцем эту ниточку женщины сожгут вместе с исыком, окуривая комнату.

– И мне теперь из-за этого одежду рвать?

– Рвать не обязательно, начальник. Сгодится любой волосок, приставший к одежде.

Плешивый начальник отмахнулся от меня и пошел своей дорогой. Я вернулся в дом и сказал, что он ничего не дал. Мать, осыпая его проклятиями, ушла к себе. В плоском глиняном блюде зажгла исырк и, трижды окурив комнату младенца, изгнала «злых духов».

35.

Я думал, что начальники пугали меня для виду. Нет, наутро они пришли снова. Принюхиваясь, осмотрели конюшню. Зашли и в детскую. Их поведение задело меня. Я стиснул зубы.

– Ну и где?

– Что значит «где»?

– Куда ты дел коня?

– На каком базаре вы мне коня покупали, начальник, – в Денау или в Шурчи?

– Не больно-то скрипи зубами, мы тебя не боимся. Лучше выводите коня похорошему. Вон у тебя сколько скотины – овцы, куры, лошадь... Зачем тебе столько живности? В магазине всего полно. Мясо, кефир, молоко. Бери – не хочу.

– Начальник...

– Или ты капиталистом решил заделаться? Тогда извини! Мы живем в социалистическом обществе. Верно, товарищ председатель?

Председатель закивал головой.

– Верно, верно!

– А может, ты, оседлав коня, решил в басмачи податься? В твоём роду басмачи были? Это надо проверить...

– Не говорите так, начальник. Мой несчастный отец за советскую власть свою жизнь отдал. А что до коня, начальник, то конь – спутник мужчины. Если на то пошло, мы проводим улак.

– Фу, и в каком же обществе ты живешь? Выходит, все это время я играл на танбуре под ухом у ослы? Твой улак – пережиток прошлого! Игра дикарей!

– Получается, начальник, что плешивая голова – и не голова вовсе. Я думал, у меня одного такая голова, а ваша-то с моей вровень будет.

– А ну заткнись, мать твою!

– Мать мою не трогайте, начальник. Она, бедняжка, в комнате нянчит внука. Такие низкие слова вам не к лицу.

– Заткнись, тебе говорят!

– Если так, я и вашу мать могу...

Я не успел договорить. Плешивый начальник с размаху ударил меня в челюсть. Рука у него оказалась слабая, будто женская – мне было не больно. Я закончил начатую фразу. Плешивый начальник надумал пнуть меня в живот. Я увернулся. В порыве гнева он, не удержавшись, свалился с топчана в яму. Подбежали его люди и вытащили. Одежда у него была в грязи. Тяжело дыша, он указал на меня.

– Держите его, бандита!

Два милиционера подошли ко мне и скрутили руки за спину. Дали пинка. Повели меня к правлению, следуя за плешивым начальником. Впихнули в тесную машину. По дороге меня вырвало.

Я не выношу запаха бензина, братья мои. От него у меня кружится голова.

Мы приехали в район, вышли из машины возле отделения милиции. Следом за плешивым начальником прошли в застекленную комнату. Сидевшие там милиционеры при виде начальника встали. Плешивый, указывая на одежду, принялся жаловаться:

– Для сбора лошадей на мясо мы с вашими коллегами прибыли вот к этому типу. Я потребовал отдать коня – не отдал. Обругал меня бранными словами. И мать мою

помянул, и жену. Потом одним ударом свалил в яму. Факт налицо – я весь в грязи. Ваши коллеги – свидетели. И председатель колхоза здесь. Верно, председатель?

– Верно, верно! Свалил в яму!

Один милиционер, ругаясь, подошел ко мне.

– Ах ты скотина, еще руку поднимаешь на руководство? Вот бандит!

Милиционер ударил меня в живот. Я, схватившись за живот, уперся головой в стену. Меня тошнило. Потемнело в глазах. Люди вокруг двоились и троились. Комната перевернулась и снова встала на место.

Милиционер положил перед плешивым начальником бумагу.

– Вот, пишите рапорт, отнесем начальнику. Мы его задержим, пусть придет в чувство.

Когда плешивый начальник закончил писать, милиционер взял заявление и вышел. Спутя какое-то время вернулся.

– Пошли, – сказал он мне.

Я вышел за ним во двор по узкому коридору. Мы вошли еще в какую-то комнату. Там на видном месте сидел толстый человек. По тому, как он сидел, было видно – начальник. На погонах – большие звездочки. Плешивый показал на меня:

– Вот бандит!

Сидящий на видном месте начальник строго спросил:

– Товариш Курбанов, почему бьете начальство?

Я рассказал все как было, ничего не добавляя от себя. Начальник, сидящий на виду, посмотрел на плешивого вопросительно: что будем делать?

Тот вскочил с места:

– Обманщик! Он себя выгораживает. Вы нам, руководителям, верите или так-им вот пастухам?

– Конечно руководителям. Руководители не врут.

– Ну ладно!

Я чуть не расплакался.

– Большой начальник, меня избили ваши милиционеры...

– Чего-чего? Избили?

– Избили прямо у двери. Я потерял сознание...

– Не может такого быть. Сейчас вызовем.

На пороге появился милиционер, ударивший меня в живот. Отдал честь:

– По вашему приказанию прибыл, товариш полковник.

– Скажите, лейтенант Исмаев, вы били этого человека?

– Его? Пальцем не трогал!

– Говорит, что били.

– Честное лейтенантское слово, руки не поднял. Вот и сержант Халилов подтвердит. Можете спросить у него.

Положив на живот правую руку, я показал:

– Вот сюда ударил.

Тогда плешивый начальник подал голос:

– Пальцем не трогал, я свидетель.

Начальник, сидевший на видном месте, повернулся ко мне:

– Вот, слышали, товариш Курбанов? Советская милиция бить не станет.

36.

Я лежал в вонючей комнате и не мог понять, день сейчас или ночь.

Через какое-то время железные двери с грохотом открылись и закрылись. Кто-то вошел.

– Где ты, плешивый? – спросил вошедший.

Я сразу узнал голос милиционера, ударившего меня в живот. Я встал, подошел к дверям. Милиционер одной рукой взял меня за ворот. Пару раз встряхнул.

– Зачем выдал меня начальнику?

– Я не выдал, брат, я только сказал, что ты меня ударил.

– Ударил? Когда ударил?

Милиционер пнул меня между ног.

– Я ударил? – милиционер ударил еще сильнее.

– Тебя ударил? – милиционер пнул со всей силы.

– Я? Тебя?

Я повалился на спину...

На следующий день с раннего утра я убирал в туалете, подметал двор и улицу.

Мать с женой принесли еду. Мать сквозь слезы спросила о моем самочувствии. Жена, не скрывая волнения, тоже расспрашивала о здоровье. Мать и жена причитали наперебой и не скупилась на проклятия.

– Если они унизили моего ребенка – пусть их, начальников, унизит Всевышний!

– Боже мой! Да чтоб вам увидеть смерть ваших детей...

– Пускай вас вместе с лошадьми сдадут на мясо...

– Пусть Всевышний и пророк Мухаммед заступятся за меня, если считают своей, – тогда эти начальники будут наказаны и опозорены перед народом.

Я ни словом не обмолвился матери и жене о Тарлане, потому что женщины не умеют держать язык за зубами. Не тому, так другому проговорятся.

Если на то пошло, Тарлана я растил для себя. Чужих он к себе не подпустит и из чужих рук корм не примет.

37.

Ровно через десять дней меня выпустили, и я вернулся в кишлак. Не заходя домой, напрямик помчался к Тарлану. Взобрался на холм, но Тарлан не заржал. Меня охватили дурные предчувствия. Я уже потерял надежду увидеть Тарлана в живых. Застыл возле промоины. Оглянулся. Тут сердце мое так и упало.

В промоине стояло существо на четырех палках. Живое или нет – непонятно. Только две точки блестели. Или это глаза?

Спустился в промоину. Повис на шее у Тарлана и зарыдал горько-горько. Вывел его на поводу из промоины. Когда Тарлан спускался вниз, его передние ноги подкосились – он чуть не упал.

Дал ему немного попить из арыка. Походили вдоль арыка, размял ему ноги. Расчесал, вымыл, опять напоил. Взял под уздцы, снова завел в промоину. В торбу насыпал корм. Сидел перед промоиной, пока не стемнело. Постепенно Тарлан начал оживать.

38.

Братья мои, сколько карабаиров, сколько чубарых коней ушли со ржанием, оглядываясь назад! Сколько гнедых и буланых превратились в мясо!

Теперь в кишлаке не слышать лошадиного ржания. По утрам на улицах не слышно цокота копыт. И вечерами копыта не сотрясают землю. В степях табуны не мчатся за своими вожакими.

Будто подростки, у которых с войны не вернулись их братья, загоревали наездники. Теперь и невест привозили не на лошадях, а в машинах. Мир заполонили сигналы: бип! бип!

Об улаке в кишлаке и думать забыли.

39.

Когда в кишлаке все успокоилось, я привел Тарлана домой. Многие искусные наездники, завязав в поясной платок деньги, отправились в Обокли. Вернулись верхом на конях и привезли с собой удивительную новость. Оказалось, лошадей забирали не из всех кишлаков. В окрестностях Обокли их даже не трогали.

40.

Разговоры эти дошли до ушей пяти-шести жалобщиков из кишлака, те навестили уши. По вечерам ходили из дома в дом и собирали заявления. Однажды пожаловали и к нам. Главный среди них, Батыр-мираб, предупредил заговорщическим голосом:

– Подпереть ворота изнутри. Погасить во дворе лампу. Детей к дому и близко не подпускать. Дверь запереть поплотней. Зашторить окна. Теперь садись напротив.

Сделав, как сказал Батыр-мираб, я сел напротив. Жалобщики попросили рассказать обо всем, что со мной приключилось. Я решил себя не выдавать; сделал вид, будто не понимаю. Похоже, про те мои десять дней люди успели сложить легенды. В первое время я просто не мог показываться им на глаза. Но теперь случившееся со мной стало забываться. Мне не хотелось ворошить прошлое.

– Что было, то было, Батыр-ака, стерлось из памяти. Оставьте вы эти жалобы.

– Э-э, сперва думай, а потом говори. Кто здесь жалобщик? Мы? Мы же писатели! Запомни: писатели! Мы думаем только о народе, добиваемся справедливости. А те, которые пишут газели, романы... что еще писатели пишут, товарищ Хамидов?

Преподаватель литературы, стоявший рядом с ним, добавил:

– Поэмы, баллады...

– Да, да! Те, которые пишут поэмы, баллады, – они не писатели, это мы – писатели! Именно мы! В произведениях тех писателей нет фактов и конкретики! Вот, к примеру, наш Тагай, сын бедного Бури! Написал книгу про кураш. Теперь про улак пишет. Написать-то написал, но знающим людям не показал. Народ тратит деньги на покупку книг таких писателей. Тратит время на чтение. Потом, товарищ Хамидов, как называют грустные произведения? Да, верно... трагедии! Если это трагедия – люди плачут. Если... товарищ Хамидов? Вот-вот, если сатира – смеются. Все – сплошная болтовня! Никакую народную проблему этим не решить. А проблем у народа полно. Кто окажет народу реальную помощь? Мы! Выходит, настоящие писатели – это мы! Правда, то, что мы пишем, в виде книг не издается. Наши произведения оседают в разных конторах. Но если захотим – можем и издать. В сундуках копии наших жалоб хранятся стопками. Короче, чтобы слово «жалобщик» из твоих уст мы больше не слышали!

– Виноват, ака, виноват.

– То-то. Теперь рассказывай. С самого начала.

– Значит, так. Как-то раз ночью явился ко мне один плешистый в пять раз плешистее меня. С ним двое в фуражках...

– Слушай, разве люди для тебя – это игрушки? Называй человека не «плешистый», а «товарищ такой-то». «В фуражках» – это кто? Милиционеры? Фуражка сама по себе – тряпка, картонка! Фуражку к ответственности привлечь нельзя. Так и говори: «лейтенант такой-то», «сержант такой-то».

– Ладно. Когда луна повисла над макушкой тополя нашего соседа Кулмата-палвана...

– Уф! Ты случаем не поэт какой-нибудь? Нет? Тогда почему говоришь о луне, звездах? Спустился вниз, на землю. Оставь лирику в покое. Наше дело имеет конкретное значение, народную важность. В судах принимал участие? Нет? Тогда, по крайней мере, слышал мою речь на отчетном собрании колхоза? Излагал так же, как выступал я!

Я знал наизусть речь Батыра-мираба на общем собрании колхоза. Точно так же, как мираб, сложил руки на животе. Голову приподнял. Не моргнув глазом, пересказал слово в слово. Мираб остался доволен. Положил передо мной бумагу и ручку.

– Теперь напиши так, как было сказано. Почему? Пять классов? Образование твое на целый класс выше моего, а писать не умеешь? Ну ладно. Пишите вы, товарищ Хамидов, а этот уважаемый человек подпишет.

Жалобщики побывали в Денау, Термезе и Ташкенте. Бегали из одного учреждения в другое. Они оказались совсем неплохими людьми. А ведь коней у них никто не отбирал. И никто не просил их бегать и ездить, даже копейки никто не обещал. А они вот бегают и бегают по учреждениям, и все за свой счет.

41.

В одну из поездок взяли с собой и меня:

– Все, что с тобой приключилось, сам расскажешь.

Спросил, куда едем, – не ответили. Батыр-мираб приложил указательный палец к губам:

– Тсс...

На автобусе доехали до Душанбе. По дороге меня дважды вырвало. Из Душанбе полетели в Москву.

Первый раз в жизни я летел на самолете. Самолет то опускался, то поднимался – и у меня душа уходила в пятки. Выглянув в окошко, я поразился: прямо под нами лежали горы хлопка. Самолет их вот-вот заденет. Сидевшему рядом учителю Хамидову я сказал:

– Эй, поглядите, сколько хлопка.

Тот взглянул и рассмеялся. Взял мой трюх и плюхнул его на мою гладкую голову. Я втянул голову в плечи. А он шлепнул по трюху и натянул мне его по самые уши. Как я потом узнал, это был не хлопок, а белоснежные облака.

Мы приземлились в Москве, и я поехал вместе с жалобщиками. Сколько же здесь машин! И ни одного коня!

Автобус ехал, ехал и наконец доехал до места. Мы стояли на обочине, я голосовал проходящим машинам. Столько машин – и ни одна не остановилась! Я устал голосовать. От долгого стояния отекали ноги. В животе заурчало. Терпение лопнуло.

И тогда, гудя, подъехала длинная машина. При приближении к нам замедлила ход. Я догадался, что, если подниму руку, наверняка остановится.

– Эй, учитель Хамидов, это что за машина? – спросил я.

– Трамвай, – сказал учитель.

– Что, будем стоять? Вот этот трамвай и остановим! Расходы с меня! – сказал я.

Учитель Хамидов засмеялся:

– На трамвае дороговато выйдет.

– Ну и пусть! Даже если возьмут цену одного барана, – ответил я.

– Тогда сами и платите.

Я побежал перед трамваем, поднял правую руку над головой:

– Эй, трамвай, остановка!

Трамвай, позвякивая, остановился. Водитель посмотрел в окно. Поинтересовался, чего я хочу. Я махнул рукой.

– Прямо, – сказал я. – Сколько скажете – заплатим.

Водитель трамвая смерил меня взглядом и кивнул.

Большим пальцем он показал на дверь.

Дверь с шумом распахнулась. Я заскочил в трамвай, вслед за мной – жалобщики. Я смотрел на них с гордостью:

– Вот, всего лишь одно мое слово.

– Ну ты даешь, Зиядулла, – сказал Батыр-мираб.

Трамвай то шел, покачиваясь, то останавливался. Ехали долго. В какой-то момент учитель Хамидов сказал:

– Сейчас выходим.

Я вышел первым, подумав, что раз я остановил трамвай, то должен теперь платить. Стал рыться в карманах. Тогда Батыр-мираб сказал мне:

– Я заплатил.

– Ну ладно. Хорошо, – ответил я. Должно быть, это дорого обошлось Батыру-мирабу. Ведь за четверых заплатить не так-то просто. Во сколько обошлось, во столько и обошлось. Разве я просил Батыра-мираба, чтобы он взял меня собой? А раз взял – пусть сам и платит.

Жалобщики скрылись в каком-то большом учреждении. Я остался сидеть у входа, возле вахтера. Снова и снова твердил про себя слова, которым научили меня жалобщики. Наконец, они вышли. Оказалось, начальникам я был вовсе не нужен. Они поверили на слово. И очень хорошо. А то я боялся, что растеряюсь перед начальством и начну заикаться.

42.

На следующий день мы вылетели в Душанбе. В этот раз я держался посмелее. Пассажиры знаками подзывали девушку, бегавшую в проходе самолета, будто аист. Девушка приносила им воду в маленьких чашках.

Чем я хуже других? Головы моей под шапкой не видно. Решил я себя испытать. Шевеля указательным пальцем, подозвал девушку. Показал себе на рот: воды, мол, хочу. Девушка кивнула и принесла воды. Одним глотком я осушил чашку. Как и другие, мотнул головой: дескать, живите долго. Выпятив грудь, развалился в кресле. Посмотрел из окошка вниз. Мне показалось, что внизу наш Вахшиварсай. Даже дома вроде как разглядел. Неподалеку ползают какие-то черные точки. Хотел спросить учителя Хамидова, не наши ли это овцы? Но промолчал, опасаясь, что тот опять стукнет по голове.

43.

Прилетев в Душанбе, мы взяли такси и поехали в кишлак. Мне захотелось похвастать: рассказать, куда я ездил. По улице шел степенно, сердечно приветствовал встречающих. Дойдя до конца улицы, развернулся и пошел обратно. Приветствуя односельчан, расспрашивал о здоровье их близких, про житье-бытье не забывал. И хоть бы один из них сказал:

– Зиядулла-наездник, что-то вас давно не видно!

Обидевшись на людей, я пришел домой. Попил чай, прилег. Повернулся на правый бок – сон не идет, повернулся на левый – опять же нет сна. Все, думаю, сейчас лопну! Сунул за пазуху горсть конфет, привезенных из Москвы, оседлал Тарлана и отправился к приятелю Мамату.

Заглянул через забор.

– Мамат! Невестушка, дома ли Мамат? Разбуди, есть разговор!

Из дома, протирая заспанные глаза, вышел Мамат. Я заговорил громко, так, чтобы слышали соседи:

– Ну, как ты, жив-здоров? Как поживаешь? Возьми и раздай внучатам вот эти конфеты, пусть полакомятся. Они священные, привез их издалека.

– И откуда же, позволь спросить?

– Из Москвы!

– Из колхоза «Москва», что ли?

– Колхоз? Какой еще колхоз? Да за кого ты меня принимаешь? По таким местам я не езжу. Если уж и соберусь, то только в такой большой город, как Москва! Только Москва! Ну, в крайнем случае, проездом могу в Душанбе остановиться. А скажи, в полдень над твоим домом не пролетал самолет? С пропеллерами на крыльях?

Мамат задумался. Глянул на небо.

– Вроде пролетал, а что?

– Живи долго! Хочешь я тебе скажу кое-что? В том самолете я сидел!

– Быть того не может!

– Сидел с правой стороны!

– Ух и сукин сын, быть тебе Гагариным!

– Кем? Фу, да кто он такой, твой Гагарин! Разок поднялся в небо и тут же назад. За то время, что я летел, можно было четыре раза плов сделать! Сам видишь, я тебе человек не простой. Теперь, прежде чем со мной заговорить, подумай как следует!

– Все, все, понял! Разговора нет.

– И еще скажу. Самолет, оказывается, не такой маленький, как бумажный змей. Внутри он – как Обширская промоина.

– Заходи в дом, чай пить будем.

– Нет, у меня срочное дело. Ехал мимо. Дай, думаю, узнаю, как ты поживаешь.

Я выпустил из рук поводья. Братья мои, облегчил я свою душу.

44.

Говорят, братья, приехал человек из Москвы. В шляпе. Собрал руководителей района, взял в оборот плешивого начальника. По действующему закону правительство постановило сдавать мясо, исходя из возможностей каждого. Это распоряжение получили в нашем районе. Руководители района отправили плешивого начальника к нам уполномоченным. Последний, желая продвинуться по служебной лестнице, решил воспользоваться мясозаготовками. Любым путем хотел добиться сдачи мяса раньше срока с перевыполнением плана и, заслужив тем самым благосклонность начальства, получить повышение. Поэтому путем насилия запугивал неграмотный народ. Вышестоящие начальники сильно ругали того плешивого и сняли его с работы. Хотели было исключить из партии. Но плешивый начальник пустил слезу. Тогда они его пожалели, сказали, что слезы мужчины равносильны его смерти.

Братья мои, верно говорили в старину: «Будешь держаться истины – не узнаешь горя. А если истина тебя проклянет – не будет тебе исцеления».

Рассказывали, будто в чайхане плешивый начальник жаловался, что на свете нет правды. Чай в чайнике у него был белым. Что будто сам его себе наливал и пил. Людям на потеху.

45.

Братья мои, как хорошо, что есть на свете жалобщики! Они не допустят несправедливости. Не дадут спуску мошенникам. Никому не позволят присвоить народное добро. Если не будет жалобщиков, правители смогут купить, как на базаре, совесть своего народа, изо рта у него вырвут еду.

Я зауважал жалобщиков. В воскресенье пригласил их всех к себе домой. Зарезал барана.

46.

Кишлак снова наполнился лошадьми. Наездники пустили коней на выпас. Я тоже пустил Тарлана.

47.

В Карлике играли свадьбу. На эту свадьбу мы и отправились. В дороге Тарлан ронял кизяк. Я удивился. Раньше за ним такого не замечалось.

Остановились в доме у одного учителя. Я прибил колышек возле самого хлеба. Уши у Тарлана обвисли. Он опустил голову и печально уставился на трещину в дувале. От корма отказался. К сахару не притронулся. Душа моя заныла. В горле ком стоял. Я не сводил глаз с Тарлана. Товарищи по стремени тоже забеспокоились.

В Карлике жил старик – большой знаток лошадей. Мы пригласили его. Старик внимательно осмотрел коня, обойдя его кругом. Нагнувшись, посмотрел ему в глаза. Покачал головой. Взял меня за локоть, отвел в сторону. Положил мне руку на плечо.

– А скажи, прославленный наездник, не продашь ли ты мне этого коня? Даю тебе двадцать овец. Скажи свое мужское слово.

Во мне закипела злость. Такое горе у меня, а он мне – о своем.

– Сперва скажите, дедушка, что с ним приключилось?

– Нет, ты ответь, потом я скажу.

– Нет! Не продам его, даже если наступит конец света! Ясно вам?!

– Ну, ладно. Тогда слушай, прославленный наездник. Конь у тебя – редкий. Как увидел – сразу это понял. Если не ошибаюсь, недавно он перенес сильное потрясение, верно?

Я вспомнил, как Тарлан десять дней голодал в Обширской промоине. Но старику об этом не стал рассказывать.

– Да, было дело, хворал. Потом выздоровел.

– Хвала тебе, наездник. Сейчас, думая о предстоящем состязании, твой конь вспоминает об этом. Сомневается, сможет ли из-за перенесенной болезни бегать, как прежде. Вот какая печаль одолевает твоего коня. Я прочитал это в его глазах. Еще вспомнишь мои слова, прославленный наездник.

Старик ушел. Мы допоздна просидели за оживленной беседой. Но печаль Тарлана не давала мне покоя. Видимо, она отражалась и на моем лице. Хозяин дома утешил: мол, не переживайте так; старик – знаток лошадей, он все о них знает. А после рассказал, что это был за старик.

Оказывается, кони только раз в году жуют жвачку. Когда конь жует жвачку – он горит! Тело его накаляется так, что может даже ослепить. Глаза коня горят особенным блеском. Так ведь конь – это див! Если конь жует жвачку, происходит это в необычном месте и в необычное время. Человек, увидевший, как конь жует жвачку, становится или безумным, или несчастным. А счастливый или мудрый станет еще счастливее и мудрее. По слухам, старик видел, как конь жвачку жевал.

48.

Улак проходил на пустыре. Я проскакал вокруг него, разогрел Тарлана. Тот сразу переменялся. Голову держал прямо, играл и резвился. Грызя удила, ржал и рвался в толпу. Звал меня на состязание.

Коней собралось много, потому что это было первое зимнее состязание. Оно обещало быть интересным. Причина вот в том, что, когда мало коней, поднять улак с земли трудно. Каждый конь, считая себя сильнее остальных, сразу кидается к улаку. Кони мешают друг другу, дерутся. А когда коней много, к улаку кидается сильнейший из сильных, тот, который всем коням конь. Кони послабее становятся зрителями. Если и бросаются к улаку, сильные отталкивают их назад. Поэтому на состязаниях, где много лошадей, вынести улак из круга обычно легче.

49.

Привезли улак. Подгоняя коня, я подъехал к нему и дал Тарлану его понюхать. Взявшись за ляжку, попробовал его приподнять. Веса в нем было около пятидесяти-шестидесяти килограммов. Мокрый насквозь. Видно, ночью тушу держали в воде. Смысл этого в том, что улак становится очень тяжелым. И когда его тянут в разные стороны, шкура не отрывается от него. А иначе во время яростной схватки не остаться улаку целым!

Распорядитель объявил приз:

– Одна пара калош и десять рублей! Налетай!

Всадники ринулись к улаку. Чей-то рыжий конь умчал его. Объявили следующую ставку: один баран, один халат и десять рублей! Награда выросла, не зевайте!

Я направил Тарлана к улаку. Он фыркнул и рванул. Примчался к улаку легче и быстрее, чем я думал и хотел. Как обычно, сделав круг возле улака, остановился. Кто-то зло стеганул Тарлана по крупу. Тот вздрогнул, но с места не двинулся. Глаза его были устремлены на тушу. Я, не вытаскивая ноги из стремени, со стороны, противоположной улаку, зацепил его за луку седла, а ногу в стремени со стороны улака согнул. Коленом поддал Тарлану в бок, и мой конь проложил мне путь сквозь самую гущу! Тарлан пришел мне на помощь!

Нагнувшись, я ухватился за улак одной рукой. Поднимая голову, выпрямил согнутую ногу и уперся в стремя. Вся тяжесть пришлась теперь на эту ногу. Иначе поднять с земли улак было нельзя. Тут чей-то дерзкий конь наступил на тушу. И снова, ухватив улак за ногу, я поднял его до высоты колена коня. Тарлан, беспоякойно поглядывая на тушу козла, устремился вперед. Я намеренно волочил тушу по земле. Подними я ее сразу – налетели бы ждавшие в стороне другие наездники.

– Улак поднимается, улак поднимается!

Мы побрались к месту, где наездников было поменьше. Я приготовился поднимать тушу.

– Улак у Тарлана, улак у Тарлана!

Одним рывком я поднял улак. Когда поднимал его, Тарлан покачнулся. Мы мчались вперед. Все остались позади. Только один гнедой не отставал. Его всадник, ухватившись за другую ляжку улака, мчался рядом.

– Нет, улак между Тарланом и гнедым!

Я прижал улак коленом. Посмотрел по сторонам. Выпустил из рук поводья. Обеими руками схватился за улак. Мы по-прежнему мчались рядом.

Некоторые лошади постепенно набирают скорость. Тарлан резко берет с места и мчится во весь опор. Другие кони к такому рывку обычно не готовы. Пока сообразят в чем дело, Тарлан уже оторвется от погони. Так вышло и на этот раз. Еще одно достоинство Тарлана: если его догонит чей-то конь – он скачет с этим конем вровень. Не вырывается вперед. Скачет ровно, будто на большее не способен. Скачущий рядом конь принаравливается к его равномерному бегу. И тут Тарлан делает рывок и уходит от соперника. Тот не подозревает подвоха и остается позади.

Мы мчались, и настал тот самый момент, когда Тарлану хватило одного моего слова:

– Вперед!

Он показал себя по-настоящему: внезапно рванулся, ускоряя бег. Рука наездника гнедого, скакавшего рядом, выпустила улак. Гнедой отстал. Тарлан не сбавлял хода. Я, разгорячившись, понукал:

– Ха-ху, ха-ху, хэй!

Тарлан летел как молния.

– Чисто-о! Тарлан выиграл чисто! Бросай, Тарлан, бросай!

И как это я умудрился поднять с земли шестидесятикилограммовую тушу? Даже усевшись на дувале высотой в сажень, я бы не оторвал от земли такую тяжесть. Обычно, взявшись за мешок в шестьдесят килограммов обеими руками, я еле-еле взваливаю его на осла. А на состязаниях, наклонившись с лошади, одной рукой подхватываю тушу в шестьдесят килограммов! В чем же тут секрет?

Дело в том, братья мои, что у коня есть ветер! Этот ветер и гонит улак. Вы, должно быть, заметили, что мой конь не отрывал глаз от улака и пробил мне дорожку в гуще других лошадей? Этим он обеспечил мне преимущество. А когда я поднимал улак, Тарлан покачнулся, как человек, пытающийся получше пристроить ношу на своих плечах. И тут нужно, придерживая тушу, помочь своему коню.

Теперь вы понимаете, что восемьдесят-девяносто процентов всех тягот на состязаниях приходится на коня. Вот почему на скачках называют не имя наездника, а масть коня. От начала до конца скачек кличка или масть коня произносится с почтением.

Но как Тарлан поскакал с тушей весом в пятьдесят-шестьдесят килограммов, да еще со мною в седле? Предположим, я нагружу коня мешком пшеницы в шестьдесят килограммов и оседлаю – разве поскачет он так резво? Нет, не поскачет! Но когда дело касается улака – он подобен вихрю.

Братья мои, на скачках царит особый дух! Он-то и придает коню силы, дает ему крылья!

Тарлан показал себя во всей красе. Еще два раза я выносил улак.

Кто-то окликнул нас из толпы: «Тарлан, подойдите-ка сюда». Подошел, а это вчерашний старик сидит на дувале. Прикрывая ладонью глаза от солнца, он улыбался.

– Как теперь ваши дела, прославленный наездник?

– Спасибо, спасибо.

– Вот что я вам скажу, прославленный наездник: сейчас лучше дать коню отдохнуть. А то еще сглазят.

Честно заработанный Тарланом халат и деньги я протянул старику, но тот их брать отказался. Оставив приз возле старика, я направился туда, где лежала конская сбруя.

Продолжение следует...

Перевод с узбекского Германа ВЛАСОВА и Вадима МУРАТХАНОВА

Герман ВЛАСОВ

Поэт, переводчик. Родился в 1966 г. в Москве. Окончил МГУ. Автор нескольких стихотворных сборников. Живет в Москве.

Вадим МУРАТХАНОВ

Родился в 1974 г. В 1996 г. окончил факультет зарубежной филологии ТашГУ (ныне НУУз). Поэт, прозаик, критик, переводчик. Живет в Московской области.

ПОЭЗИЯ

**Любовь
ТИЛЯБАЕВА**

Кандидат филологических наук, доцент. Родилась в 1946 г. в Маргилане. Работала на кафедре русского языка Ферганского государственного университета. Автор монографии, трех учебных пособий, учебника, научных статей, нескольких поэтических сборников.

И время вдруг застыло на минуту...

14 сентября 2016 года Любови Рахматовне Тиллябаевой исполнилось 70 лет. Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» искренне желают юбиляру доброго здоровья и творческого долголетия!

В сей месяц зимы – сироты несогретой –
Дарю вам узбекского солнышка жар.
В арыке осколочек лунного света
И сливы в саду полупризрачный шар;
Капель по весне, что ласкает трезвоном,
Апрель серебристый, где буйно ивели
Безумные ландыши в темно-зеленом,
Где дождь, как младенец, пускал пузыри.
Дарю прошлогоднюю осень, где блеском
Небес драгоценных камней слепят,
Вплетясь изумрудами в золото скверов,
Где медные кроны в литавры гремят.

На перевале

Жемчужину луны в ладонях гор зажав,
К седьмому небу перевал возносит,
И в сонном сумраке таможен и застав
Дорожный змей, скользя, пространство косит.

Как в динозаврьем лежбище, хребты
Спят, громоздясь, закрыв от света лица.
Лазоревый поток на спинах серебрится
И окаймляет черные хвосты.

Еще тоннель, и вниз сползает ночь,
И, крепко сжав кулак, гора свой перл уносит,
В долине лег туман и убегает прочь
Дорога миражей среди полей и просек.

В копилку облака небрежно золотой
Пятак луны кладет хмелеющая осень
И в чашу неба, в жаждающую просинь,
Напиток льет настоящего лета,
Как виночерпий, щедрою рукой.

В сверкающей накидке дождевой
 Похож был город на шкатулку «палех»,
 Когда на черном вязью золотой
 Лошадки долгогривые взлетали.
 И буйствовал на глянце, как в стекле,
 Неся нам радость, праздник жарких зарев.
 Уснувший под дождем в горячей мгле,
 Был город поднесен сегодня в дар мне.

Прошел апрель – пора влюбленных. Май –
 Чтоб маяться обманщика плодами,
 Точь-в-точь как несмышленое дитя,
 Обьевшись недозрелыми «гурами».
 Попавшихся в силки любви настиг
 Предчувствий надвигающийся ветер,
 И каждый в глубине уже постиг,
 Как был велик обман. И как был светел.

Вхожу анахронизмом в новый век
 Влача, как шлейф, приметы отторженья.
 Его Величество, ничтожен человек
 В наоборотности корыстных отношений.
 Как в зеркале, в которое смотрюсь,
 Углами всеми лезут вдруг предметы,
 И тенью промелькнет фигура где-то
 Хозяина, утратившего власть.

В отстоявшемся воздухе терпкой печали
 Ощущается близость зимы.
 Открываются двери в незримые дали
 И сильней ошущенье, что мы
 Отгорожены четкой чертой отчужденья
 От земных, таких зримых примет.
 И у грани миров стало легким скольжение
 На остатках шагреновых лет.
 Незаметно уходим в привычное скитство,
 Равнодушно-бесстрастны к чужим.
 И своих так давно перестали стыдиться,
 Что не ведаем, что творим.
 Но, быть может, в своем одиночестве правы
 И в закрытом сознание немом:
 Из страстей пережитых и чувств наших лавы
 Рождаются души потом.
 Их Ангел сачком осторожно отловит
 И к Богу в обитель снесет.
 Тот бережно их на ладони положит
 И в новых адамах вдохнет.

Горьким колодезю средь знойных песков
 И эта встреча, и эта любовь.
 Жгучей, тяжелой и жаркой струей
 Льется в бокал лета яд золотой.
 Не освежает он и не спасет –
 Сердце горит и обуглен мой рот.
 Там, впереди, там покоя река;
 Там мне спасение. Жизнь. А пока...
 Жгучей, тяжелой и жаркой струей
 Лейся в бокал лета яд золотой!

Обрушила зима архитектуру
 Осенних парков, скверов и садов.
 И под ногой обломками скульптуры
 Обронзовелость листьев-завитков.
 Причудливость осеннего барокко
 Сменил с утра торжественный ампир.
 И смотрит строго в мир
 Божественное око.

Месяц важный расселся на крыше,
 Наслаждается мягкой тишью;
 Где-то дальше – блаженной и выше –
 Голосов затихающих звон.
 Наигравшийся за день арычек,
 Засыпая, довольно мурлычет.
 Мордой влажною мягко мне тычет
 В бело-розовую ладонь.
 А в саду расцветающем вишни,
 Став в обнимку, раскинулись пышно
 И, внимая Вселенной, не дышат,
 Точно праведницы на амвон.

Н.М.

Сегодня свет рассеян и богат
 Разводами осенних акварелей,
 Деревьев струны, строя новый лад,
 Под ветром густо, как орган, гудели;
 И медленно кружась, легли листы
 На плиты улиц и асфальт проспектов,
 Шепча ветвям последнее «прости»
 В мерцании тускнеющего спектра;
 Не слышно птиц, стрижей короткий свист,
 Лишь резвые шаги и смех младенца,
 А на газоне золотится лист
 Печатью долгожданных индulgенций.

«ТВОРИЛА ЖИЗНЬ, КАК ПИШУТ ЧЕРНОВИК...»

Любовь Рахматовна известна по поэтическим сборникам «Эхо» (2002) и «Мимолетности» (2006), как один из авторов сборника русскоязычных поэтов Узбекистана «Под знаком осени» (2004), а также по стихам, опубликованным в ташкентской и ферганской периодике.

Серьезное увлечение классической музыкой, живописью, поэзией, театром обогатило эмоциональную сферу Л. Тиллябаевой. Стремление к совершенству заставляло ее строго оценивать себя и окружающих, пытаться постичь смысл жизни в ее первооснове. Вместе с жизнью человеку дается желание достичь высших материальных и духовных ценностей, но когда происходит перекося в сторону материального благополучия, родник духовности затягивается мусором, превращается в болото, ведущее к вырождению человека.

Древнекитайский мудрец Конфуций был уверен, что «у человека есть три пути, чтобы разумно поступать: первый... – подражание; второй, самый благородный – размышление; третий, самый горький – опыт». Жизнь при этом ставит важные ориентиры – это прежде всего люди с их поступками, мыслями, устремленностью к определенным жизненным идеалам, встречи с которыми способствуют формированию личности. Таковыми для Любови Рахматовны стали родители, блестящие педагоги, творчески мыслящие друзья.

К серьезному поэтическому творчеству Любовь Тиллябаева пришла в 90-е годы, когда устоявшаяся, размеренная жизнь вдруг оказалась сдвинутой, перевернутой, и горький опыт внес смятение в зрелый ум и мудрую душу:

Колесом трамвайным по костям,
Ухмыляясь, хрукает эпоха...

В 2012 году вышел очередной поэтический сборник Л. Тиллябаевой «Грань времени» со стихотворениями, отражающими настроения 90-х годов, мучительные размышления автора, трагическое ощущение потерянности и постепенное обретение веры в жизнь. В предисловии к этому сборнику Каа Л. В. отметила, что «среди многих смыслов, способных наполнить название, возможен такой: жизнь – это те мгновения, что взяты крупным планом и отражены в поэтических строках», пронизанных «почти мучительным ощущением уже невозвратимой частицы жизни автора».

Ощущение трагичности времени обостряется до предела из-за резких перемен как в личной жизни, так и в жизни страны и шире – всего мира. Распался Союз – и тронулись потоки переселенцев, унося и друзей, и родных, и просто хороших знакомых, опустошая родное жизненное пространство, наполняя его новыми, не всегда близкими по духу людьми. Технический прогресс, меркантильность превращали человека в раба вещей, заставляя забыть о душе, о красоте окружающего мира и необходимой гармонии с ним, делая из людей потребителей материальных благ и массовой «дешевенькой» культуры. В лирике Л. Тиллябаевой звучит протест против такого положения вещей:

Вхожу анахронизмом в новый век,
Влача, как шлейф, приметы отторженья.

Особые страдания доставляют мысли о новом поколении, еще не понимающем, в каком ушербном мире придется жить, если вовремя не научиться самостоятельно мыслить и позволить погасить лучшее из того, что заложено в человеке самой природой.

Мне жаль обманутую юность,
 Что жвачкой пошлости утишена.
 Мне жаль, что ложь и мыслей скудость
 Над миром временем возвышена.

Горький жизненный опыт больно ранил чуткое сердце поэта, разбил его на осколки, и необходимо было время, чтобы соединить их вновь. Недаром в творчестве поэта в это время возникает образ Фауста, пожелавшего обогнать свой век. В неустанных поисках истины Фауст понял одно – насильно сделать человечество счастливым невозможно, необходимо, чтобы оно само стремилось к идеалу, активному самосовершенствованию, целью которого является прежде всего нравственное отношение человека к человеку.

Увлечение японской культурой определило интерес Л. Тиллябаевой к поэтике танка. Танка («короткая песня») – короткое стихотворение, в котором оптимально сочетаются краткость изложения с насыщенностью лирического содержания. Важно в этой поэзии одухотворение природы, ее очеловечивание, аллегория, стремление через многозначные образы выйти к широким ассоциациям, дающим возможность выявить эстетическую ценность вещей, их неповторимое очарование.

Некая созерцательность и поиск ярких образов помогли поэту отойти от жизненной суеты, вернуть душевное равновесие, осуществить то, к чему так стремится ее мятущееся сознание.

Любовь Рахматова переносит некоторые приемы японской поэтики на почву русского стихотворчества. Метафора становится в ее стихотворениях тончайшим инструментом раскрытия таинственной сущности жизни, где удивительным образом переплетаются человеческие чувства и природа. Осень, дождь, плохая погода становятся центральными темами цикла «Мимолетности», но какая умиротворенность и надежда сквозят в обостренном восприятии красоты природы, в торжественной мелодии стиха!

Гармонию мира лирический герой поэта противопоставляет скудости рассудочной жизни, обрывающей все связи между людьми, обрекающей их на одиночество.

Чтоб растопить рассудочности лед,
 Мне всех энергий сердца не достанет...

Очень интересно представлена в лирике Л. Тиллябаевой тема любви, которая трактуется как сближение двух огромных, непросто организованных разных человеческих миров. И от того, воспримут ли они друг друга, сблизятся ли все их точки, зависит судьба любви.

Любовь, как вакуум, где крут
 Магнитных сфер замес в пространстве...

...

Как сердцу выдержать поток
 Обрушивающихся сверхэнергий,
 Когда в определенный срок
 Сшибаемся своими «эго»?

Поэзию Л. Р. Тиллябаевой отличает лаконизм, спрессованность мысли и эмоциональная насыщенность образов. Она требует от читателей сотворчества, высокой эмоциональной восприимчивости и определенного запаса культурных знаний, позволяющих дочувствовать заложенный в изяшных творениях автора смысл.

Олеся ВЕЧ,
 ст. преподаватель ФергУ

литературоведение. литературная критика

**Мухаммаджон
ХОЛБЕКОВ**

Доктор филологических наук, профессор, переводчик, автор многочисленных статей и монографий: «Узбекская классическая литература во французской культуре XVII–XX вв.»; «Переводоведение и переводческая критика»; «Структурное литературоведение»; «Панорама модернистической литературы XX века» и др.

РОМАН МУХАММАДА АЛИ «АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ»

(русский перевод первой книги
«Джахангир Мирза»)

В истории узбекской литературы есть целый материк исторических романов, посвященный жизни «великих», связанный в первую очередь с эпохой «тимуридов». Эта эпоха определила политические перспективы на долгие годы, вывела на авансцену истории новую династию: великого строителя и полководца Темура Сахибкирана и его гениального внука Улугбека.

Оценка Амира Темура в мировой истории и литературе неоднозначна и порой противоречива, но им была создана эпоха, изменено геополитическое пространство, что обусловило место Амира Темура в ряду таких великих полководцев и «завоевателей мира», как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Чингиз-хан. Это имя человека, который заставляет мир помнить о своих деяниях уже семь столетие.¹ Пишущие об этой эпохе всегда употребляют слово «впервые», что является индексом уникальности, пассивности, даже опережения героем своего времени.

Акбар Хакимов дает периодизацию развития, выделяя период «Тимуридского Ренессанса» – вторую половину XIV – начало XVI вв.² Э. Гюль интересно рассказывает³ о культурной политике Амира Темура, благодаря которой и сегодня, спустя многие века, Самарканд и Шахрисабз убедительнее самых высоких слов восхищают грандиозными памятниками, характеризую эпоху.

Появление еще одного исторического романа о Темуре Сахибкиране и его эпохе в ряду произведений знаковых писателей (Айбек, С. Бородин, Б. Ахмедов, А. Арипов, Т. Мирза, Асад Дильмурод) не есть повторение или интерпретация «исторических записок» или модернизация таких работ, как «Дневники Клавихо» и «Зафар-наме» Шараф ад-дин

¹ Видные ученые посвятили свои труды этой эпохе: Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. – М., 1961; 2. Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии XV в. Ведущие тенденции и черты. – Ташкент, 1976 и др.

² Хакимов А. Искусство Узбекистана: история и современность. – Ташкент, 2011.

³ Гюль Э. «Архитектурный декор эпохи тимуридов: символы и значения» – Ташкент, 2014.

Али Йазди. Роман Мухаммада Али «Амир Темур Великий. Джахангир Мирза» – это предельно насыщенное оригинальное эпическое полотно, в котором показано начало государственности. Автор выстраивает биографию Амира Темура как процесс становления во власти тридцатичетырехлетнего амира, его превращения в могущественного Сахибкирана. Стоит подчеркнуть, что эта тема возникла не случайно, она интересовала Мухаммада Али еще в 60 годы прошлого века (стихотворение «Ривоят» – «Предание»). Более глубоко разработан образ Сахибкирана Мухаммадом Али в поэме «Блики на куполе» (1967 г.). Эпический образ зазвучал в диалогии «Сарбадоры». Поэтому мощный аккорд, взятый молодым поэтом на заре творчества, вылился в многоголосную симфонию, пафосное эпическое полотно, в котором создана национальная картина мира последней трети XIV века, начиная с 1370 года. Роман полностью (4 книги) опубликован на узбекском языке. Сейчас ведется работа над его переводом. Переведены на русский язык и опубликованы 1-ая и 2-ая книги «Джахангир Мирза» и «Умаршейх Мирза», их журнальные варианты представлены в журнале «Звезда Востока» (2015–2016 гг.).

Стиль романа покажется русскоязычному читателю излишне «цветистым». В художественном тексте реализуются, как известно, две основные взаимосвязанные функции – функции воздействия и эстетическая, так как в художественном произведении воплощается не только и не столько рациональное, информативное начало, сколько художественное, эстетическое. От того, как и в какой форме материализуется содержание, зависит эстетическая ценность произведения и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя. Информации (исторической, культурологической, этнической) в романе Мухаммада Али много, художественное пространство произведения густо «населено» героями всех социальных слоев и возрастов, этнических групп, родов и династий. Читатель погружается в плотную вязь имен и племенных различий, в малоизвестные названия городов и местностей, которые являются предметом политических притязаний, поэтому поначалу информация доминирует над «впечатлениями», необходимо вчитаться, поймать неторопливый ритм, принять авторскую модальность.

Художественное произведение – открытое окно в иную культуру. Поэтому так важны качественные переводы знаковых произведений культуры на другие языки. Только таким образом идет расширение культурного влияния, процесс знакомства инофона с национальной картиной мира. Не случайно отмечается, что «будучи ничтожно малым элементом мира, текст (книга) вбирает в себя мир, становится всем миром. Поэтому важен анализ текстов в рамках герменевтической парадигмы»¹. Это очевидно, потому что национальные тексты всегда содержат ряд кодов культуры, прецедентных имен, особого восприятия Времени и Пространства, растворенных в образном мире произведения. Поэтому от характера представления образного мира в романе «Джахангир Мирза» зависит постижение иноязычным читателем узбекской культуры и истории.

Роман написан в традициях восточного исторического романа, поэтому в образную ткань повествования необходимо «входить» с этой установкой, воспринимать его как данность узбекской культуры. Перед Мухаммадом Али предстала трудная задача: убедительно показать читателю, как шаг за шагом, постранично, вырастает образ уникальной исторической личности, доказавшей свою значительность

¹ Маслова В. Лингвокультурология, М.: 2004, с. 35.

претворением грандиозных планов – построением великой империи, воплотившей свою мечту в строительстве несравненных светских и культовых сооружений.

Сюжет романа «Джахангир Мирза» выстраивается многопланово: история завоеваний и образование мощной империи, становление Сахибкирана как человека власти. Отсюда многочисленные конфликты с представителями других родов, властителями мелких ханств. Мухаммад Али буквально прочерчивает линию власти – жесткую, даже жестокую.

В эпическом произведении важна неоднозначная оценка персонажа. Естественно, что противники не могут с благодарностью воспринимать «человека с саблей». Автор не делает своего героя настолько прямолинейным, чтобы ставить себя в положение «покоренного» и не анализировать возможные позиции. Амир Темур – тактик, рассматривающий далекие и близкие перспективы своей военной доктрины. Поэтому его действия, как правило, оправдываются. Тридцатичетырехлетний герой Мухаммада Али понимает свою историческую миссию, нацеливаясь на высокие ориентиры (Александр Македонский).

Вторая сюжетная линия связана с частной жизнью Темура: он показан как отец Джахангира, наследника престола. Поскольку поведение Сахибкирана всегда воспринимается «тысячей глаз», автор подчеркивает постоянную борьбу отцовских чувств и поступков «человека на троне». Каждая сцена есть психологическая борьба, есть внутренняя напряженность, которые автор передает, используя оттеночную палитру, не прямолинейно: в фокус изображения, к примеру, попадают то чувство отцовской гордости за смелость и решительность Джахангира, вызывающее романтическое и нежное воспоминание о дне рождения сына, то крупные планы или панорама. Темур наблюдает за боем, но постоянно фиксируется на сыне в гуще битвы: «Темурбек издали увидел, что Амир Жаку барлас рядом с Джахангиром, и от души отлегло. Ему было неловко войти к сыну в шатер. Сердцем чувствовал, что душевная слабость не пристала человеку, который вот-вот взойдет на престол» (с. 58).¹ Амир Темур как военачальник отмечает успехи сына, его самостоятельные шаги. Единственный раз отец доминирует над правителем на свадьбе, единственный раз эмоции выражены в несвойственной правителю лексике, интонации и жесте: «Молодец, принц мой, хвала вам. Давайте-ка обнимемся. – Амир Темур заключил в объятия сына и поцеловал его в лоб» (с. 339).

Можно выделить третью сюжетную линию, правда, она намечена не так полно, как первые две: планы масштабного строительства в Самарканде. Она разрабатывается с топографической и исторической точностью [окрестности Самарканда (Чупан Ата, Конибил), строительство масштабных, многоэтажных Бустон-сарая и Кок-Сарая, закладка садов (Боги Чинар)].

Четвертая линия, лирическая, – история любви Темура к Сараймульханум – проходит пунктиром через повествование. Это сюжетное повествование дается в сказово-дастанным стиле не вполне убедительно и необходимо автору, видимо, для усиления восточной экзотики. Портрет Сараймульханум калькирован как трафарет портрета восточной красавицы: «как бутон розы... крохотная родинка... похожая на сказочную пери... плыла словно лебедь». Вместе с тем Мухаммад Али подчеркивает исторический прагматизм своего героя: «У всех амиров есть заветная мечта – добиться чести называться зятем династии Чингизидов... звание Кураган» (с. 140). Возможно,

¹ Здесь и далее цитируется по: Мухаммад Али. Амир Темур Великий. Джахангир Мирза. – Ташкент, 2015.

поэтому выбор между двумя представительницами высокого рода, бывшими женами Хусейна, пал на Сараймулькханум.

Образ Амира Темура у Мухаммада Али как бы мистифицирован. Автор создает мистическую картину встречи молодого амира с будущим духовным наставником. Эта сцена не разрушает исторической правды. Наличие в системе персонажей именно такого духовного, «ангелоподобного» героя оправдывает объемные пророчества или религиозные откровения. Думается, это объясняет упорную тенденцию Амира Темура к строительству культово-мемориальных комплексов и мечетей.

Историзм и вымысел, цитирование будущего Уложения (политических правил), строительство и войны, интриги, доверчивость, дальновидность политика, частная история семьи – полная рецептура исторического романа, и все это своеобразно и оригинально реализовано в произведении.

В стиле восточной литературы – цветистость и велеречивость. Автор сохраняет приемы традиционного портрета, традиционные ритуалы и коммуникативные обороты; в ткань повествования вплетаются мистические сновидения и притчи, пословицы и поговорки; даются этнические и этнографические описания: муназаре, игры, костюмы и т.д. Многочисленные речевые обороты и бытовые подробности, ритуалы существуют в романе не как самоцель, а как часть национальной картины мира, являются лингвокультурологическим слоем повествования, обогащают его, делая незабываемым. Следует подчеркнуть, что Мухаммад Али способен мастерски создать объемный, психологически обоснованный образ даже второстепенного персонажа (Амир Кайхусрав, Хусейн и др.).

На протяжении веков культура рассматривается как совокупность достижений в области искусства, науки и просвещения, вместе с тем художественный национальный текст в силу своей «антропологической» тенденции позволяет изучение истории и культуры через реалии быта: веши, привычки, повседневное существование героев, их ментальность. В этом плане повествование Мухаммада Али представляет неоспоримую ценность. Переводной текст романа вполне справляется с обилием лингвоспецифических слов и понятий. Все, что входит в понятие «лакуна», достаточно четко комментируется как в сносках, так и прямо в тексте, что удобно для восприятия: «Согласно законам салтаната его наградили специальными подарками: железной булавой, называемой *чу-маком*, пушистым пером филина – *укпаром*, *утагой* – драгоценным символом, прикрепляемым к головному убору...» (с. 172). Этнические слова, а также названия блюд национальной кухни, военные и религиозные термины, на наш взгляд, правомочно дополняют этнографическую информацию.

Авторская модальность только на первый взгляд излишне пафосна. Чем больше вчитываешься, тем обширнее открываются грани характера Амира Темура, постижение им процесса власти, его победы, промахи и ошибки. Поэтому стоит «развернуть этот восточный свиток с самого начала» и пойти вслед за причудливой фантазией автора, отмечая именно те детали, из которых и создается национальная картина мира.

Роман Мухаммада Али напоминает восточный ковер сложного рисунка, созданный из микроскопических узелков, поэтому важно отметить авторские детали, ставшие прочной основой образности.

В первую очередь, это сравнения: в них проявляется (даже при переводе – М. Х.) ментальность, национальное мышление и принадлежность определенной

эпохе. Выделим сравнения, основу которых составляют прецедентные имена, что подчеркивает и значимость имени, и интеллектуальный уровень говорящего. Амир Темур иронично характеризует неверного приближенного: «наш друг Бахрам жалайир... *словно легендарный Рустам отважно сражался в Хиндуване*» (с. 141). Второй тип сравнений также национально центрирован на значимых предметах или явлениях. К примеру, Аму-Дарья – главная полноводная и непредсказуемая река Средней Азии – лежит в основе образного сравнения характера духовного наставника правителя Мир Сайида Барака: «Это был человек с душою, подобной величавой реке Джейхун, внешне спокойной и размеренной, но скрывающей в своих глубинах силу и неудержимый напор» (с. 151). На протяжении всего повествования автор подчеркивает умение Амира Темура при внутренней борьбе оставаться внешне непроницаемым и бесстрастным в самых острых политических и военных ситуациях. Но в «частной жизни», когда правителю можно не сдерживать эмоций, когда он не великий Сахибкиран, а муж, отец, дед, он эмоционален и темпераментен. Мухаммад Али далеко не случайно вводит второстепенного персонажа – Мамата – не просто слуги, а близкого доверенного человека. И только ему дано отметить зримые приметы волнения или досады хозяина, что логически мотивированно.

Следует подчеркнуть мастерство писателя в использовании деталей. Традиционный жест – «рука у сердца» – характерен для всех героев, включая сына, при общении с Сахибкираном. Во время поздравлений отца на свадьбе сына Мухаммад Али подчеркивает естественное проявление искренности и пика эмоциональности при помощи жеста и у Темура: «Благодарю! Спасибо! – отвечал он, приложив *руку к груди*» (с. 328).

Восток уделяет особое внимание лунарным мифам и светилу, что является основой образного мышления. Амир Хусейн – бывший друг и настоящий противник Темура – не показан в романе только «ничтожным» или трусливым. Его осознание собственного поражения выражено лунарным сравнением, что подчеркивает ум и образное мышление говорящего: «...царство, как полнолуние, – уменьшаясь, постепенно распадается...» (с. 61). В этом же плане создан автором традиционный портрет красавицы Ханзоды: «...личико светится, словно умытое лунным светом, а тонкие черные брови как серп молодой луны...» (с. 249). Важно, что в романе дано национальное восприятие героями пейзажа, пространства, что создает прочную основу для постижения национальной психологии, ментальности героев. Радостной Ханзоды, опьяненной любовью и красотахми весенней природы, представляется картина, соответствующая ее женскому взгляду на мир: «С высоты поляна Конигил казалась *малахитовым сюзане* с розовой и белой розами посередине» (с. 344).

Композиция романа – хронологическая, как и требует жанр исторического произведения, трагический финал сделан по всем законам «коды». Писатель находит тот центр, который является проекцией на будущее, «человеческие» проявления Амира Темура делают его образ запоминающимся («Необыкновенный запах младенца слегка опьянил Сахибкирана»). Финальный аккорд становится настоящей кодой: «В толпе, одетой во все черное, резко выделялся завернутый в белоснежное одеяльце младенец на руках Сахибкирана» (с. 406). Это внук Мухаммад Султан, который будет сражаться рядом с дедом. То есть трагический финал звучит все же оптимистично.

В заключение хотелось бы специально остановиться на качестве перевода

на русский язык первой книги романа Мухаммада Али «Амир Тимур Великий. Джахангир Мирза».

Основным посылом наших размышлений является авторитетное мнение В. Н. Комиссарова: «Переводчик в ходе своей работы имеет дело не с системой языка, а с речевыми произведениями... в рамках текста ... допускается пожертвование менее существенными деталями ради успешной передачи глобального содержания текста (принцип преобладания целого над частью); конечной целью переводчика является создание текста, который отвечал бы требованиям когезии и когерентности текста».¹ Поэтому задача переводчика есть передача на всех уровнях (макро- и микро- – М. Х.) содержания текста оригинала, в данном случае исторического произведения. На уровне «целого» впечатление положительное, адекватное, за исключением досадных мелочей.

1. Этикетные восточные обращения «ханзода и малика» в комментариях к тексту переводятся как «принц и принцесса». На наш взгляд, эти слова несут оттенок западного обращения. Когда Тимур отдает приказ о поездке, используя все восточные регалии Джахангира, «принц» становится просто инородным телом в данном контексте: «... поедет мой любимейший сын, цветок сада салтаната, опора надежды нашей, сам *принц* Джахангир Мирза» (с. 121). Это точный перевод, но для сохранения восточного колорита уместнее было бы в этом ряду оставить титул «шахзода». Возможно, лучше было бы также вместо западного «Ваше преосвященство» при обращении к пиру оставить простое и подлинное «хазрат».

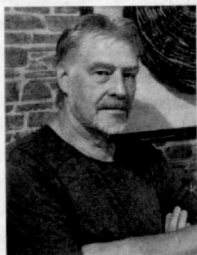
Сюда же можно отнести и обращения типа «Ваше величество», «ваше высокопреосвященство», «ваше благородие», кажушиеся инородными для узбекского придворного речевого этикета. Разрушают придворный восточный колорит эпитеты типа «августейшие особы». К примеру, в трилогии С. Бородин есть большое количество сцен, в которых Тимур (у Бородин дано такое правописание имени – М. Х.) общается с улемами. Тимур именуется *Повелителем*, а улемы обращаются к нему так: «Иззат-аддин привстал... *О великий амир!* Истина вложена аллахом в деяния ваши. Мысли ваши благочестивы».² Приемы и ритуалы восточной коммуникации не нарушены.

2. При переводе встречаются и досадные примеры осовременивания понятий, что мгновенно разрушает временную ткань повествования, лингвостилистическую характеристику героя. К примеру, Абдулмаоли в беседе с Амиром Кайхусравом иносказательно высказывает свое негативное отношение к власти: «Кашляют Самарканд – и мы кашлянем... Лишь бы не сел на нас, как на ишаков» (с. 233). Вряд ли человек XIV века сможет мгновенно перейти на современную лексику, именуя себя «оппозицией»; нечестную политику называя «беспределом»; а соратников гордо – «коллегами». Сомнительны французские термины кровного родства типа «кузены» (так в романе называют друг друга двоюродные братья Джахангира). Вызывает недоумение употребление термина современной передовой области науки в речи средневекового придворного Амира Жаку барласа, который в гневе воскликнул: «Подлость и предательство, наверное, передаются *генами*, это в крови» (с. 120). Приведенные досадные промахи переводчиков нарушают законы когерентности.

¹ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. – М.: Р. Валент, 2011, с. 160.

² Бородин С. А. Молниеносный Баязед // Бородин С. А. Собр. соч. в 6 тт., т. 5. – М: СП, 1976, с. 73.

проза

**Николай
ПОПОВ**

Родился в Омской области в 1950 г. Окончил Ташкентское республиканское художественное училище им. П. П. Бенькова, оформительское отделение; художественно-графический факультет ТашГПИ им. Низами. Член творческого объединения при Академии художеств Узбекистана. Дипломант, участник международных выставок.

СЦЕНАРИЙ*Рассказ*

Николай проснулся от нестерпимой жажды. Открыв глаза, он увидел таракана, бесстрашно восседавшего на предплечье и, шевеля усами, нагло пялившегося на его лицо. «Твою мать!.. Опять я в этом гадюшнике... что за наваждение!..» – сокрушенно вздохнул он, стараясь восстановить в памяти события предыдущего вечера. Таракан, не став более испытывать свою судьбу, стремглав взбежал по клеенке на стол, пробежал по раскисшему в тарелке салату и исчез.

В тяжелой с похмелья голове Николая, внося сумятицу и тревогу, билась какая-то беспокойная мысль, напоминающая о том, что произошло что-то неприятное до того, как, не раздеваясь, он плюхнулся на это отвратительное ложе...

Через пыльные, обвисшие занавески пробивалось раннее летнее солнце. Из смежной комнаты через настежь распахнутую дверь доносился смачный храп хозяина.

«Да, да... это он притащил меня сюда, пьяного вдрызг...» – вступил Николай на зыбкий путь воспоминаний. «Да... припоминаю, где-то по дороге я потерял сандалету... а может, и обе...» Николай сполз с постели, пошарил под диваном, ничего там не найдя, залез под примыкающий к нему стол и, поползав, обнаружил сандалету с левой ноги. «Так и есть, одна...» – посетовал он. На всякий случай оглядел комнату, но обнаружил только свои солнцезащитные очки с отломленной дужкой, жестоко раздавленные в кресле чьей-то бездушной задницей. По пути в ванную комнату он осмотрел прихожую, где тоже ничего не обнаружил. Утолив жажду прямо из-под крана, буксу которого пришлось открывать лоскогубцами, вытер руки носовым платком и, судорожно пробежавшись по карманам, обнаружил, что мобильник тоже исчез. «Ё-о-о, твою мать!.. Вот так всегда, когда перехлестнешься с этим «гением», сразу начинаются пьяные проблемы: то обляпаешься как свинтус, то не знаешь, куда забредешь, а то и просто мордой об асфальт... а теперь – и сандалеты, и мобильник...»

Николай, стараясь не нарушить сна хозяина, вернулся на исходную позицию. Усевшись на диван, стал мысленно перебирать суть своих с ним отношений: его, словно магнитом, тянуло к этому человеку. Но вот в чем парадокс: в общении с ним Николай буквально в считанные часы пресыщался им, и возникало неудержимое желание бежать от него без оглядки.

Так где же эти точки соприкосновения и в чем причина внезапно возникающей неприязни? Первоочередным предметом их встреч всегда был его «гребаный сценарий» – так за глаза отзывался Николай об опостылевшей рукописи, в которой он не вполне мог разобраться. Все, казалось, было ясно с отморозками, греющими руки на церковной утвари, с криминальными деяниями врачей, с людской подлостью и сексуальной извращенностью... Но когда вся эта материя, сотканная из человеческих пороков, накладывалась на евангельские сюжеты, здесь Николай безоговорочно капитулировал, ибо в библейских текстах разбирался весьма поверхностно. Где ему было отличить Ветхий Завет от Нового, и чему там были свидетели «Свидетели Иеговы» ...

«Почему он прицепился именно ко мне? "...Ты же литератор", – аргументировал он в очередной раз, подсовывая свою писанину. Он пишет свой сценарий уже двадцать лет, тоже мне – "Явление Христа народу". Его творение не без натяжки можно считать ровесником нашей новой эпохи. Сценарий не поспевает за стремительностью развития прогресса: современная трансплантация почки, компьютерная томография, изощренность современного жулья, внедрение мобильной связи... и... и... и... – он каждый раз переписывает сценарий, дабы герои органично вплетались в интеллектуальный антураж достижений человечества. Я же не против – пиши как тебе бог на душу положит, и пиши хоть всю жизнь, но почему любые твои поправки и дополнения всегда обрушиваются именно на мою голову... и так двадцать лет кряду. Почему именно я должен всякий раз перечитывать твой сценарий и кивать башкой, вторя твоим заключениям о том, насколько творение стало гениальнее...»

Николай повернулся в сторону заворочавшегося в постели хозяина.

– Что, Склифосовский, оклемался? Ну ты вчера и дал... – раздалось из открытой двери.

– Сам дурак, – минорно отозвался Николай словами отца Федора. «С какого бодуна он окрестил меня Склифосовским и лепит так на протяжении всего нашего "обоюднo-приятного" знакомства, ведь у нас с Николаем Васильевичем, кроме имен, и общего-то ни-че-го-шень-ки, не понимаю просто...»

– Что, котелок трешит?.. Сейчас поправим... «Я тебя породил, я тебя и убью...» – принимая шутку, улюлюкал хозяин, треща пружинами своего ложа.

– Печаль у меня великая, Валерий Иванович, – прервав свои умозаключения, все так же уныло вешал Николай. – Мобильник посеял где-то, а там масса нужных телефонов...

– Держи падлюка... – прилепав поближе, лыбился Валерий Иванович, протягивая мобильник. – Ты вчера все порывался его забросить, мол, надо-ели все, пошли все... видеть никого не желаю, сволочи все... – и это, поверь, самые безобидные из твоих выражений. Уж как я изловчился освободить аппарат из твоих белых ручек, ну и прибрал с глаз долой подальше. Потом, думаю, раз ты на него махнул рукой, вернее, с ним махал рукой, значит, ничего страшного не будет, если я воспользуюсь трубкой и сделаю деловой звонок

в Москву. Моему другу, режиссеру Володьке Меньшову, узнаю, как продвигается мой сценарий. Что палишься? Не помнишь, я тебе вчера долдонил?.. Сценарий я отправил Меньшову... он нашел его талантливым и выслал аванс, кой мы вчера с тобой и пропивали. Вспомнил?..

– Помню, помню. Что ты тарыхтишь, я помню все так же, как и при прошлых встречах, когда ты распространялся об именитых адресатах своего сценария. Это и Никитка Михалков... – Николай умышленно употребил уменьшительно-ласкательную форму, ерничая по поводу панибратских отношений Валерия с корифеями современной режиссуры. Фамильярность, с которой тот всегда упоминал известные имена, больше всего раздражала Николая. Валерий Иванович настороженно скосил взгляд.

– ...Который, как мне помнится... – игнорируя реакцию хозяина, продолжал Николай, – тоже нашел сценарий гениальным, поставив тебя в трактовке иерусалимского судилища на одну ступень с Бугаковым, а может, даже и выше... но, как мне помнится, он тут же извинился за отсутствие средств на постановку такого масштабного фильма.

– Это и Карен Шахназаров, не помню, что он там тебе обещал...

Николая понесло – он решил отыгаться за всю навязчивость Валерия с его постоянно перекраиваемым сценарием.

– Это и Богдан Ступка, который во время твоих с ним мифических буханий заверял, что непременно сыграет прокуратора иудеи Понтия Пилата. Весьма сожалею, что он так и не дождался реализации твоего проекта...

– Ну, это ты брось обличать меня во лжи, как сказал, так оно и есть, а за базар можно и ответить... – перейдя на жаргон, сверкнул глазами из-под лохматой шевелюры Валерий Иванович, намереваясь спустить свору собак на Николая в защиту своих пресловутых историй. Затем вдруг осекся, молниеносно прикинув что-то в голове и, широко осклабившись и состроив наиглупейшую мину, продолжил:

– Падлюка ты, Николай Палыч, за то я тебя и уважаю... но желчный какой-то, это с похмелюги... идем, полечимся, у меня самого тарарам в голове. Надеюсь, наша вчерашняя губительница душ уже распростерла свои объятия...

Николай Павлович, все еще храня угрюмость, не говоря ни слова, вытянул свои ноги, демонстрируя Валерию Ивановичу реалии ситуации, как Геракл, представший в свое время обутом в одну сандалию пред царем Пелием.

– Похерил где-то, а при такой экипировке вряд ли я смогу принять ваше любезное предложение...

– Чепуха, вот тебе мой шлепанец, обувай, – хозяин, как лягушку, подбросил товарищу резиновый тапок, – а твой мы разом съедем, некуда ему было деться между кабаком и домом. Давай, Скифосовский, ноги в руки – и вперед!

Николай мысленно выругался, вновь «осчастливленный» лестным прозвищем, осмотрел резиновое чудо, зияющее огромной дырой на протертой подошве, и брезгливо всунул в него ногу.

– Во! – заключил Валерий Иванович, оглядывая своего гостя, обутого в совершенно разномастную обувь.

Внимательно обследовав лестничный марш, а также дорогу до кабака, заглядывая под каждый кустик, так ничего и не обнаружив, удрученные горемыки присели за столик. В кафе еще только закладывали плов, а спиртным и не пахло.

– Не вешай нос, Колюня, обещал – сделаю, – заверил Иванович. – Тут через дорогу напротив, за трамвайными путями, – Валерий жестикулировал рукой, – аптека «24 часа». Возьмем пару «фонфуриков» спиртяжки и раздавим за милую душу, закусив вон теми вчерашними пирожками. Давай, двигаем.

Николай поплелся за своим поводырем.

– Ё-о-о... твою мать, – неистово выругался он, почувствовав, будто десятки жал впились в ступню через дыру в шлепанце.

На вид мягкая зеленая муравка, стелющаяся вдоль трамвайного полотна, оказалась коварной хищницей, прозванной в народе «пятаки». Пока Николай вышипывал колючки, Валерий Иванович, радостно гикая, подоспел с флакончиками спирта.

– Фигня, не обращай внимания, это тебе за твой мерзостный язык.

– Я бы поостерегся быть столь категоричным, учитывая достоинства твоего языка...

Через мгновение литераторы, восседаая за столиком и отпивая разлитый по пиалам неразведенный этиловый спирт, уже вели свои душеволнующие беседы.

– Вот ты глумишься над моими связями с киношниками... думаешь все бла-бла, а ведь Володька Меньшов на днях действительно собирается приехать ко мне домой, – отхлебнув из пиалы, затянул Валерий Иванович, вновь уверяя пересмешника в правдивости своих слов. – Правда, во время последнего с ним телефонного разговора он вздумал меня воспитывать по поводу чрезмерного возлияния, так я быстро поставил его на место. Послал куда подальше, мол, не надо лезть в мою частную жизнь. Я свободный художник и сам себе хозяин, а кому не нравится...

– Прямо как в твоём сценарии: пирамида, в которой заключен саркофаг с древними надписями, рушится под ударами молнии. Священник сгорает в своем приходе вместе со свитками, дождь смывает лик Христа... и все концы в воду...

– Опять ерничаешь? Почему мне важен твой отзыв? Потому что ты каким-то боком прилеплен к литературе. Правда, пишешь говно, но тебя публикуют, – молниеносноотреагировал Валерий на выпад Николая.

– А Меньшов, будь спокоен, приедет... чувствую, крепко «подсек» я его своим сценарием...

«Да, знал бы он, в какой срательник попадет...» – ерепенился Палыч. «У тебя не только мерзкое жилище, но и язык, и душонка...»

– ...Они не в пример некоторым чрезвычайно корректные люди и лишены амбиций. Кстати, Никита Михалков в своем письме обращался ко мне как к равному: «Дорогой коллега...» Во как! А что фильм не стал снимать, так это не из-за отсутствия средств, а по причине расхождения наших взглядов на религию. Да если даже и... – пригубив из пиалы, продолжал Валера, – предположим, в России не захотят ставить мой фильм, я переведу сценарий на английский и отправлю в Голливуд. Там его с руками оторвут, будь уверен! На днях я еду в Киев, помимо Ступки, – царство ему небесное – у меня там еще масса друзей, которые будут рады помочь в экранизации моей вещи.

– Шура! Поезжайте в Киев! Поезжайте в Киев и спросите... – не унимался Николай, цитируя Ильфа и Петрова, выражая крайнее недоверие к словам Валерия Ивановича.

– Вот. На! – Валерий Иванович бросил на стол откуда-то чудом появившийся сценарий, упакованный в прозрачную целлофановую папку. Читай! Ты вчера был настолько пьян, что вразумительных ответов на мои вопросы так и не дал. Я сгоняю в аптеку, а там потолкуем...

– Да я его уже выучил наизусть, – встретил Николай Валерия раскрытой папкой. Вот разве только здесь что-то новое, – Николай ткнул пальцем в страницу. – Тут у тебя какой-то юродивый художник написал картину типа «Тайной Вечери», выписав лица – прости за невольный каламбур – всех на одно лицо: и апостолов, и Христа, прообразом которого послужил лик твоего падре Сальвадора.

– Вот, вот... в чем суть! – воскликнул Валерий Иванович, разливая спирт по пиалам. – Вот где узловой момент сценария. Благодаря этой картине, если обратил внимание, я поменял и название сценария, теперь он «День зеркальный», теперь у меня все срослось! На картине у всех одно лицо, лицо падре Сальвадора, что в переводе с испанского – Спаситель. Эта картина – отражение нашей сути... – трясушейся от волнения рукой Иванович приподнял пиалу, предлагая Николаю последовать за ним... – Спаситель, отражающийся как в зеркале и принимающий на себя грехи человеческие.

Валерий взял папку и стал цитировать строки, вложенные в уста одного из персонажей:

– Лишь тебе одному я открою скрытый смысл его необычайной картины. Кого они бьют? – они бьют себя... над кем смеются? – они смеются над собой... на кого молятся? – они молятся на себя... по ком плачут? – они плачут по себе... кого предают? – они предают себя... кому воздают хвалу? – они воздают ее себе. Чей крест на груди уверовавших в него... чей? Каждый из них как вечную память о распятом Христе несет его дыбу, крест его смертный... крест.

Николай, опешив на мгновение, пришел в себя:

– Сам придумал или списал откуда?

– Да я уж не помню, может, списал, а может, и нет – дело не в этом. Все дело в сути.

– Гениально... это же мы с тобой!

– Конечно! Это весь наш род человеческий!

– Ладно, на этом мажоре я сваливаю, будет о чем подумать. Тем более об-увка разная, неловко. Давай обеспечить тачку, и я дергаю.

– На, это тебе мой подарок... – Валерий Иванович сунул Николаю папку со сценарием, когда тот уселся в такси, – на память, чтоб тебя больше не беспокоить по этому поводу.

«Ну, слава богу, хоть какой-то этап завершен».

Едва отчитался перед женой о причине своего ночного отсутствия, как опять услышал звонок мобильного:

– Склифосовский, я совершенно упустил из виду, я же пишу продолжение, приезжай завтра, обсудим...

ПОЭЗИЯ

Право выбора будет за мной

Желтый плюшевый мишка,
Старый фикус в углу,
Вот и все, что мальчишкой
Я припомнить могу:

Золотые орехи, мандарины на елке,
Радиола «Урал», «морж» на старенькой полке,
Холодильник «Саратов», белых слоников ряд,
Наш дворовый бесстрашный ребятишек отряд.

Мой отец в летной форме Черноморского флота,
Нишета и довольство, барчуки и сироты,
Трехколесный – высокая роскошь двора,
Все по роли, как в театре, по ролям игра.

На небе ночь еще лежала,
А на востоке нежный свет,
Едва забрезжив, тускло, вяло,
Как первый марта первоцвет,

Из темноты живых проталин
Пробьет зеленый лепесток,
А после, также утром ранним,
Как солнце расцветет цветок...

Внизу волнуются туманы
И уплывают вдоль реки...
Люблю порою утром рано
Лечиться здесь от злой тоски.

Вдыхать густой настой из листьев,
Трав, остывающей воды
И видеть, как Природа кистью
Леса рисует и сады.

**Алексей
КАМЕНСКИЙ**

Родился в 1952 г.
в Севастополе. Лауреат фестивалей песни. Автор поэтических сборников «Семь струн», «Камни», «Сказано – сделано». Печатался в альманахе «В лучах созвучий» (Севастополь), в журнале «Звезда Востока».

Занавески качнулись на окнах,
Покатилась дорога назад...
Наконец-то решился и смог я –
Потому так волнительно рад,

Что, расставшись с любимым диваном,
Я качу в неизвестность дорог,
Убежав от уютных обманов,
В естество бытия и тревог.

Кто-то скажет мне: Хватит скитаться...
Право выбора будет за мной!
Я люблю расставаться, встречаться,
Возвращаться уставшим домой

С пестрым ворохом песен и фото,
Впечатлений, рассказов, стихов...
Пусть тогда позавидует «кто-то»
Бесшабашной судьбе «дураков».

Непостижимо!..

Непостижимо! Слой за слоем
Рисует вечер свой пейзаж...
Природы дар немногословен,
Безмолвен здесь Художник наш.

Закат взбирается все круче,
Мелькнул вверх последний блик,
И вот мазка прощальный лучик,
Как в глубину упавший крик...

От охры до ультрамарина,
До виноградной сажки в ночь
Тепло в прохладе уходило,
И уплывало в небо прочь.

Вдохнули камни, звери, травы,
Стал мягче запах, цвет и звук,
А ночь спускалась с неба плавно
Из божьих добрых, нежных рук.

Бросил камень над водою,
Чирк по глади – в ряд круги,
Так и годы чередую,
Моей памяти долги.

Стук колес частит устало,
Все без страха – напролом,
В юности всегда все мало,
Места нет в краю родном.

Мы бежим, краев не зная
Нашей Матушки-Земли,
Жадно взглядами хватая
Все, что встретилось вдали.

Там рождались в нас поэты,
Музыканты и творцы,
Открывались все секреты
И сводились все концы.

Время-времечко, куда ты
Так торопишься, спешишь?
Жизнь мелькнула, словно дата,
И растаяла в тиши.

В пульсе нет уже размаха,
Четкости и частоты,
И не бьются под рубахой
Дерзновенные мечты.

Больше взглядами, словами,
И в делах не тот размах,
Село солнце за горами,
Лишь корона в облаках.

Менглибой МУРАДОВ

переводы

МОЯ НЕДЕТСКАЯ ДУША¹

Повесть

ХЛОПОТЫ ДОЖЛИВЫХ ДНЕЙ

Всю зиму валил снег. Весна началась сильными дождями, что принесло новые хлопоты. Оттого что глинобитная крыша нашего дома из-за постоянных снегов прохудилась, когда начались дожди, закапало с потолка. Все постели убрали в один угол, а под течь поставили ведра, касушки и другую посуду. Но капало отовсюду, не успевали выливать, передавая посуду из рук в руки. Вчера вечером немного вздремнули, накрыв сандал несколькими слоями курпачей и укрывшись ими. А сегодня все на свете промокло. Один желоб нашего маленького домика, не выдержав напора дождя, под утро рухнул вместе с куском глины, обнажив каркасное бревно. Теперь дождевой поток, облизывая стену, проникал то с внешней стороны стены, то с внутренней. Все курпачи в доме промокли насквозь. До сей поры никто не припомнит такого сильного дождя.

Сырость, оказывается, хуже зимних холодов. Когда холодно, можно спастись одеялом. Но когда капает с потолка, не знаешь, куда сунуть голову. Особенно измучилась больная мама.

Дождь все усиливался. Мама, еле встав с постели, крепко обвязалась поясом и попросила:

– Сынок, сядь рядом. Молитвы детей Бог слышит. Помолимся вдвоем Аллаху, может, он пожалеет нас, и дождь стихнет. Я сел на коленки рядом с мамой:

– Субхан Олло, уходи вода. Субхан Олло, уходи вода...

Как только мама умоляющим голосом начала повторять эти слова, я присоединился к ней. Немного погодя за нами и сестры стали повторять нашу молитву. Звуки капель в ведрах стали стихать. То ли наша молитва дошла до Бога, то ли дождевым облакам стало совестно, в общем, ближе к полудню дождь стих. Мелко-мелко покрапывая, к вечеру вообще прекратился.

Погода прояснилась, из-за облаков начали пробиваться яркие лучи солнца. На душе стало спокойно. Несмотря на это наш двор превратился в болото, ступишь – по шишолотку окажешься в грязи. В доме было не лучше. Сухого места нет. Паласы, матрацы, одеяла, одежда – все хоть вжимай.

К счастью, в кухне сохранилось немного дров. Сестры, понемножечку подкладывая дровишки в уцак, стали сушить на огне одежду. Отяжелевшие от дождя палас и матрацы повесили на жерди посреди двора.

Гурьбой собравшись вокруг уцака, немножко согрелись, съели лепешку, поделив на четверых. Одежда была полусухая, сами полусытые, а чтобы поспать, не было ни сухого места, ни сухого матраца, ни сухого одеяла. Что же делать? Все простудились, один за другим стали кашлять. В эту ночь было очень тяжело, даже обезьяны заплакали бы, глядя на нас.

Говорят, беда не приходит одна: мамина болезнь дала о себе знать. Обхватив свой живот, вся бледная, мама согнулась вдвое. Мы с Хадича-опой в полночь побегали в больницу за врачом. Хаитгуль-опа осталась с мамой.

Темно. Страшно. Хадича-опа очень умная девчонка, все знает. Какое бы дело ни

¹ Продолжение. Начало в № 2, № 3 2016 г.

начинала – все делает основательно. Сейчас она достала из укромного места железные прутья, короткий дала мне, а длинный взяла себе, и мы отправились в путь.

Ливший два дня дождь совсем расквасил дорогу. По лужам и грязи, скользя и спотыкаясь, мы еле идем. Не одолели и полпути, а ноги уже тяжелые. Отчистив от грязи сапоги железными прутьями, продолжили путь. Когда уже приблизились к больнице, из одного близлежащего дома выскочила огромная, как баран, собака и с рычанием преградила нам путь. Крепко сжав железные прутья, мы с сестрой испуганно остановились.

– Не бойся! – сказала сестра твердым голосом, будь готов, но не беги! Если побегим – укусит. Если приблизится, будем бить.

Уцепившись в железные прутья, не отрывая глаз от рычащего пса, стоим, а пес грозно надвигается на нас. Я задрожал, но быстро взял себя в руки. Хадича-опа своей большой палкой стала бить рычащую собаку по голове. Я тоже начал махать своим железным прутком, собака умолкла, опустила голову, задрожала. Мы не успели отойти в сторонку, как она упала на бок. Хадича-опа взяла меня за руку.

– Испугался? – заботливо спросила она.

– Немножко, – ответил я, представляя огромную собаку. – Может, она сдохла?

– Пусть подышает, – сердито сказала Хадича-опа, – мы же ее не трогали, сама с рычанием набросилась на нас! Вот и получила!..

– Ну вы воин! – сказал я, отдав должное храбрости сестры. – Если бы не вы, то она одного из нас точно загрызла бы.

– А то как же! Хорошо, что ты не испугался.

– Когда вы рядом, я ничего не боюсь!

– Молодец! Настоящий парень должен быть таким.

Пока дошли до больницы, были в грязи с ног до головы. Невысокого роста, худшавый, в очках, средних лет врач, посмотрев на нас, поморщился. Мы поздоровались.

– Мы к вам пришли, ака, – сказала сестра.

– Вижу, – ответил доктор, поглядывая то на наши грязные сапоги, то на одетую по-мужски сестру, то на нашу жалкую одежду. – В полночь, в таком виде, откуда идете?

Когда Хадича-опа объяснила ему все, что произошло, лицо врача оживилось. Он обстоятельно расспросил о состоянии мамы и сказал:

– Если так, то срочно везите мать сюда, мы положим ее в больницу. Я не смогу пойти. У меня две тяжелобольные, а здесь, кроме меня, другого врача нет. Везите ее побыстрее.

Возвратившись и не заходя домой, мы отправились к дяде Хатамбаю. Словом, когда мы с Хадича-опой отвезли маму на арбе дяди Хатамбая в больницу и вернулись домой, уже светало.

УЧАСТЬ

Когда мама слегла, в доме воцарилась нишета. Заработка Хадича-опы ни на что не хватало, поэтому и Хаитгуль-опа стала выходить в поле. Когда потеплело и появилась зеленая трава, дядя Хатам, по просьбе мамы привез нам со скотного базара из Янгикургана стельную полосатую корову, купленную на отложенные деньги.

Мне тоже нашлась работа. Каждое утро вслед за сестрами я выводил эту корову в поле. Она была старенькая, худая, спокойная, кроткая. Пользуясь ее кротостью, я повисал на ее толстых, как мои руки, рогах, а она, поглядывая мне в глаза, никак не реагировала, лишь когда я сильно перестарюсь, махала головой, издавая неопределенные звуки. Что, наверное, означало: «Хватит уже! Перестань!» Тогда я поглаживал ее по шее и морде, а она смирно стояла, закрыв глаза и опустив уши.

Однажды я повел корову на берег арыка, где паслась корова Урингуль-опы. Неподалеку работали сестры и другие женщины и мужчины. Они разравнивали, чистили берег арыка и, устав, присели на свои кетмени отдохнуть, но откуда ни возьмись появился на своем коне злой бригадир с трясушимися от возмущения усами.

– Э, бестолковые бездельники! Вставайте! Что, на поле приходите, чтобы сидеть? – стал орать он.

Мы вздрогнули от испуга. Работники схватили свои кетмени. Привязав лошадь

к тутовнику, сунув руку в карман своих широких брюк-галифе, высокомерно и зло зыркая по сторонам, бригадир направился к нам. Нас разделяло шагов тридцать. Почерневший от злобы бригадир наступал на работающих через силу людей, размахивая руками, с глазами навывкате, громко и грубо начал орать:

– Чем так работать, лучше совсем не работать!.. Что это такое?! Здесь хлопковое поле или место для сушки кишмиша? Эти мешки и носилки принесли для отвода глаз? Ладно женщины, а вы что делаете? Жаббар, Гаппар, Назар, Шоди, Нарбай! У вас есть стыд? Вместо того чтобы быть примером для женщин, вы сидите развалившись! Лодырничать тоже в меру нужно.

Старшим из рабочих было 17-20, а то и 12-16 лет, и никто из них не мог возразить бригадиру. Четверо самых крепких мужчин начали заполнять землей мешки и носилки, за которыми встали в очередь женщины и мужчины. Среди них были и мои сестры. Табильшик Юсуф-ака считал и записывал в тетрадь, сколько мешков и носилок с землей натащали. Но злого бригадира будто муха укусила.

– Разве так работают, разве так таскают землю? Количество есть – качества нет. Если так будете работать, вы не сможете закончить и за неделю то, что можно сделать за один день. Неужели нельзя больше наполнять мешки и носилки, негодники?!!

Те, кто заполнял мешки и носилки, поплевав на ладони, изо всех сил уцепились за свои кетмени. Переполненные мешки и носилки оказались такими тяжелыми, что носильщики, не сделав и двух-трех шагов, валились с ног.

– У вас совесть есть? От такой тяжести совсем загнутся еще не окрепшие парни и слабенькие девушки, бригадир, – сказала Норбиби-опа, держась за пояс. – Что, люди железные, что ли? Лучше понемногу грузить – и не надорвемся, и работа пойдет быстрее. Какой вы бессердечный человек!

Услышав это, бригадир побледнел и начал угрожать:

– Я дурак, что работаю вашим бригадиром. Проклятие отцу того, кто вам делает добро. Я говорю для пользы дела, а вы делаете наоборот. Знайте, трудодни пишутся тому, кто работает, а не тому, кто бездельничает, языком чешет и умничает. Ты же табельщик, – набросился он вдруг на Юсуф-аку, – что стоишь молчишь? Скажи что-нибудь. За работой должен следить ты, а не я. Ты это знаешь?

Юсуф-ака хотел что-то возразить, но бригадир заорал:

– Ты не волнись!!! Знай, табельщик! Если не закончишь эту работу, пеняй на себя. Напишу председателю не один, а десять рапортов на тебя. Потом будешь оправдываться...

Юсуф-ака поник и отвернулся. А злой бригадир, матерясь, вскочил на коня. От ударов плеткой бедная лошадь со слезами в глазах промчалась мимо нас, словно желая опрокинуть своего мучителя.

– Да-а-а, вот такой у нас бригадир, – сказал Юсуф-ака вслед ему, – ему бы лучше не бригадиром, а наездником быть.

– Когда мы уже освободимся от этого бессовестного бригадира?

– Хорошо же работали, откуда он взялся? Лучше бы он здесь не появлялся.

– Совсем потерял меру и совесть этот человек.

– Лучше не беспокой уставшего или голодного, видно, такой поговорки не знает этот негодник.

– Что подлаеешь, это наша участь, наша доля, – подытожила все сказанное Нихолой-опа, с трудом выпрямляя свою больную спину.

Измученные работой люди были глубоко ранены словами бригадира. Даже коро-вы, возвращаясь домой, почему-то возмущенно мычали и притопывали.

ТЕЛЯЧЬИ СЛЕЗЫ

Я не на шутку увлекся чтением и писаниной. Даже когда я шел пасти корову, брал с собой в тряпичной сумке книги и тетради, и, чтобы не сидеть без дела, учился писать буквы.

Сегодня был выходной, поэтому Урингуль-опа из первого класса тоже пасла свою корову. Увидев на моем плече сумку, заметила:

– Ты что взял с собой мешок, как попрошайка?

– Вы что, не можете отличить мешок от сумки? – рассердился я.

– Ну да... Насколько я знаю, сумка бывает кожаная, а не тряпичная. А твоя... – с ехидством ответила она.

– А что моя? Хотите сказать тряпичная? Когда пойду в школу, мама мне тоже купит кожаную. Не задирайте нос, если вы дочь табельщика.

Увидев, что я обиделся, Урингуль-опа опешила:

– Да не обижайся. Я просто сказала. Зачем на это обижаться? Хотела пошутить и только.

Дойдя до пастбища, я отпустил свою корову, сел на землю, открыл книги, тетради и начал заниматься. Урингуль-опа тоже села рядом. Я прижал к груди книги и тетради, отвернулся от нее и опять начал писать. Ей стало совестно.

– Извини меня, я же сказала, что пошутила. Прости меня. Больше не буду тебя обижать. Обещаю. Давай помиримся. Не дуйся.

Мне стало жаль ее, и мы помирились. Она, увидев мои тетради, остолбенела, никак не хотела верить своим глазам, что я так красиво пишу буквы. То сидя на зеленой траве, то лежа ничком, мы соревновались, кто красивее напишет, кто быстрее прочитает, кто лучше сосчитает, и даже забыли, что находимся в поле и пасем корову, не заметили, как наступил полдень. Вдруг слышим:

– Эй, соседи, уже полдень. Не пора ли домой?

Обернулись, стоит Сайфиддин, еле удерживая свою черную корову, смотрит на нас и улыбается.

– Не может быть, Сайфи, уже полдень? – удивился я и стал складывать в сумку тетради и книги.

Урингуль-опа быстро встала с места, оглянулась по сторонам:

– Вай, Менглибай, наших коров нет!

Сердце у меня ушло в пятки. Коров нигде не было видно. Я оторопел:

– Они же здесь были!

Урингуль, плача, кинулась искать. Мне тоже хотелось плакать, но вспомнились мамини слова: «Мальчики должны быть волевыми. Просто так не плачут», и я сдержался. Глядя вокруг, обжег близлежащие арыки, канавы, несколько раз упал. Но коровы как сквозь землю провалились.

– Коровы, наверное, насытились и домой пошли, – предположил Сайфиддин, – не расстраивайся. Пойдем дома посмотрим.

– А вдруг их украли! Тогда что будем делать? – заплакала Урингуль.

– Э-э-э, чтоб ваши слова унесло ветром, опа. Что вы говорите? Не произносите плохого, – сказал я, вспомнив слова Сайфиддина. – Может, корова ушла домой, чтобы покормить своего теленка.

– Наконец-то опомнился, – сказал Сайфиддин, подтверждая мои слова, – а куда же ей идти?

Очень надеясь, что мои слова окажутся правдой, я побежал домой. Урингуль-опа со слезами на глазах побежала следом. Когда, запыхавшись, я прибежал к себе во двор, увидел, что под навесом кротко стоит теленок. Увидев меня, он замычал.

Подойдя к нему, я погладил его по голове. Он лизал мою одежду, пытаясь сосать. Я сжался над ним, дал ему указательный палец, и он стал насасывать. Стало больно. Еле вытащил палец изо рта теленка. Тот печально стал лизать мое лицо. Это до слез растрогало меня.

Сестры, увидев меня, засуетились и засыпали меня вопросами.

– Ты что? Что с тобой?

– Где корова?

– Что ты плачешь? Маме же лучше стало! Или плохие новости услышал?!

– Что, нездоровится? Где у тебя болит?

– Может, опять с кем-нибудь подрался?

Я не знал, что ответить. Ну как я могу сказать, что потерял корову?

– Язык прикусил? Скажи хоть что-нибудь, вместо того чтобы тарашить глаза!

Только я собирался рассказать все, как весь мир заполонил неприятный визг Тенгеуль-янги:

– Да чтоб тебе пусто было! Что ты наделала? Если не можешь пасти корову, зачем ты ее повела в поле, чтоб ты подохла! Что теперь скажем брату? Одна головная боль от тебя, чтоб ты провалилась сквозь землю!

– Не кричите так! Не я же одна потеряла корову. Вот и Менглибой тоже потерял! На него же никто не кричит, не ругают его. Что вы ко мне прицепились из-за своей коровы! Найдется эта безголовая скотина, – слышался голос Урингуль.

У моих сестер рты открылись.

– А я-то думаю, что это ты язык прикусил, вот, оказывается, в чем дело? Где пасли? Или на колхозном хлопковом поле, и их у вас забрали? Или они в канаве утопли? Как мог ты потерять такую смирную, спокойную, высокоудойную корову среди бела дня? Заигрались, небось, и забыли, что коров пасете? Мы-то как-нибудь проживем. А вот этот бедный недельный теленок что будет делать? С голоду помирать, да? Какой же ты растяпа и бестолковый! Что скажет больная мама, когда услышит? Она еще больше разболеется.

Я не знал, что сказать. Молчал, глядя в землю, как глухонемой. Ничего не мог придумать в свое оправдание.

– Хватит, Хаитгуль! Ты уже переборщила, – сказала Хадича-опа. – Неужели из-за коровы надо растерзать единственного братишку? Захотела исчезнуть – исчезла. Не сегодня так завтра найдется. Огромная корова не провалится же сквозь землю, если найденные деньги честно заработаны, обязательно найдется. Куда она денется? Не скотина, а человек дорог! Дай бог здоровья нашему братишке, он еще найдет не одну, не десять, а сто таких коров!

После этих слов на душе у меня стало легче. К этому времени и Тенгеуль-янга примолкла. Все равно на душе было неспокойно. После обеда обе семьи, посоветовавшись, стали расспрашивать всю нашу махаллу. Но коров так и не нашли.

Я раскаивался. Ближе к вечеру, устав, я подошел к теленку, а он, уставившись на дорогу и притоптывая, мычал, будто плакал.

Когда я внимательно всмотрелся в его глаза, увидел, что он действительно плачет. Я так долго вытирал его слезы, что места сухого не осталось на моей потрепанной старенькой тюбетейке. Жалко мне было моего теленка и тоскливо. На глаза тоже навернулись слезы.

Только на следующий день вечером наших коров нашел-таки Юсуф-ака, пусть ему все идет впрок. К этому времени, теленок устал от мычания, изнемог от голода. Наша корова, худая, покачиваясь, прибрела домой.

Потом мы узнали, что наши коровы зашли на хлопковое поле, потравили там хлопчатник. Увидев это, злой бригадир тут же закрыл их в колхозном коровнике.

А Юсуф-ака, заплатив штраф и пообещав, что это больше не повторится, забрал их оттуда.

Увидев корову-мать, теленок, с трудом подняв голову, жалобно замычал. Потом, как младенец, припав на колени, присосался к маминому вымени.

МАЛЬЧИШЕЧЬИ ПЕЧАЛИ

Возвращение выздоровевшей матери всех обрадовало. Мы все сидели за дастарханом, смеясь рассказывали что-то друг другу. Пришли Юсуф-ака и Тенгеуль-янга, потом дядя Хатамбай с Кизан-янгой с гостинцами в руках.

До прихода гостей мы сидели за дырявым, шитым-перешитым дастарханом и ели по полкасы похлебки с одной лепешкой на четверых. Но с приходом гостей мы быстро поверх старых курпачей постелили новые, принесли новые подушки, поменяли дастархан...

Сестры принесли всем по полкасы кукурузной похлебки. За хорошим дастарханом и разговоры были интересными. Говорили в основном мужчины о том, что в семьях, где погибли отцы, и в семьях, где еще ждут, материальное положение очень тяжелое. Юсуф-ака пожаловался на то, что дождливая весна принесла с собой много

хозяйственных проблем. Их жены то внимательно слушали мужчин, то сами о чем-то шептались. Мама постоянно приглашала гостей: «Берите, берите».

Зашла Хадича-опа. Подсев к маме, она что-то шепнула ей на ухо. Заметив это, дядя Хатамбай сказал:

– Ничего готовить не надо, Зайнаб-опа. Всего, что есть за столом, достаточно. Мы пришли только проведать вас, дома мы уже поели. Не надо утруждаться.

– Мы хотели немного вас попотчевать. Вы так долго не приходили к нам, – сказала мама волнуясь.

– Ваше выздоровление, янга, большая радость и для ваших детей, и для нас. Дай бог, будьте всегда здоровы на радость вашим детям и нам.

– Зайнаб-опа, не волнуйтесь, но что-то ваш сын выглядит нездоровым. Или оттого, что вас долго не было, или еще почему-то.

Мама встрепенулась. Внимательно посмотрела на меня. Я отвернулся. Сидящие притихли. Кажется, они тоже рассматривали меня.

– Не сильно заметно, но что-то случилось с моим сыном. Или он в последнее время много думает об отце? Да и аппетит у него пропал. Как пришла из больницы, сидит и целует отцовскую одежду, вытирает ею глаза, нюхает.

Мама расплакалась. Я тоже не сдержался и заплакал. Положил голову на колени мамы и плакал. Гости не рады были, что подняли эту тему, и начали утешать. Особенно неловко чувствовал себя дядя Хатамбай.

– Менглижон, – сказал он спокойным, поучительным голосом, – то, что ты любишь своего отца, – хорошо. Все дети должны любить отцов. Но знай, что твой отец тоже тебя очень любил. Как он радовался, когда ты родился! Знаешь, почему? Потому что рядом с ним появилась опора в твоём лице. Когда отец уходил на войну, он думал: «Когда-нибудь Менглибой станет опорой семье вместо меня». Поэтому ни себя, ни их не мучай, сынок. Будь утешением для сестер и мамы. И еще одну вещь ты должен знать: если ты горюешь один раз, мама – в сто раз больше. За каждую твою слезинку сердце твоей матери болит в тысячу раз больше. Знаешь, чем кончаются переживания? Болезнью. Могут закончиться и хуже...

– Чем закончатся? – спросил я, требуя окончания разговора.

– У матери твоей высокое давление, она может в любой момент упасть, – сказал он.

Я посмотрел на маму. На ее морщинки под глазами, волосы, лицо. Теперь, поняв, что хочет сказать дядя, я встревожился, представив, что может произойти, затаил дыхание, стал заикаться и бросился к маме на грудь:

– Не-ет! Так не будет! Моя мама не умрет! Я этого не позволю! Мама будет жить! Вернется папа! У нас тоже будет все хорошо, как у всех людей! Мы имеем на это право? Или нет? Скажите, дядя, скажите!

Мои слова задело дядю Хатамбая за живое, он тут же вскочил, подбежал ко мне, обнял и начал целовать мое дрожащее лицо. Вытирая слезы тыльной стороной ладони, сказал:

– Так не говори, сынок! И ты, и мама должны долго жить. Я вас очень люблю, поэтому так говорю. Надо жить, и при этом надо жить хорошо. Подумай хорошенько, если придет папа, а мама больная лежит, то папа скажет: «Почему за мамой не смотрели?» Или, наоборот, если ты заболеешь: «Почему не усмотрели за моим сыном?» Подумай об этом. Хорошо подумай.

– Дядя, я постараюсь выполнить ваши наставления. Но я так хочу видеть своего отца! Ни фотография, ни его вещи не заменят мне настоящего папу. Вы не знаете, как я соскучился по нему. Если бы вы только знали... Быстро бы помогли найти моего отца. А вы говорите то так, то эдак. Он придет или остался там? Когда он придет? До каких пор меня будут обзывать сиротой? Я давно хотел сказать вам это. Вы мой самый близкий родственник. Если вы знаете, где мой папа, давайте поедem и заберем его. Что скажете? Поедем? Пожалуйста, милый мой дядя, не говорите «Нет».

Я уже не понимал, что говорю. Губы были солеными от слез. Дядя тоже плакал. Мои слова подействовали не только на дядю, но и на всех сидящих. За дастарханом воцарилась тишина. Ее нарушил только голос дяди:

– Что я буду тебя обманывать. Мы сейчас не можем пойти искать отца. Война не в одном месте, она во многих местах была. На это ни денег, ни времени нет. Если папа здоров – придет сам. Если бы он был болен – написал бы письмо: я здесь, заберите меня! Вот мы с тобой и поехали бы.

– Сынок, ты не убивайся. Слова дяди верны. Надо ждать. У нас нет другого выхода.

– Бедный мальчик... – услышал я тихий шепот.

Я посмотрел в глаза маме. Мама сидела, опустил голову.

– Надо надеяться, сынок. Главное, чтоб не исчезала надежда. Бог даст, все будет хорошо, – сказала она, поглаживая мою голову. А потом тихо добавила: – Никогда не падай духом!

Хатамбай-ака, который начал этот разговор, добавил:

– Хорошие мысли – уже полгосударства...

А мне не нужны были эти пустые разговоры. Мне нужен был мой папа!

СЛУЧАЙ С ЛАГМАНОМ

Сегодня я разговаривал во сне, звал папу, плакал, кричал, стонал. Утром обнаружил, что подушка мокрая. Это обеспокоило маму, и рано утром, даже не позавтракав, она повела меня в кишлак Шуртепа к лекарю-табибу, бабушке Хуршиде. Излучающая свет, величественная бабушка-лекарь проверила мой пульс, потрогала вены и покачала головой. Мама побледнела:

– Опажон, все нормально? Что случилось с сыном? – спросила она взволнованно.

Бабушка спокойно ответила:

– Сглазили! Душа не на месте. Над вашим сыном нужно совершить обряд огня. Лекарство – огонь!

– Хорошо, хорошо. Что вы скажете, то и будем делать, – покорно ответила мама.

Бабушка-табиб была мастером своего дела. Посадив меня на корточки, накинута на голову чапан. Сама тем временем взяла в руки палку с намотанной на нее тканью и подожгла. Потом стала ходить вокруг меня, громко покрикивая: «Огонь, огонь – болезни вон! Огонь, огонь – болезни вон! Куч! Куч! Куч!» Остановилась и, уже стоя на месте, описала круг горящей палкой над моей головой. После этого с силой начала размахивать палкой вокруг себя. Кусочки горящей ткани разлетались по двору.

– Видишь, дочка, – сказала она, обращаясь к маме, – все, что было плохое у сына, разлетается по двору. Бог даст, Зайнаб, сынок твой теперь пойдет на поправку. И повесть на него кузмунчок от глаза.

Вернувшись домой, мама начала лечить меня. Может, у бабушки-табиба рука была легкой, может, лечение мамы помогло, но на следующий день я себя чувствовал намного лучше. И во сне я больше не разговаривал. Но мысли мои всегда были об отце.

Одна сестра была в поле, другая в школе. И бог миловал, сегодня злой бригадир к нам не заходил. Видя мое улучшившееся состояние, мама начала что-то готовить на кухне.

Мне уже порядком надоело бездельничать. Я достал «Алифбе» и начал писать буквы, но и это мне наскучило. Покачиваясь, два-три раза выходил во двор, но начала кружиться голова. С помощью мамы снова лег в постель.

Поев маставы, пришел немного в себя и вышел прибраться у скота. С пригоршней немного испорченного сушеного урюка пришел Сайфиддин. Помыв урюк в касушке с водой, мы с удовольствием погрызли его.

– Надо же было тебе именно сейчас заболеть. Кругом все цветет. Видел бы ты, как все красиво, глаза отдыхают: люди работают на хлопковых полях, дети пасут коров и играют в зув-зув, чиллак, пинают мяч.

Если у Сайфиддина открылся рот, то закроется нескоро. От его рассказов сердце наполнилось непонятной радостью, сразу же захотелось вывести корову на пастбище, но мама не разрешила.

Пока мы сидели, вернулись сестры.

– В общем, так, – сказал Сайфиддин, поздоровавшись с сестрами, – завтра вечером Акбар-ака справляет день рождения.

– Так, так...

– На дне рождения будут близкие друзья, два-три учителя. А из соседей приглашены мы с тобой.

– Что будем делать?

– Надо нести подарок.

– Хорошо. Ты что понесешь?

– Тюбетейку. Мама сошьет тюбетейку.

– Тогда я тоже тюбетейку понесу.

– Интересно... Что будет делать Акбар-ака с двумя тюбетейками?

– Да, ты прав. Тогда что мне понести? А рубашку можно? Что скажешь?

– Почему же нельзя? Можно.

– Тогда я попрошу маму сшить новую рубашку.

Этот разговор я передал маме, она подумала немного и согласилась. Я чувствовал, что маме трудно, рядом стоящий Сайфиддин тоже это почувствовал. Что делаешь, бедность. Но я знал, что мама всегда что-нибудь придумает и без подарка не отпустит в гости.

Сайфи хотел уйти домой, но мама оставила его на обед. За чаем мама сказала:

– Будьте аккуратны за дастарханом, не набрасывайтесь на еду, чтоб потом не было стыдно за вас.

– Как сидеть за одним столом со взрослыми, я знаю, – сказал Сайфиддин и добавил: – Вы, Зайнаб-опа, не волнуйтесь. Обо всем этом я расскажу своему другу.

Сайфиддин ушел домой, а я начал готовиться в гости. Десять раз надел и десять раз снял одежду, в которой собирался пойти. Мама где-то нашла бязевую ткань и начала шить Акбару рубашку. К вечеру рубашка была готова.

Наконец наступил долгожданный момент. Красиво одевшись, взяв завернутую в бумагу рубашку, положив сверху розочку, которую принесла для меня Хайтгуль-опа, я вышел из дома.

Сайфиддин, тоже красиво одевшись, ждал меня у своего дома. Как два жениха, рты до ушей, мы вышли на большую дорогу.

– Ну, – сказал я, посмотрев на Сайфиддина, – а теперь расскажи мне, как надо себя вести в гостях.

– Хорошо, хорошо, – сказал Сайфи, строя из себя всезнайку. – Ты, главное, за столом всегда смотри на меня.

– И что потом?

– Что я буду делать, то и ты повторяй. Что я буду кушать, то и ты кушай. Понял? Но ничего не напутай. Иначе будет стыдно, там же учителя будут.

– Понял, понял.

В комнате мы увидели двух нарядно одетых взрослых людей (наверное, учителя), Акбар-аку, его пятерых-шестерых друзей, сидящих вокруг красивого и изобильного дастархана. Акбар-ака встал, приветствуя нас, принял наши подарки. Мы со всеми поцеловались и сели на свободные места.

Я никого из гостей не знал. Как хозяин, Акбар-ака познакомил нас, близкий друг Акбар-аки Валижон начал вести праздник. Он был большим мастером слова: раз скажет – десять раз смеется. Никто не скучал.

Пришел отец Акбар-аки на костылях. Расспрашивал у всех о здоровье, о домашних. Прочитав молитву, вышел из комнаты.

Чуть погодя сестры именинника принесли лагман в воде. Я, как и договаривались с Сайфиддином, повторял все его действия. Он выпьет чай, я тоже, он съест кишмиш, я тоже ем. Временами он поднимал указательный палец, предупреждая меня об осторожности. Нам было весело и хорошо.

Сайфиддин, подняв касу, немного отпил из нее. Я повторил его действия. Впервые в жизни я ел лагман. Это длинное и тонкое тесто, плавающее в воде. Как его оттуда доставать? Ума не приложу. Сажу, молча наблюдая за Сайфи.

И вдруг Сайфиддин, глотая длинный лагман, чихнул, и я увидел, как в мгновение ока один конец лагмана остался во рту, а второй выскочил из носа Сайфиддина. Это

меня очень напугало, потому что, тренируясь даже тысячу раз, я не смог бы этого повторить. Не справившись с волнением, я обратился к другу:

– Сайфижон, я так не смогу сделать. Все повторю, но это не смогу. Извини меня.

Окружающие, услышав мои слова, посмотрели сначала на меня, а потом на Сайфиждина и, увидев, что с ним происходит, дружно расхохотались.

Позже я узнал, что Сайфи тоже никогда до этого не ел лагман. Поэтому он, не зная, как с ним управиться, втянул это длинное тесто в себя, но прилипшее к горлу мягкое тесто заставило его чихнуть, после чихания один конец лагмана и выскочил через нос.

МОЛИТВА

Не прошло и месяца, как мама снова заболела. Хаитгуль-опа, сдав экзамены, перешла в восьмой класс. И со следующего дня стала выходить вместе со старшей сестрой на прополку хлопчатника, корову тоже брали с собой в поле, а меня оставляли присматривать за больной мамой.

Мама стонала, а после обеда выпила лекарство, откуда-то принесенное Хаитгуль-опой вчера, и уснула.

Я заскучал и вышел во двор, потом зашел домой и, разложив свои тетради и книжки, немного пописал. Потом почистил сарай и вышел на улицу. У двора Юсуф-аки я увидел старуху, которая пыталась поднять два похожих на большие арбузы свертка, и оглядывалась, ища, кто бы ей помог. Я решил помочь бабушке и подошел.

– Здравствуй, сынок, тебя мне сам Бог послал, – сказала она, – свяжи мне эти свертки, чтоб я могла перекинуть их через плечо, милый.

– Вы не утруждайтесь, я помогу вам.

Пока бабушка, опираясь на трость, выпрямляла спину, я быстро взвалил себе на плечи ее груз.

– Ну что, пойдете? Где ваш дом?

– Ой, спасибо, сынок, тысяча благодарностей твоим родителям, воспитавшим такого ребенка! Мой дом недалеко: там, где два старых тутовника.

Ийти в такую жару по пыльной улице было нелегко. Бабушка, видно, как и мы, бедная. Ее калоши были старые, дырявые, спадали с ног. Поэтому она, часто останавливаясь, поправляла их тростью. Чтоб бабушка не чувствовала себя неловко, я старался не обращать на это внимания.

– Что-то кажешься мне знакомым. Чей ты сын? – спросила бабушка.

– Я сын Зайнаб-опы.

– Какой Зайнаб? Мамы Халичи?

– Да, да, ее.

– Тогда мы не чужие. Мы, оказывается, родственники. Как себя чувствует мама?

– Хорошо. Но недавно опять слегла.

– Она, кажется, после проливных дождей лежала в больнице?

– Да.

– А вас как зовут?

– Если скажешь Кундуз-момо, мама меня узнает. Да, еще, сынок, от отца письма приходят?

– А вы знаете моего отца?

– Конечно, знаю. Хорошо знаю твоего отца не только я, все знают. Он до войны работал учителем в школе. Его все уважают. Ты не ответил на мой вопрос. Почему молчишь?

– Нет, не приходят.

– Не переживай. Верь и надейся. Бог даст, или письмо придет, или сам вернется.

– Это точно, бабушка?

– Верь мне.

Так, разговаривая, мы минули два моста, два больших поворота.

Маленький, невзрачный домик с окнами на солнечную сторону отличался от остальных. Подходя к дому, бабушка не по возрасту громко крикнула:

– Ойниса! Ойниса!

Не прошло и секунды, как из дома выбежала маленькая, лет четырех-пяти, девочка.

– Урра! Бабушка пришла!.. – кинулась она к бабушке.

– Кто дома, внученька? – спросила та, обнимая и целуя девочку.

– Мама с братом в поле. Дома я одна, бабушка.

Поговорив с внучкой, бабушка обратилась ко мне:

– Заходи в дом, сынок, чаю попью!

Я сказал, что мне пора возвращаться. В испачканных в пыли и песке калошах бабушка подошла ко мне, раскрыла руки в молитве. Я повторил то же. Прочитав молитву, она обеспокоенно спросила:

– Ты сможешь сам дойти до дома?

– Не беспокойтесь, я найду дорогу!

Развернув один из своих узлов, она достала пригоршню кишмиша и дала мне.

– Не надо, бабушка, – сказал я, отодвигая ее руку.

– Бери, сынок, если не возьмешь, обижусь.

Ойниса, взяв один узел, а другой волоча по земле, пошла в дом, за ней засеменяла бабушка.

А я, гордясь тем, что помог старушке и получил гостинец и молитву, повернул в сторону дома.

ОПЯТЬ ОШИБСЯ...

Я думал, что легко смогу найти дорогу домой, но, дойдя до развилки трех дорог, испугался, не зная, какую дорогу выбрать. Как назло, не у кого спросить. Простояв некоторое время, я выбрал среднюю дорогу.

Вдруг вдалеке я увидел двоих людей, сидящих под ивой и похожих друг на друга. Сердце затрепетало, я ускорил шаг.

Приблизившись к ним, заметил, что одеты они были, как дядя Хатамбай – серый чапан, шапка со звездочкой, кирзовые сапоги. Они о чем-то оживленно разговаривали.

Глядя на них, вспомнил молитву Кундуз-опы о возвращении отца. Вот если бы один из них был мой папа!

Душу охватила радость и, поднимая пыль, я побежал в их сторону. Приблизившись, поздоровался. Один из них вместо приветствия сказал:

– Мы видели войну и трудности. Лишь бы такие ребята, как ты, жили в мире.

Так скучая по папе и видя их безразличие и холод ко мне, сердце стало остывать. Но и тут я не пал духом.

Возможно, они меня не узнали. Присмотревшись, увидел, что один из них очень похож на моего отца. Поэтому, недолго думая, бросился его обнимать, от неожиданности он опешил и тоже обнял меня, поцеловал. Мы долго стояли в обнимку и тихо плакали. Наконец, он, освободившись из объятий, посмотрел мне в глаза и сказал:

– Я так похож на твоего отца, сынок?

– Вы не похожи, вы и есть мой отец! – не отрывая я от него взгляда. – Я теперь вас никуда не отпущу. Почему вы не пришли сразу домой, а ходите здесь?

– Как зовут твоего отца?

– Ахмад-ота!

Другой человек, до сих пор молчавший, заулыбался и сказал:

– В этом кишлаке, оказывается, у тебя есть сын, а ты говорил мне, что не женат.

Человек, похожий на моего отца, достал платочек, вытер глаза, потное лицо и, обратившись к своему другу, ответил:

– Думай, прежде чем говорить. Что мальчик подумает? Это для него не шутка. Он ищет отца, слышишь. Ему нужен отец! – сказал он строго, нахмурил брови. – Так ведь, братишка?

Я, не выдержав обиды, боли и разочарования, горько заплакал. Второй мужчина, глядя меня по голове, сказал:

– Не плачь, не плачь, братишка. Извини меня. Этот человек, оказывается, тезка твоему отцу, поэтому я так пошутил. Не принимай так близко к сердцу!

Похожий же на моего отца вытер мои слезы платочком и сказал:

– Твой отец до войны был, кажется, учителем?

– Да, – ответил я, вытирая лицо полой рубашки, – вы его знали?
– Я его хорошо помню. Ахмад-ака долгое время работал в нашем кишлаке Кескан-тереке. Если не ошибаюсь, маму зовут Зайнаб-опа?
– Вы и маму знаете?
– Они были нашими соседями. Отец еще не вернулся с войны?
«Эх, – подумал я, – зачем терзаете уставшую душу? Неужели, если бы отец вернулся, я бросался бы так к незнакомым людям в военной форме?»

ЧЕСТЬ

Небо покрылось темными облаками, мои штаны и рубашка были в пыли и грязи. Я вспомнил, что оставил дома больную маму, надо было спешить, ведь сестры оставили ее на мое попечение.

Собирался дождь. Я заторопился. Хлынул проливной дождь. Пыль и песок превратились в грязь, чавкающую под ногами. Вся моя одежда вымокла.

Через некоторое время дождь ослаб. Идя вдоль пахса-стены, я увидел высокого парня, когда-то назвавшего меня сиротой. Он выводил на выпас свою корову. Проходя мимо него, я отвернулся, чтоб не встречаться с ним взглядом. Но он окликнул меня:

– Эй, сирота, откуда идешь, словно жаба, выскочившая из грязного болота?

Уже второй раз он оскорбил меня. Рассвирепев, я схватил камень размером с яблоко, сверкающий, омытый дождем, и изо всей силы бросил его в этого парня. Он взвыл. Я попал!

Держась руками за голову, он кричал:

– Эй ты, лягушка! Ты еще меня бьешь? Стой! Куда ты бежишь? Сирота! Я переломаю тебе руки.

Он быстро привязал корову к дереву и тот же камень бросил в мою сторону. Я увернулся и начал убегать. Он за мной, бросая в меня чем попало, но ни разу не попал. Видя, что не попадает, он начал материться и ругаться: «Поймаю – убью!»

Убегая, я наткнулся на Акбар-аку и Сайфиддина. Бежавший за мной парень уже почти догонял меня. Акбар-ака с Сайфи тоже побежали ко мне, оставив своих коров в поле. Парень продолжал грубо ругаться, Акбар-ака пытался остановить его: «Эй, Юлдашбой, что ты говоришь?»

Юлдашбой, догнав, бросился на меня. Акбар-ака вступился.

– Он разбил мне голову! Вы не его, а меня защишайте, ака! Еще увидите, я все отцу расскажу! – вопил Юлдашбой.

– Ты успокойся. Ну и что, что ты сын бригадира. Значит, что-то обидное сказал этому мальчику. Просто так он не будет бросаться камнями. Много не прыгай, как лягушка.

– Я ему ничего не сделал. Это он меня обозвал сиротой. Сколько я должен терпеть его оскорбления, сами скажите, Акбар-ака? И кто он такой, чтоб убивать меня?

Услышав это, Акбар-ака сжал кулаки, подозвал Юлдашбоя к себе, осмотрел его голову и сказал:

– Ничего же нет. Только маленькая царапина. А теперь скажи мне, Юлдашбой, почему ты оскорбляешь этого мальчика?

– ...

– Говори, негодяй?

– Я пошутил.

– Это не шутки! Или отец тебя научил?

– ...

– Что ты за подлый человек!

– Акбар-ака, – сказал Сайфиддин, – он и меня обзывает сиротой.

– Понятно, – Акбар схватил за шкуру Юлдашбоя. – Если ты еще раз будешь обзывать этих двух ребят, пеняй на себя.

Юлдашбой стоял, шмыгая носом, потом выдернул руку и побежал прочь.

Когда я наконец возвратился домой, помылся, переоделся и зашел к маме, она, увидев меня, заплакала. Я молча прильнул к ней и уснул.

УНЫНИЕ

– А теперь вставай, перекуси что-нибудь и запаси воды для дома, пока не пришли сестры, – сказала мама, выслушав рассказ о моих приключениях.

Жуя хлеб с луком, я стал набирать воду из хауза дедушки Казымбека. Скоро вернулись сестры: одна вела корову, другая несла траву. Кажется, они слышали уже о моих приключениях.

– Вот так ты любишь свою маму? Разве можно быть таким жестоким и непослушным?

– Мы сами за коровой смотрели, чтоб ты за мамой ухаживал. А ты?!

Я, слушая их обвинения, разозлился:

– Вы только и знаете меня обвинять! Я вам и лентяй, и жестокий человек, и дурак. А вы не можете просто спросить у меня, в чем дело? Я ведь не идиот, чтобы уйти без причины.

Сестры не ожидали от меня такого. Подошли и стали меня внимательно рассматривать.

– Вы знаете Кундуз-момо? – спросил я. Они кивнули. Я продолжил: – Разве моя помощь старой бабушке грех?

Хаитгуль-опа, по-моему, меня не поняла, так как сразу перебила:

– У этой бабушки куча детей и внуков, тебе что до нее? Она где живет, ты где?

– Не перебивай меня и слушай. Я все по порядку расскажу, – и я все рассказал.

– И на это у тебя ушло столько времени? Когда была гроза, где ты был? – спросила Хаитгуль-опа, не доверяя моему рассказу.

Я хотел ответить ей, но, вспомнив, как я разговаривал с похожим на папу человеком, заплакал.

– Э, что с тобой, братишка? Где у тебя болит? – кинулись ко мне сестры с утешениями.

Я продолжал плакать:

– По дороге я встретил двоих мужчин в военной форме. Один из них был очень похож на папу на фотографии. И я, подумав, что это и есть мой папа, бросился к нему на шею. Оказалось, что это чужой человек, но имя у него как у нашего папы. А теперь представьте, каково мне! Вы все ругаете меня, вам ни до чего дела нет. Оставьте меня в покое. Когда придет папа, тогда посмотрите! Я все расскажу!

Сестры в недоумении молча смотрели на меня.

СТРАШНОЕ СОБЫТИЕ

Зря я, кажется, рассказал маме про то, как я бросил камень в голову сына бригадира Юлдашбоя. Она сильно переживает, сестры тоже беспокоятся. Я боялся, что бригадир с сыном придет к нам домой. От этого бригадира всего можно ожидать.

Хаитгуль-опа, видимо, поняла мое состояние:

– Ты не бойся, если они придут, мы тоже им покажем. Но ты зря его ударил камнем. Теперь и сам держись.

– Да я и не боюсь сильно. Ведь это он меня обозвал сиротой. Ну я и не выдержал. Если меня оскорбляют, не буду же я терпеть. Главное, чтоб вам от них не попало.

– Подожди-ка, – сказала Хаитгуль-опа внезапно, – я слышу топот лошадиных копыт. Кажется, этот проклятый бригадир едет.

Сердце заколотилось, я вскочил с места, пытаясь вытереть тыльной стороной ладони нахлынувшие слезы.

– Зайди в дом, – сказала Хадича-опа, разбирая хворост, который вчера принес дядя Хатам. – Этот бессовестный бригадир не посмотрит, что ты маленький.

Сестра, подбежав ко мне, хотела затащить меня в дом, но над нами, как коршун с красными бешеными глазами, возник бригадир. Как он смог так быстро въехать во двор?

Он спустил с коня своего сына и свирепо посмотрел на меня.

– Этот сирота разбил тебе голову? – спросил он у высокомерно глядящего на меня Юлдашбоя.

– Да! – ответил тот, готовый накинуться на меня.

Сестры обняли меня, готовые защитить.

– Хватит защищать этого труса, пусть отвечает сам за свои поступки, – сказал бригадир, награвив нас волчьим взглядом.

Этого я уже не мог стерпеть. Оттолкнул сестер в стороны и вышел вперед. Увидевший это бригадир расхохотался.

– Ты зачем моему сыну голову разбил, шенок? – спросил он, успокоившись.

Слово «шенок» задело меня не на шутку. Но я промолчал.

– Вы сами научите этого молокососа, как себя вести, или мне этим заняться?

– Он еще очень мал. Простите его. Но ведь и ваш сын оскорбил Менглибая. Он гордый мальчик, а ваш сын задел его честь.

– Гордый, говоришь, честь у него есть. Разве это может быть у этого молокососа? Хватит говорить мне тут всякие глупости. И что же такого сказал мой сын?

Я хотел ответить, но Хадича-опа строго посмотрела на меня и ответила бригадиру:

– Плохое слово сказал.

– И какое же? – сверкнул глазами бригадир.

– Ваш сын назвал Менглибая сиротой. Разве это хорошее слово, бригадир-бобо?

– Сироту и называют сиротой, как иначе? – без колебаний сказал бригадир.

– Я не сирота! – закричал, не выдержав, я. – Пусть сам будет сиротой тот, кто назвал меня сиротой! Мой отец жив! Вот он вернется, и тогда посмотрите. Я все ему расскажу.

Бригадир опять расхохотался.

– Все живые вернулись. Кто до сих пор не пришел – уже не придет. Знай это, пострел, – потом обратился к сыну: – Что стоишь, не хочешь отомстить за разбитую голову? Чем ходить плакать из-за этого лягушонка, лучше б ты умер.

Юлдаш словно ждал этого – подскочил и дважды ударил меня по лицу. Я упал. Сестры испугались. Хадича-опа помогла мне подняться, а Хаитгуль-опа схватила Юлдашбоя за шкуру и ударила по лицу. Увидевший это бригадир подъехал к ней и ударил плеткой по спине.

Вышедшая на шум мама, по всей видимости, не видела, как бригадир ударил Хаитгуль-опу по спине и обратилась к нему:

– Так не говорите, бригадир-бобо. Имейте совесть. Вы взрослый человек. Не будьте жестоким. Не настраивайте детей друг против друга. Последствия могут быть плачевными. Неужели вы сравниваете себя с нами – слабыми бедняками?

И, не успев зацепиться руками за Хадича-опу, мама упала на землю и стала бить об нее руками и проклинать бригадира:

– Будь в пять раз больше бригад хуже нас! Пусть вас Бог накажет! Будь ты проклят! Желаю вам такой же бедности! Чтоб ты ослеп за слезы моих детей! – и бессильно уронила голову на землю.

Бригадир быстро подхватил сына и, как победитель, высокомерно посмотрев на нас, прищипорил коня.

Я не мог перенести того, что случилось сейчас. Сестры тоже были вне себя. Немного придя в себя, мы повели маму в дом, дали ей лекарство, помассировали руки, плечи, ноги.

Она лежала в постели и тихо плакала, рядом суетились дочери, потом зашла Тенгекуль-опа.

– У вас все нормально? Что это к вам бригадир приезжал? – спросила она.

Хадича-опа в слезах все рассказала. Тенгекуль-опа очень расстроилась, потом начала утешать и успокаивать нас.

«Если бы у меня был отец, разве этот бригадир посмел бы так со мной разговаривать? Нет! Эх, папа, папочка! Почему вы не возвращаетесь? Почему не накажете тех, кто называет нас сиротами и шенками? Кто защитит нас от бешеных собак?»

Думая об этом, я незаметно уснул.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Незаметно прошло пять лет. За это время мама раз сто, а может, и больше, болела и столько же выздоравливала. Дай бог, чтобы всегда все хорошо кончалось.

Мне очень помогло то, что еще до школы я научился читать и писать. С каждым годом мои знания крепили. Вот я уже учусь в шестом классе.

За это время Хадича-опа вышла замуж за Тохир-аку, Хаитгуль-опу выдали за Умурзок-аку. Я стал дядей детям Хадича-опы – Намозу и Момогуль – и детям Хаитгуль-опы – Бобоназару и Алланазару. Жизнь стала налаживаться.

Но к Хадича-опе пришла беда. Работавший в школе-интернате замдиректора по хозяйственной части зять Тохир погиб, попав на мотоцикле в аварию. Хороший был парень: один раз говорит, десять раз смеется. Сестра осталась вдовой с двумя детьми – сыну четыре, дочке годик.

Судьбе ничем не возразишь, оказывается. Жаль мне Хадича-опу, которая в детстве даже в школу не ходила из-за нас, все работала. Только зажила в достатке и осталась вдовой. Теперь Намозу и Момогуль будет очень трудно с клеймом «сирота». Но что поделаешь? Что мы можем сделать? Как говорит мама, небо – далеко, земля – твердая.

Я не могу найти успокаивающих слов для Хадича-опы, которая всегда успокаивала меня, когда я плакал, и радовалась, когда смеялся.

Но жизнь не останавливается. Хорошо ли, плохо ли – жизнь идет. В огромном дворе мы живем вдвоем с мамой. Один день сытые, другой – голодные. То плачем, то смеемся, самое главное, духом не падаем. Живем мечтами о том, что вернется наш папа живой и здоровый. Никому не жалуемся.

Мама часто повторяет: «Воздержанность сытым делает». За каждый прошедший день Создателю говорим спасибо. А дальше что будет, только сам Бог знает.

МЕЧТА НЕСГИБАЕМА

Вчера маме стало опять плохо. За один день глаза ввалились.

– Внутри все горит, сынок! – сказала она, покашливая и кряхтя.

– Отвезти к врачу?

– Пройдет, не беспокойся, сынок! – сказала она, покачав головой.

Сегодня ночью тоже спала беспокойно: покашливала, стонала, потом выпила лекарство.

Я тоже не мог уснуть. Как назло, ближе к утру кончился керосин и лампа потухла.

Мама, жалея меня, успокаивала:

– Ложись, сынок, спи! Мне стало лучше.

Наступило утро, пока ставил на очаг кумган. Мама заснула.

На душе стало спокойнее, и я вышел во двор. Накопилось много дел: мама больная, сестры замужем – все на мне. Вот бы был рядом папа и подсказывал: «Сынок, делай то, сынок, делай это!» Мечты о папе хороши, но несбыточны. Он не возвращается, я очень тревожусь, боюсь своих мыслей.

С младенчества привык трудиться. Могу-не могу – все равно берусь: посуду мою, стираю, за коровой смотрю, хожу на базар, за мамой ухаживаю.

У сестер свои заботы. Хадича-опа в трауре. Еще сорок дней не прошло после смерти зятя Тохира. Дома хлопот полно.

А Хаитгуль-опа живет в ауле Мамикчи, за три-четыре кишлака отсюда. Дороги до них ужасные, кривые, косые, в колдобинах, зимой грязь и слякоть, летом пыль и песок.

За час управился с работой во дворе и на кухне. Когда вошел в дом, мама уже проснулась и сразу спросила:

– Что с коровой, сынок? Кого-нибудь позвал подоить ее?

– Сам подоил! – ответил я

– Да ладно, и вправду сам? – не поверила мама.

– Тенгегуль-янга вчера ночью куда-то ушла, до сих пор не вернулась. Кизан-янгу не хотел беспокоить. Сам подоил.

– Как же ты?

– Как вы. Сначала корова не подпускала, но я не сдавался. Надел красное ситцевое платье Хаитгуль-опы, завязал ее зеленый платок, теленочку дал пососать молока, потом привязал его рядышком, как вы это делаете, сел, она на меня поглядывает и облизирует своего теленочка. Вот и надоил с полведра молока, – сказал я гордо.

– Молодец, сынок! – улыбнулась мама.

Завтрак тоже приготовил сам. Мама накрошила лепешки в пиалу с кипяченым молоком и позавтракала. Поддерживая, вывел ее во двор.

Мама еле ходила и захотела лечь отдохнуть. Ложась в постель, наказала:

– Обо мне не беспокойся, мне немного лучше. Смотри за скотиной, сынок. Чтоб не была голодной.

Пока неподалеку от дома накопил мешок травы и вернулся домой, приехали родственники. Журакул зашел в кухню. Увидев его, сбросил с себя мешок с травой и, радостно обнявшись с ним, поздоровался.

– С кем вы приехали?

– Папа, мама и брат – все приехали. Они с тетей, а я пришел чай вскипятить. Ты сам где ходишь? К нам не приходишь.

– Хотел бы пойти, но скотина дома. Тут еще и мама захворала, слегла, работа на поле.

– В поле чем занимаешься? Окучиваешь?

– Новый бригадир дал нам с Сайфиддином одну спокойную лошадь на двоих. Делаем культивацию хлопчатника. Поводок коня у меня. Культиватор у Сайфиддина. Иногда меняю места. Новый бригадир у нас хороший. Вчера пришел проведать маму: «Не обижайся, сынок! Пока мама не выздоровеет, не выходи на работу, ухаживай за ней. Если что понадобится, скажи. Поможем!» – поддержал он меня.

– А тот, злой, бригадир куда ушел?

– Стал мудиром¹ на какой-то ферме в степях.

– Переехал?

– Наверное...

– Наконец-то избавились.

Нашу беседу прервал стук в окно.

– Что там с чаем? – в окна, улыбаясь, смотрел дядя Хатам.

Я зашел поздороваться с гостями. Дядя Журакул поторопился в кухню заваривать чай. Подложив дровишек в очаг, я присел слушать разговоры.

– Зайнабжон, тебе снится твой сын, покойный Абдужалил?

– Да, – сказала мама чуть не плача. – Как будто я лежу больная, как сейчас. В доме, кроме меня, никого нет. Менглибай тоже в поле. Вдруг с грохотом открывается дверь и появляется Абдужалил и здоровается со мной. Обрадовалась: «Где ходишь, сынок?» – спрашиваю, а он нахмурился, с озабоченным лицом мне говорит: «Часто болеете, вставайте, я вас с собой заберу. Сам буду вас лечить». А я будто говорю: «Дома братишка один останется, испугается же». «Не беспокойтесь, он уже не маленький. Тринадцатилетний мальчик уже ничего не боится. Проживет как-нибудь. Если сильно боитесь, и его заберем. Нам будет помогать, мама!» И как бы за одну руку тянет, а за другую прискакавший на коне с поля Менглибай тянет со словами: «Нет. Брат, не забирайте маму. Как я буду жить без мамы?!» А я будто плачу: «Оставьте меня в покое! Я не больна. Просто лежу, отдыхаю». Проснулась в холодном поту.

– Не плохой сон видела. Не бойся. Раз плакали все – это к хорошему. Кто плачет во сне, обязательно порадуется.

Услышав их разговоры, я только сейчас будто понял вчерашнее состояние мамы, когда она целый день пила холодную воду, приговаривая: «Внутри у меня все горит!»

– Знаешь, племянник, – обратился ко мне дядя Хатам, – твой покойный брат Абдужалил был прекрасным богатырем, как Алпамыш, и умным парнем.

В это время, стуча в дверь своим посохом, зашла Улугуй-момо. Ее я очень люблю, у нее хороший сын, мясник Шомурод. Они щедрые и добрые.

У Улугуй-момо есть хорошая привычка: никогда не идет в дом, где есть ребенок, с пустыми руками. В грязных карманах обязательно найдется или лепешка, или кишмиш, или кусок сахара, или парварда, или курут – в общем, что-нибудь точно найдется.

Мы, дети, тоже к этому привыкли. Как только момо сунет руку в карман, я, облизываясь, не отрываю глаз от ее рук. Момо, не заставляя меня ждать, что-нибудь да даст мне, даже грязное. Помою в воде и съем.

¹ Мудир – заведующий.

Иногда у момо в кармане оказывается думгаза¹. А из жирной соленой думгазы можно сварить вкусную шурпу.

Улугой-момо поздоровалась со всеми и нам с Журакулом дала из своего кармана грязный курут, мы сполоснули в пиале чая и положили в рот. Момо, не изменяя своим привычкам, сказала:

– Приятного аппетита!

Как только она присоединилась ко всем, Норхол-момо обратилась к моей маме:

– Вкусная вода выходит из-под камня, а хорошая мысль – от молодого. Абдужалил был на зависть умный мальчик и на все руки мастер. Играл на всех музыкальных инструментах. Царство ему небесное, особенно душевно играл на нае. Абдужалил был как огонь, хоть и молодой. Коротким оказался его век. Если бы он был жив, у него сейчас было бы много детей, а у тебя внуков, и пила бы ты чай с рук невестки. Но что поделаешь! Смерть неизбежна. Теперь пусть будет жив-здоров твой Менглижон. Дай бог ему долгой жизни и счастья.

– Перестань плакать! – сказал дядя Ахмад.

– Камень тяжел на том месте, куда он падает, Зайнаб, – сказала Улугой-момо с горечью. – Абдужалила сглазили. Последнее время он был у всех на устах: Абдужалил то делает, Абдужалил это делает!

– Правильно говорите, опа! – сказал дядя Ахмад, вытирая слезы платочком. – Абдужалила плохие люди сглазили. Ведь все же нормально было.

– Болезнь – гость, тело – крепость. Сильно не страдай, возьми себя в руки. Человека горе изводит, а железо – влага, – сказала Улугой-момо, успокаивая маму. – Кто ушел в мир иной – не вернется. Вот двух дочерей замуж отдала, свадьбы сыграла. Нескольким внукам стала бабушкой. Вон и младший сын стал тебе помощником. Жив-здоров будет, и он скоро вырастет, женится, дети будут. Что в этой жизни ты видела? Хорошие дни у тебя еще впереди. Ты об этом думай. К этому стремись. К этому двигайся.

– Спасибо на этом. Я сама того же желаю, чтоб этот сынок мои мечты воплотил в жизнь, сам меня похоронил.

У нас дома давно не было таких умных бесед. Ближе к вечеру, когда гости засобирались, не встававшая с постели со вчерашнего дня мама встала в хорошем настроении, проводила гостей до дороги.

Приезд гостей оказался к добру. Змеиный яд змея забирает, человеческое тепло человек забирает, говорят. Когда ушли гости, мама собрала постель и приступила к домашним делам.

Вот приехал бы и мой папочка, было бы так здорово! Поясница согнется, а мечта нестигаема, так говорят.

РАЗБИТЫЕ СЕРДЦА

Хорошо, когда человек хороший. Одинаково хорошо обращающийся и с младшими, и со старшими, наш новый бригадир Козимбек-бобо к середине августа освободил нас с Сайфиддином от культивации хлопчатника.

– Это вам премия за хорошую работу, – сказал он, похлопывая нас по плечу.

А по-моему, он решил так: «Скоро школа, пусть отдохнут, подготовятся». Это для нас было кстати. Вечером сдали коня, а возвращаясь с работы, Сайфиддин удивил меня:

– Привыкли работать в поле. Чем теперь будем заниматься?

– Что это за разговоры? – сказал я раздраженно. – Работа как муравьи: куда ни ступишь ногой – они везде. А ты: «Что будем делать?» Пасти скот, в огороде работать, из степи полынть будем привозить и продавать, книги читать, стихи писать, а еще...

– Послушай, постой, – сказал Сайфиддин, остановившись, – стихи писать, говоришь?

– Ну конечно! Знаешь, стихи похожи на молитву. Когда пишешь, на душе спокойно становится. Тоска исчезает.

– Случайно не хочешь ли ты стать поэтом?

– Я что, если и хочу! Поэты такие же люди, как и мы. С детства, как и мы, наверное, упражнялись в писании стихов. Если честно, в последнее время так и хочется написать стихи о папе. В стихах хочу рассказать о своей мечте, о своих переживаниях.

¹ Думгаза – крестцовая кость.

Напишу стих и развею тоску. А то сердце жмет, грудь переполнена, сам не свой. Не могу не писать, друг. Такая неизлечимая болезнь, такая нескончаемая боль у меня.

– Ну ты даешь! Вот бы мне такую болезнь! Почитай что-нибудь из написанного!

– Могу почитать, но не будешь ли смеяться, если где-то не так получилось? Я пока только пробую.

– Зачем смеяться? Я тоже люблю стихи. Но не пишу. Не томи уже, почитай.

– Ладно! Слушай, – сказал я и начал с трепетом читать одно из стихотворений об отце:

Отец! Почему не возвращаетесь?

В каком состоянии, где лежите?

Живы ли, здоровы ли, отец?

Или на поле боя остались Вы, отец?

Есть ли у Вас хлеба поесть?

Есть ли в теле Вашем жизнь?

Весь израненный не лежите ли?

Писал я Вам письма, получали ли?

Может, лежите Вы неподвижно?

Может, Вы там, откуда не возвращаются?

Расскажите, что за боль в душе, родной мой отец?

Вернитесь же поскорее домой, ох, родной отец.

От тоски по Вам в глазах моих слезы.

Свидетели тому – луна, солнце и звезды.

Когда я взглянул на грустного Сайфидина, в глазах его блеснули слезы.

– Я тебе завидую, – сказал мой друг, – у тебя есть цель, мечта. Живешь с надеждой на возвращение отца. Обязательно папа когда-нибудь придет! А стихи у тебя хорошие. Неужели сам написал? За душу берут.

– Так-то оно так, но я тревожусь, почему же папа до сих пор не едет. Как можно понять то, что до сих пор не было ни письма, ни весточки от отца? Ум за разум заходит. Я об этом тоже написал. Послушаешь?

– Читай, читай! Конечно, послушаю!

Сколько бы я ни думал, до конца не дойду.

Душевную рану мою никак не излечу.

Сердце в крови, душа пустая, я сам удивлен.

Горе мое – открытая рана! Пережить его несен.

– Э-э-э, друг! В моем сердце, оказывается, многое накопилось! – глубоко вздохнул Сайфидин, – ты будто обо мне написал. Когда вспоминаю об отце, испытываю такое же горе. Что будем делать, друг? Доля наша такая. Особенно моя. Тебе не стоит горевать, плакать, потому что на твоего отца похоронки не было. И пусть не будет! Ты радуйся этому.

Мне стало жаль Сайфидина, я обнял его.

– Когда придет мой папа, увидишь, он широкой души человек, хороший, понимающий. Он нам обоим станет отцом!

– Вот если бы так! – смахивая слезы, сказал Сайфидин. – Хорошо было бы! Нам обоим было бы весело. Уменьшилось бы количество сирот в этом мире, друг мой!

– А как же, лишь бы папа приехал быстрее. Еще, Сайфи, у меня, оказывается, был отличный старший брат Абдужалил. Об этом я недавно узнал...

– Был отличным парнем и умер таким молодым, – посочувствовал Сайфи.

– Да-а, не говори, друг. Мама неспроста поседела, неспроста часто болеет.

Разговаривая, дошли до дома Сайфидина.

– Об остальном завтра поговорим, – сказал я со вздохом.

– Ну что, пришли, голубчики? – устало сказала мама Сайфидина.

Моя мама вела на привязи корову. Побежал к ней, взял из ее рук веревку и сам повел корову. В наступающей темноте мое сердце, наполненное светлыми мечтами, вновь погрузилось во мрак страданий.

НЕНАСЫТНЫЕ ГОСТИ

Хуже нет, когда не идет человек, которого долго ждешь! Сколько знаю себя, столько ложит меня одно – жду отца. С нетерпением жду. Каждое утро просыпаюсь с надеждой. Руки работают, глаза на дороге. Мне кажется, кто-то бежит в нашу сторону со словами: «Твой папа вернулся», и просит сунучи за благую весть. Но нет вестей от отца. Ближе к вечеру сердце мое опять наполняется сожалением и грустью. До полуночи не могу заснуть, мои надежды разбиваются вдребезги, не могу найти себе места, сердце сжимают тиски.

Ни разу не видел отца живым, но скучаю. Не знаю, кому рассказать о своем горе. Нет того, кто сможет пролить бальзам на душу.

Что могла моя слабенькая и беспомощная мать, кроме как плакать и подбадривать меня? К тому же как я могу все рассказывать ей, она тоже страдает.

После долгих раздумий, я пришел к выводу: мысли, тоска, досада, горе, муки, стоны, уныние, вопли, мечты, надежды – все своей дорогой. Живой человек должен жить: учиться, работать неустанно двигаться, бороться, идти вперед.

В последнее время мама часто болеет, забот стало больше, сестры, хоть и живут отдельно, по-родственному помогают. Но хозяйство, как пещера, никак не наполнится. Всегда чего-то недостает. Несмотря на это мы очень гостеприимны, к нам приходят дальние и близкие родственники, соседи, мамыны подруги детства, особенно когда мама лежит больная. Лучшее место в доме, лучшая еда – для них. Мама говорит: «Гость – дар божий».

Гости тоже разные бывают: некоторые, справившись о здоровье матери, к еде не притрагиваются, другие, развалившись на подушках, сидят, едят, устаю чай заваривать. Удивляюсь, у них что, нет дел ни в поле, ни дома?

Некоторые гости, будто заботясь о матери, позовут меня и говорят:

– Сынок, болезнь твоей мамы от недоедания, ей нужно калорийное питание, ну, что у вас есть? Мясо, рис, лук, морковь, масло, в общем, что есть – неси. Приготовим вкусный плов, бешбармак, манты или пельмени, ну, что-нибудь приготовим. И будет лекарство для больной мамы.

Особенно мамыны подруги Халима и Салима, которые торгуют в райцентре молоком... Эти тетеньки такие разговорчивые, такие кулинарки, слов нет. Если раз в неделю они не придут – удивительно, оказывается, очень скучают; пока не приготовят и не съедят у нас бешбармак, не уходят. Вот это интересно!

Вчера тоже из баранины, которой нам должно было хватить на месяц, они приготовили жирный бешбармак. Все было в жиру: и казан, и шумовка с половником, все пальцы тетенок. Пока мы с мамой съели по маленькой тарелке, они вдвоем опустошили огромный, на четверых, ляган бешбармака, еще и обливали этот ляган, приятного аппетита им, конечно, но... У мамы аж брови приподнялись от этого.

Видя, как они едят, я остолбенел. «Ничего себе, ну и обжоры эти женщины-богатыри!» – подумал я. Но это были цветочки... Чуть погодя, они по две касушки горячего жирного бульона слопали за милую душу. Боюсь, как бы бы животы у них не полопались... Где там!.. Ничего не случилось.

Потом целый чайник зеленого чая с сахаром выпили, вытирая катившийся со лба пот то рукавами, то подолом платья. Долго сидели, смеялись, напились, наелись, почитав молитву на дастархан, засобирались. Вот уж я обрадовался!

– Видишь, сынок, – сказала тетя Салима, показывая глазами на маму, – твоя мама выздоровела. Скоро встанет на ноги, запасайся жирным мясом, через четыре-пять дней придем, приготовим еще такое вкусное блюдо и порадуем вас.

Когда гости, наевшись, напившись, радостно уходят, мы неделю, дней десять, а то и месяц сидим полуголодными.

– Главное, гости ушли радостные, сынок! А там видно будет! – говорит при этом мама, улыбаясь. – Если рука и сломается, все равно остается внутри рукава. Человек должен привыкать и к достатку, и к нехватке. Жизнь не всегда одинакова. И сытые дни бывают, и голодные. Не забудь этого, сынок! Блюдо, которое сильно захотелось съесть, не сегодня так завтра будешь есть!

Мамины слова правильны. Потому что мама не будет говорить то, чего не знает.

РАЗГОВОРЫ НА СКОТНОМ БАЗАРЕ

То ли легкая была нога у теток, то ли действительно калорийная еда принесла пользу, а может, это проявление милости божьей, но мама встала и больше не болела.

Постепенно привыкла к работе, сама доила корову. Я благодарил Аллаха за милость. Я рассказал маме о своем плане. Мама призадумалась:

– План у тебя неплохой, – сказала она, немного волнуясь, – продать большого теленка и купить осла. Но трудно собирать и продавать полыны! Ее нужно нарубить, связать, на ишака взвалить, продать... Ты этим делом не занимался. Справишься ли?

– За дровами ходят такие же ребята, как я. У них и научусь. Столько времени на пастбище обхаживал коня, неужели с ослом не справлюсь, – сказал я маме и, чтобы убедить ее, держался мужественно и смело. – Вы бы мне купили одного спокойного ишака и 15 метров аркана. А там я справлюсь. Кое-какие принадлежности мне сделает Акбар-ака, и кетмень я наточу остро. Каждый день продавать одну связку и получать за это три рубля – разве плохо?

У мамы выступили слезы радости. В горле застрял какой-то комок. Успокоившись, она сказала:

– Да сбудутся твои слова, мой ненаглядный. Но...

– Не верите в мои возможности?

– Почему же не верю? Верю. Но для такой тяжелой работы не молод ли ты?

– Мама, мне уже тринадцать лет. Вы не беспокойтесь, я ведь не один буду, с друзьями: Акбар-акой и Сайфиддином, – сказал я, прибавив себе один год.

Молча слушавшая мама, услышав имя Акбар-аки, встрепетнулась.

– Ну, если так, то можно. Когда базар?

– Послезавтра, – сказал я.

– Тогда отведи большого теленка дяде Хатаму, пусть продаст его и купит тебе ишака.

– Можно и я схожу на этот базар? Сам выберу спокойного ишака. Покатаюсь, опробую. Научусь торговаться. Все-таки опыт.

Мама ответила:

– Ты прав, сходи, но обещай, что будешь осторожен.

Пообещав маме, на следующий день я отвел теленка к дяде. С ним же решили, что пойдем к четырем утра, так как до базара 15 километра. Чуть свет дядя Хатам и я, погоняя теленка, тронулись в путь. Это был мой первый поход на скотный базар. К четырем часам пришли в Янгикурган на базар. Народу тьма. Вокруг темень. Шум, гомон. Каждый занят собой. Крики людей, мычание коров, блеяние баранов... Не протолкнешься.

Пока заняли место в ряду крупного рогатого скота, мои галоши были «замаслены» всякой жидкостью. Я думал, что такие ноги только у меня, но нет, так было у всех, у кого калоши. Когда стало посветлее, прошли в ряд, где продают ишаков, стоя в стороне, начали их рассматривать. Это был интересный базар: животные не понимают, зачем их привели, а хозяева, назвав цену, во всю их расхваливают.

Я обратил внимание на женщину, похожую на мою маму. Она стояла в сторонке и рассказывала о своем осле:

– Осел у меня хороший, но есть два недостатка: он кусает всех, кто подходит спереди, и лягает тех, кто подходит сзади.

Дядя подошел поближе к женщине.

– Ваш ишак действительно такой? – спросил он.

– Я не хотела бы продавать этого ишака, но нужда заставляет. Муж погиб на войне. А семье нужны деньги. Детям скоро в школу, а они плохо одеты. Продам ишака – будут деньги.

Не знаю, как дяде, но мне стало жалко ее.

– Будем брать!

– Не хочешь опробовать его? – спросил дядя.

– Отойдем в сторонку, там и опробует, – предложила женщина.

Мне понравился спокойный, сильный, хорошо идущий, мускулистый, настоящий иноходец.

Мы купили этого осла, 15 метров аркана. Сев на ишака и выехав на большую дорогу, дядя сказал:

– Ах, как хорошо идет! Ты доволен покупкой? Помогли вдове! Я даже не торговался.

– Правильно сделали, – сказал я, наслаждаясь ездой.

ЧУДЕСНОЕ СОБЫТИЕ

Несколько раз побывав с друзьями в Дарвозакире, я научился заготавливать в степи топливо. Хороший мне попался ишак. Без недостатков. Иногда зарабатываю по три рубля до и после обеда. Неплохо получается.

Если так буду работать, то за десять дней 60 рублей смогу заработать. Это же не шутки! На эти деньги столько нужного можно купить для семьи!

Вот и сейчас отдал маме заработанные три рубля, быстренько пообедал и поехал снова.

«Пораньше поеду, пораньше вернусь», – подумал я и, не дожидаясь друзей, засобирались в дорогу. Ишак у меня выносливый. Ни на жару, ни на холод не обращает внимания, идет иноходью.

Еду по степи, изредка оглядываюсь по сторонам: ни спереди, ни сзади нет никого. Очень жарко.

Впереди что-то, как луна, мерцает. Приближаюсь, оно от меня удаляется. Что же случилось? Может, это от жары? Или это мираж?

Когда приблизился к своему месту, двое ребят, загрузив своих ишаков, собирались отъезжать. Расстояние между нами было приличное, поэтому я не узнал их. Наверное, ребята из центра.

Придержав своего ишака, начал искать подходящее место и, найдя, слез с ишака. Веревку с кетменем и две бутылки воды положил в сторону, ишака, начавшего жевать цветущую полынь, привязал поближе к саю. Взяв в руки кетмень, плюнул на ладони и со словами «Е пирим» начал с удовольствием работать. Из пяти-десяти кустов получится целая охапка, ветвистая, душистая. Нарубишь, хочется еще больше рубить. Где-то около часу без остановки работал. Потом сел отдохнуть, выпил почти целую бутылку воды.

Только потом, подумав о Сайфиддине, посмотрел в ту сторону, откуда приехал. Вдали виднелось темное пятно. Это, наверное, Сайфиддин. Нарублю еще, там видно будет. Почему-то сегодня работалось с особым вниманием.

Один куст рублю, другой, третий на меня в обиде, оттого что я его не рублю. Как это я раньше не приходил сюда? Такого изобилия полыни я не видел.

Когда работаешь с друзьями, не замечаешь, как время летит. В одиночестве не так. Начал скучать. Смотрю на дорогу. Никого нет. Смотрю на солнце, вроде еще рано. Посидел немного, отдохнул. Достал вторую бутылку, выпил два-три глотка. Нехотя встал с места.

Стало вечереть. На душе тревожно. Больше рубить не хотелось. Начал плотно увязывать нарубленное. Сгоряча, оказывается, много нарубил. Всегда восемь охапок было средним грузом для ишака. А сейчас – десять. Это следует продать не за три, а за четыре рубля. Если сегодня не смогу продать, то дома выгружу. Закончив работу, посмотрел на солнце. Показалось, что до заката еще далеко, но надо поторапливаться грузить все на ишака, дел много. И мама, наверное, меня заждалась.

Попробовал поднять охапки, не смог. Применил метод Акбар-аки. Выкопав яму для ишака, хотел его спустить вниз, но ишак не захотел, заупрямился, встал как вкопанный. Тогда я применил второй метод Акбар-аки. Накрыв голову ишака своей рубашкой, чтобы он не видел, куда я его поведу.

Животное смирно стояло. Не сбросило рубашку. За узду осторожно повел его в яму глубиной в полметра (эта яма называется «эшакгур»), поднес к краю ямы дрова.

Лишь бы ишак не сошел со своего места. Со словами «Е пирим» я толкнул дрова на смирно стоящего ишака. Не рассчитал, дрова упали на другую сторону. Ошепил и испугался. Накренившуюся сторону стал поправлять, вспотел. Ишак стоит смирно, не шелохнется. Из-под выцветшей желтой рубашки еле-еле видна его мордашка.

Я попробовал еще раз. И на этот раз неудачно. Дрова свалились на другой бок. Пять раз я пытался уложить на ишака вязанки – безуспешно. Рассердился.

Тело было в колючках, из ранок текла кровь, я заплакал. А ишак лишь изредка покачивал головой, на которой была моя желтая рубашка.

Темнело. Я не знал, что делать. Мой вой никто не слышит, только Бог.

– Эй, сынок! Что ты один плачешь в этой безлюдной степи? – услышал я.

Подняв голову, увидел седого, улыбающегося, почтенных лет старика в длинной красивой одежде. Увидев его, обрадовался так, будто папа вернулся с войны. Вскочил, торопливо поздоровался и бросился в объятия моего спасителя.

– Не можешь помочь загрузить на ишака, да? – мягким и приятным голосом спросил он.

– Да, – ответил я, высвобождаясь из объятий старика, – как ни стараюсь, все равно падают.

– Успокойся, сынок. Ну-ка, пройди на другую сторону осли, – сказал старик ласково.

Пока я переходил на другую сторону, замучившие меня вязанки уже лежали на ишаке. Потянул их на себя, постучал по ним – они не шелохнулись. Надел рубашку, вывел ишака из ямы, перешел туда, где стоял старик, смотрю, а его уже нет. С удивлением обежал три-четыре раза вокруг ишака – никого нет.

От удивления застыл на месте. Что за чудеса?! Сколько ни думал об этом, так ничего и не понял, сунул кетмень в вязанку, взобрался на груженного ишака и поехал по темнеющей степи.

Может, мне померещилось? Да нет. Он же со мной разговаривал. Обнял меня. Но как удалось ему загрузить ишака?.. Чудесное событие. Скажешь кому – не поверит.

Раздумывая, не заметил, как дошел до дома. И это тоже какое-то чудо. Бедная мама тревожно ждала меня у ворот.

– Пришел, сынок? Что так припозднился? Что так долго?!

Сгрузив поклажу, я привязал ишака на место, помылся и за ужином рассказал маме о случившемся. Обрадованная мама прижала меня к себе, расцеловала и сказала:

– Ты увидел Хизра-бобо, сынок. Никому не говори об этом. Даст бог, будешь счастливым! Знай, Хизр-бобо не появляется всякому, сынок.

НЕСБЫВАЮЩАЯСЯ НАДЕЖДА

За день до начала учебного года справили сороковины зятю Тохиру. Мама плохо себя чувствовала, а после поминок слегла.

Хайтгуль-опа осталась у нас еще на два-три дня, ухаживала за мамой, стирала, испекла два тандыра лепешек, прибралась в доме. Я до обеда был в школе, после обеда ездил за топливом в степь.

На третий день мама пришла в себя, поела горячей шурпы, встала, надавав кучу нужных и ненужных советов, Хайтгуль-опа отправилась домой.

Дом опять остался на мне. Мама переживала о безвременной кончине зятя Тохира, а дальнейшей жизни дочери Хадичи.

– Может, Хадича-опу с детьми приведем домой? – предложил я.

– Не знаю, сынок, не знаю. Что скажет сторона мужа? Что скажут люди?

...Как-то мне приснился папа. Будто в дождь стою на берегу незнакомой реки. На противоположной стороне стоит беспомощный и одинокий отец. Он обращается ко мне:

– Не узнаешь меня, сынок? Я твой папа. Соскучился по тебе, с войны возвращаюсь. Ты не знаешь, где мост через эту реку?

– Папа! Папочка! Я знал, что вы придете. Очень хорошо, что вы вернулись, папа. Мама опять заболела. Я не знаю, где мост. Переплывите, – радостно кричу я.

– Две ноги и одна рука у меня не работают, не то давно уже переплыл бы. Только недавно прооперировали. Шесть месяцев блуждаю по степи, скрываюсь от плохих людей.

– Тогда я сам переведу вас, – собираюсь я броситься в воду.

– Нет, нет, сынок, не делай этого. Ты еще маленький. Видишь, какое сильное течение, тебя унесет, – просит папа.

Вдруг то ли из-под земли, то ли с неба появляется толпа вооруженных, в черных масках людей, хватают папу за руки, вталкивают в какую-то черную машину и увозят вдоль реки в сторону заката солнца.

Я изо всех сил кричу:

– Эй! Негодяи! Куда вы везете моего отца? У вас есть совесть? Оставьте моего папу!!

Слышится голос отца:

– О горе нам, сынок! Где бы ты ни был, где бы ты ни жил – не забывай меня. Я очень люблю тебя, сыночек!

– Папа! Папочка! Я тоже очень соскучился по вам, – кричу я.

Просыпаюсь, мама тоскливо смотрит на меня и плачет:

– Что с тобой, сынок? Кричишь во сне. Или сон видел?

Я рассказал маме свой сон.

– Что только не приснится, сынок! – успокаивала мама. Вскоре мама опять заболела и легла в больницу.

Я остался дома один. С наступлением темноты сразу закрывал ворота и шел спать в дом Юсуф-аки. Утром кормил и поил скот, подметал в доме и во дворе, завтракал и отправлялся на хлопок, относил маме молоко и хлеб. Вернувшись с поля, брал приготовленную Тенгегуль-опой еду и бежал к маме.

Через полтора месяца началась учеба в школе, и наш учитель по русскому языку и литературе Салих-ака Каримов дал на дом задание написать сочинение на тему «Война и мир». Посоветовал воспользоваться газетами времен войны.

Вернувшись из школы, я перерыл папин книжный шкаф, где хранились и газеты. Маме с сестрами было не до газет, они их не читали.

Страхнув пыль, я начал их просматривать. Это были газеты «Бухоро хакикати», «Социалистик Енбек».

Вдруг под ноги упало что-то похожее на амулет, поднял его. Это было письмо. Раскрыв, начал читать:

«Рядовой солдат Муратов Ахмет героически погиб на поле боя.

*Командир роты
Капитан А. И. Иванов.
21 декабря 1943 года.
Город Сталинград».*

Прочитал, и потемнело в глазах, руки задрожали, письмо упало. Душа разбилась вдребезги, из глаз хлынули слезы. В горле будто камень застрял. Мир перевернулся.

– Почему? Почему?! Почему отец умер? Почему я должен быть сиротой? Кому я сделал плохо, чтоб считаться сиротой? Почему умер мой отец? Кто теперь будет моим отцом? Что я скажу Сайфиддину? Что мой отец, как и его, погиб на войне? Теперь я тоже, как и он, сирота?! А мама знает о письме? Если знает, то почему до сих пор не сказала мне?

Нет, мама не знает. Почтальон, наверное, положил письмо в газету и забыл сказать о нем. Или он испугался сообщить страшное известие.

Нельзя винить маму и сестер за то, что они вовремя не увидели письмо. Им не то что читать газеты – даже поспать некогда было. Мама с Хадича-опой вообще безграмотные, а у Хайтгуль-опы всегда не было времени.

Столько лет лелеял в сердце надежду, которая превратилась в мираж!

Я долго оплакивал папу, а когда успокоился, представил маму с сестрами. Как я сообщу им это страшное известие? Выдержат ли они это?

Подумав об этом, я проглотил вопли, жгушие горло. Теперь я не ребенок! Единственный мужчина в доме должен быть опорой маме и сестрам, которые услышат эту страшную весть. И вместо папы, и вместо Абдужалил-аки я должен защищать их.

Прошайте, мечты и надежды на возвращение отца! Прошай, детство! С сегодняшнего дня я не могу озорничать как тринадцатилетний мальчишка. Не могу баловаться. С этого мгновения все семейные заботы и тяготы я возьму на свои плечи.

Прошай, моя детская душа!..

С того дня, как помню себя, я все смотрел на дорогу, ждал отца, жил надеждой, и моя чистая детская душа останется в объятиях моих тринадцати весен!..

Прошай!..

Конец

возвращение к читателю

ПИР ЗЛЫХ ДУХОВ

Рассказ

Когда папа начинает рассказывать об этом, я каждый раз пугаюсь и думаю: «Господи, не вергни меня в такую беду». Вчера к нам в гости приехала тетя. Вечером, после ужина за чаем, они рассказывали разные истории. Зашел разговор о чертах, райских пери и дивах. И папа опять не удержался и рассказал о пире злых духов. Всякий раз, когда папа начинает рассказывать эту историю, меня охватывает ужас, вот и сейчас я забрался в постель и укутался одеялом. Папа посмотрел на меня и улыбнулся.

– Я только что женился, был занят домом, хозяйством и своевременно не приготовил шести для виноградных шпалер, – начал он. – Как-то я заглянул в сад и увидел, что виноградные ветки разрослись и нужно было ставить подпорки. А тут еще пошел дождь, и виноградные лозы, словно его только и ждали, буйно потянулись вверх. Я решил в тот же день добыть шести. Если я срочно не поставлю шести и не сниму слой земли с закопанных корней, то урожая мне не видать.

Оказалось, что я мало приготовил ивовых прутьев для подвязки подпорок, а к полудню их уже не было на базаре. Да и сад наш далеко от дома: пока пойдешь на базар да обратно, уйдет уйма времени. Что делать? Я нарезал прутьев с ивы и тополя. Взял их и пошел в виноградник. Там я провозился до вечера, но сделал все как полагается. В соседних садах не осталось уже ни одного человека, и на улице был слышен лишь стрекот кузнечиков да кваканье лягушек. Когда я вышел из сада, приближалась последняя вечерняя молитва. Возвращался уже в полной темноте. А вы знаете, что за нашим садом заросли кустарника? Мне нужно было пройти через них и выйти на большую дорогу. Заросли были темными и жуткими, но я спокойно шел в темноте, только идти было трудно: я то и дело спотыкался.

До большой дороги осталось пройти лишь рощицу Хамдама-гончара.

В этом месте рассказа я плотнее завернулся в одеяло.

**Абдулла
КАДЫРИ**
(1894–1938)

Родился в Ташкенте. Автор романов «Минувшие дни», «Скорпион из алтая» и др. Драматург («Несчастный жених», «Белый белый черный аист» и пр.), переводчик, публицист.

Папа продолжил:

– Прошел я шага два по рошице, вижу – свет. Я оглянулся. Свет лился с площади. Я услышал говор, смех, звуки чилдирмы, дутара, тамбура. И застыл на месте. Здесь в эту пору бывают лишь совы, и меня удивили смех и говор. Утром я проходил здесь, и, если бы готовились к пиру, я не мог бы не заметить этого.

«Наверное, молодежь собралась», – подумал я. И решил обойти стороной площадь, воспользовавшись проломом в дувале. Место пира было освещено как днем. На деревьях висели лампы, на земле были разостланы шелковые ковры. В стороне стояли огромные белые самовары и большие котлы, в которых что-то трещало и булькало. В центре сидели люди, много людей – молодые и старые, музыканты играли на дутарах, чилдирме, нагаре. Не успел я оглянуться, как ко мне подбежал какой-то человек и закричал, обращаясь к гостям:

– Смотрите, Усар-ака пришел!

Все повернулись в мою сторону. Послышались голоса:

– Проходите, добро пожаловать, Усар-ака, закончили с шестами?

Я сейчас уже не помню, что им ответил, так как был очень удивлен.

Хотя я и упирался, меня потащили на почетное место. Обычно, когда приходишь на празднество и усаживаешься за дастархан, читаешь короткую молитву. Но мне было задано столько вопросов, что я забыл прочитать ее. Когда немного пришел в себя и оглядел присутствующих, мне показалось, что многих из них я уже встречал прежде. И в то же время это были совершенно чужие люди. Но обращались они со мной как со старым знакомым: называли по имени, спрашивали о делах – и все это меня поражало.

Какой-то человек, по-видимому, распорядитель пира, сказал:

– Пусть Усар-ака угощается.

Но кто-то возразил:

– Давайте сначала насладимся музыкой и танцами, а закусывать будем все вместе, – затем он обратился ко мне: – Вы, наверное, с удовольствием слушаете музыку?

Я был голоден, но здесь я был гостем и не посмел возразить.

Музыканты настроили инструменты и начали протяжную грустную мелодию. Это была волшебная мелодия. Сердце мое больно сжалось, я заплакал. Почему я плакал, я и сам не мог бы объяснить.

Наконец музыка умолкла. Я почувствовал себя усталым как никогда, не мог даже шевельнуться. Люди вокруг хитро поглядывали на меня, многие улыбались. Мне стало неловко.

Музыканты приготовились играть новую мелодию. Сердце у меня забило, я понял, что больше не выдержу. Но с первыми звуками почувствовал, как кровь горячо побежала по жилам. Мне стало вдруг легко и весело. Мелодия была радостной, я не знал ее названия. В круг впорхнула девушка лет пятнадцати-шестнадцати с кудрявыми волосами, круглым личиком, в зеленой бархатной одежде. Она сделала несколько легких шагов, на ногах у нее зазвенели колокольчики.

Лилась музыка, и под нежную мелодию девушка начала танец. Мне вдруг стало необыкновенно радостно. Казалось, что горы улыбаются, звезды светят ярче, листья на деревьях подрагивают. И тут я почувствовал, что

непроизвольно поднимаюсь, словно меня толкает какая-то сила. Я приблизился к девушке и начал танцевать с ней.

Мама и тетя громко засмеялись. Я же вдруг ясно увидел отца, пляшущего с девушкой.

– Я начал танцевать, – продолжал папа. – Танцую и все гляжу на плясунью.

Девушка, видно, устала и отошла в сторонку, а я все продолжал танцевать и не мог остановиться. Люди вокруг хлопают в ладоши, кричат, подсмеиваются надо мной, корчат рожи, а я, не обращая ни на кого внимания, танцую.

И вдруг я споткнулся и упал. Через некоторое время поднялся, широко раскрыл глаза и огляделся: ни людей, ни музыкантов – никого. Черная площадь, а я стою в арыке...

Эту папину историю я рассказал своему учителю. Он посмеялся.

– Все это выдумки, фантазии.

– Неужели выдумки? – спросил я, и учитель сказал, что в следующую пятницу он будет рассказывать ребятам о том, как возникает фантазия.

– Приходи, – сказал учитель. – Ты все узнаешь.

Я обязательно пойду в пятницу в школу, послушаю. Если у вас есть время, приходите тоже.

Перевод с узбекского Нинель ВЛАДИМИРОВОЙ

Нинель ВЛАДИМИРОВА

(1928–2009)

Родилась на Украине. Окончила восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (ныне НУУз). Доктор филологических наук, литературовед, переводчик.

ПОЭЗИЯ

**Раиса
КРАПАНЕЙ**

Родилась в 1951 г. в Москве. Окончила медицинское училище им. Воровского. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, ведет блог «Живопись и поэзия». Живет в Ташкенте.

Как-то по-особому расплескался свет...

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» поздравляют Раису Николаевну Крапаней с юбилеем и искренне желают юбиляру доброго здоровья и творческого вдохновения!

Недолгое утро.

Ничейные тени

Вползают во двор из своих подземелий.

Ворчание птиц,

И больше ни звука.

Перо зацепилось на ветке урюка.

Дрожащие струны

Седой паутины

Развесил паука на заборе из глины.

Лиловеет сад,

Где скорбят иммортели.

Пробившийся луч рвется к теплой постели.

Недолгое утро.

У солнца крадет

Последнее облако ветер пустот.

Не знаю кто, какой осенней ночью

И что в саду притихшем потерял.

Потом, укрывшись листьями на кочке,

Под розовым кустом заночевал.

Под утро незаметно между кленами

К лужайке вышел и зазеленел.

Я, проклятый тревогами бессонными,

К сиянию печали не успел.

Что я при жизни
Сделаю раем?
Видишь, солнца брызги –
Их пособираю.
Разноцветной радуги
Наберу в лукошко.
Удивлю, обрадую
И тебя немножко.

Море пшеничное –
Солнечные росстани.
На реке ресничками
Камышинки острые.
Дали ждут черничные,
Облака и остров,
Зори земляничные –
Всё на свете просто!

Что я при жизни
Сделаю раем?
Долго-долго-долго жить
Рядом обещаю.

А. М.

В моем доме пустом
Ничего не случается.
Только май за окном
И грозит, и маяется.

Душит липкая мгла –
Словно солнышко сломано.
Чья душа умерла
С колокольными звонами?

Ты одна не тужи –
Будем вместе печалиться.
Отмолим, заслужив
Невозможность состариться.

Видишь – ящерка петляет,
Оставляя легкий след,
И бесследно тени тают
Там, где в окна бьет рассвет.

Не грушу и не хватаюсь
За соломинку рукой.
Можно я тебе признаюсь:
Утешаюсь тишиной.

«Как хороши, как свежи были розы...»

Робкое безлюдие... Утро... Тишина...
Словно продолжение сказочного сна.
Как-то по-особому расплескался свет:
Осень словно пробует золотить рассвет.
Зацепился лучик за колючий куст –
Роза фиолетовая потревожит грусть.
Жалость увядания ранит все сильнее,
Прикоснулась тайна к памяти моей.
«...хороши, как свежи...» – плакалось светло,
Юности безбрежие вспомнилось тепло.
«...хороши, как свежи...». Осень, выйди в сад,
Сети безнадежны спрячешь в листопад.
Что же ты, хорошая, дождем в ответ?
Призрачного прошлого размываешь след?

Подруге

Ну что ж, дорогая, увидимся в осень,
Когда серым дождем травы покосит,
Когда полетит журавлиная стая
На юг, облака серым клином пронзая.

Как хочешь, родная... Увидимся в осень,
Ветра потревожат незрелую просинь.
От взмаха времен ведь нет исцеления?
Прости за невстречи и холод забвения.

Всё шло не так... Казалось, зря
Свои раскладывала краски
На красном английском заря
В лилово-кобальтовой маске.

А стаи черно-жженных птиц
Встречали солнца желтый кадмий.
У недописанных страниц
Стыл кофе горько-шоколадный.

Но в предрассветной тишине
Под утра тихое моленье
Поверил я, душа во мне
Освобождается от лени.

Поверил, что пейзаж простой
Не зря – пустышных дней причуда,
И, потревожив ум строкой,
Я безнадежно верю в чудо.

Для весны – очень рано.
Да и зумы, боюсь,
Затерялись в туманах,
Где тревожилась грусть.

Ни надежд, ни забот.
Дней нарушилась связь.
Из каких непогод
Тишина сорвалась?

Оглушила, не рая,
Помертвевая.
Пусть.
В тишине, словно в храме,
От беды схоронюсь.

И меня растревожили сны.
Как прожить эту ночь до рассвета?
Похоронят безмолвье часы,
Расстреляв тишину рикошетом.

Веришь, снова стою у окна,
Нацепив черепастью оправу –
В неземной колокольне луна
Призвала к вдохновенью забаву.

И безвольно струящийся свет
С фонарей пусть пока кружевет...
Скоро встречу сердитый рассвет
Там, где ночь у ворот сиротеет.

Не спится, так же, как и прошлой ночью.
Одна, одну, одной, одним, одних...
Слова склоняю... Их сосредоточие
Родит в бессонье вымученный стих

Про то, как между памятью и снами
Печалинка, а не прилипший страх,
Летает над цветочными полями
В сияющих беспечно небесах.

Случайность слова-чуда? Тихо-тихо
Коснулся окон сумеречный свет.
Беззвучная мелодия... Все стихло,
Оставив оправданий лёгкий след.

ТЕПЛАЯ ВСТРЕЧА ХОЛОДНОЙ ОСЕНЬЮ

Около пяти лет назад, по семейным обстоятельствам, я прилетела первый раз в Ташкент. Была поздняя осень, холодный дождь переходил в мокрый снег, город мне показался мрачным, неприветливым и абсолютно чужим. Если бы мне тогда сказали, что я искренне полюблю этот город, буду скучать и стремиться поскорее в него возвратиться, не поверила бы ни за что. Незнакомый город всегда держит определенную дистанцию, по-настоящему полюбить его можно только через людей, повстречавшихся в нем. Вот таким человеком, встреча с которым во многом определила мое отношение к Ташкенту, и была Раиса Николаевна.

Познакомились мы, можно сказать, случайно. Дело в том, что, собравшись лететь в Ташкент, я пообещала двум моим приятельницам передать в Ташкенте небольшую посылку «для очень хороших знакомых». И вот, прилетев

в Ташкент, я позвонила по контактному телефону, договорилась о встрече. Забирать посылку пришла Раиса Николаевна. Она словно почувствовала мой душевный раздраз, тоску в чужом тогда для меня городе и предложила выпить кофе. За кофе мы разговорились, вроде бы ни о чем, но я начала оттаивать. Напротив меня сидела красивая, доброжелательная женщина, очень открытая, легко и просто говорящая на любые темы. Много говорили о живописи и художниках, оказалось, моя визави – блогер, ведет блог «Живопись и поэзия». Вот с художественных выставок мы с ней и начали мое знакомство с городом. Откуда у нее такое нежное и сопереживательное отношение ко всем без исключения художникам, я, честно говоря, и по сей день не понимаю, но именно художники вызывают в ней нежное соучастие.

Много позже я узнала, что только благодаря энтузиазму и энергии Раисы Николаевны художник Чумаков вновь обрел зрение – она помогла собрать необходимые для операции средства. Помогала с организационными вопросами перед операцией на глаза и пожилому художнику Ю. Зорькину (ныне, к сожалению, уже покинувшему нас). «Ты только представь, что такое для художника потерять зрение», – говорила она мне. И вот это «ты только представь...» – характеризует ее отношение к людям, она действительно представляет и пропускает ситуацию через себя, отсюда такая живая реакция на происходящее. Искренность привлекательна сама по себе, а в комплекте с талантом и доброжелательностью – непреодолимый магнит.

Еще много позже я узнала, что она тонкий, хороший поэт. Но главный талант Раисы Николаевны – ее человеколюбие, открытость, чувство ответственности за все, что происходит вокруг, желание быть полезной. Неудивительно, что вокруг нее всегда много людей, с ней легко и приятно общаться, просто поболтать, узнать ее мнение, а оно у неё есть всегда и во всем, причем (нынче это не часто встречается) свое мнение Раиса Николаевна высказывает прямо, невзирая на звания, регалии, ранги и общепринятые правила.

Без этой знаменательной встречи с теплым, участливым и доброжелательным человеком Ташкент для меня еще долго бы оставался «далеким мало-знакомым родственником». Быстрая моя социализация, радость, которую я испытываю, всякий раз возвращаясь в Ташкент, – полностью ее заслуга. Здоровья Вам, Раиса Николаевна, благополучия в семье и много новых, захватывающих впечатлений!

Ольга ГУЛА,
журналист, г. Киев

проза

**Нариман
ИСКАНДАРОВ**

Родился в 1945 г. Окончил историко-филологический факультет Калининского государственного педагогического института (ныне Тверской государственный Верхневолжский университет). Автор повестей и рассказов. Член Творческого союза журналистов Узбекистана. Живет в Намангане.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Рассказ

*«Любят родину не за то, что
она велика, а за то, что своя».*

Сенека

ОТКРОВЕНИЯ ГАЙРАТА

Погожим весенним деньком приятели Гайрат и Генка сидели на берегу канала и, запрокинув головы, гляделись в небесную высь. Подростки наблюдали за тем, как реактивные самолеты, пересекая из конца в конец огромную синюю бездну, оставляют за собой тонкий дымчатый след.

– Эх, полетать бы на таком самолете! – мечтательно, глубоко вздохнув, сказал Генка.

Гайрат, будто проверяя, не подслушивает ли кто их разговор, шепотом признался:

– У меня тоже есть мечта, связанная с авиацией, но я хочу преодолевать огромные расстояния на самолетах десантником.

Генку удивило признание друга, который внимательно смотрел на него и ждал, что же тот ответит.

– Это было бы здорово, – почему-то, сам того не замечая, шепотом ответил он и тут же рассудил, – но, наверное, добиться этого очень нелегко.

Чуть подумав, Гайрат серьезно согласился:

– Да, ты прав, но ведь для того, чтобы желаемое исполнилось, надо только хорошо постараться...

Гайрат повеселел, осознавая, что в лице Генки нашел собеседника, вполне серьезно относящегося к его словам.

– Загляни ко мне, я покажу тебе собранные мной коллекции марок и открыток, на которых отображена история отечественной авиации. А еще...

Глаза Гайрата вновь таинственно заблестели, на лице появилась загадочная улыбка. Поведение друга заинтриговало Генку.

– Что? – спросил он нетерпеливо.

– Помнишь в глубине нашего двора пристройку?

– Летнюю кухню, что ли?

— Теперь там небольшой тренажерный зал, где я каждый день провожу по два-три часа, качаюсь ...

— Так вот почему на физкультуре ты во всех видах упражнений выбился в лидеры, — сделал вывод Гена...

...Ребята вновь устремили глаза в синеву неба. Белый след самолета растаял, лишь там и тут легкие, словно лебединый пух, крохотные тучки спешили куда-то по необъятным просторам «пятого океана».

Первым короткое молчание нарушил Гайрат:

— Слушай, а не пора ли и тебе поделиться своими планами на будущее?

Ответа Генки долго ждать не пришлось.

— Я решил стать учителем, — сказал он.

— Кем?.. Учителем?.. — удивленно переспросил Гайрат.

— Да, и непременно таким, как наш Владимир Алексеевич.

Гайрат вопросительно посмотрел на друга, уж очень для него его ответ оказался неожиданным. Конечно, он тоже любил Владимира Алексеевича, который вел уроки русского языка и литературы, но видеть Генку в будущем простым учителем?..

ПРОШЛО ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ...

После окончания школы Геннадий поступил, как и мечтал, в университет. По завершении, через два года, успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Детская дружба не прервалась. Правда, виделись они с Гайратом не часто. Причиной этому были распад бывшего Союза и дальние расстояния.

...Поздравительную телеграмму Геннадию по поводу защиты Гайрат прислал из южного российского города. Как он там оказался? В силу обстоятельств...

...В 70-е годы сотрудники отделов обороны повсеместно проводили беседы с юношами старших классов общеобразовательных школ и выявляли среди них тех, кто мечтал посвятить жизнь профессии защитника Родины. Фа-милия Гайрата оказалась в списке желающих поступить в военное училище. После окончания школы по направлению военкомата он поехал в древний российский город и, успешно сдав вступительные экзамены, стал курсантом Высшего воздушно-десантного командного военного училища.

И вот вчерашние безусые парнишки в новеньких парадных мундирах лейтенантов выстроились на плацу в честь окончания училища. Чуть в сторонке стояли родители и девушки виновников строгого и красивого торжественного мероприятия. Среди них была и Халима-апа — мама Гайрата. Обращающую на себя внимание женщину в национальном платье из хан-атласа под руку бережно поддерживала синеокая девушка Анастасия — актриса местной филармонии...

«Я ПРИГЛАШУ НА БЕЛЫЙ ТАНЕЦ ВАС...»

С Анастасией Гайрат познакомился год назад на вечере в Доме офицеров, где она со своими коллегами участвовала в шефском концерте. После культурной программы были танцы. Среди столпившихся у оркестровой ямы курсантов девушке сразу бросился в глаза темноволосый, высокий, крепко

сложенный молодой человек. Вдруг он повернулся в сторону Анастасии, нашел взглядом ее глаза, и чуть заметно тепло улыбнулся. Как только объявили «белый танец», под гипнозом глубокого и нежного взгляда она решительно пошла в его сторону. Сердце ее трепетало, как птица, запертая в клетке. Зазвучала музыка. Гайрат, не отводя глаз, сделал навстречу ей несколько шагов, бережно и нежно обнял за талию, и они закружились в танце. В его руках она – всегда такая решительная и бойкая – чувствовала себя робкой и хрупкой, маленькой и беззащитной. И это ей было непривычно и необыкновенно приятно. Ошущая его теплые, уверенные и сильные руки, его прерывистое дыхание у своего виска, Анастасия подумала: «Как жаль, что музыка сейчас закончится и исчезнет это чудное мгновение». Но не успел завершиться этот танец, как она вдруг услышала над ухом его тихий, успокаивающий, как музыка, голос:

– Можно вас заранее пригласить на следующий танец?

И уже весь вечер они не расставались. Это было чудесно!

После танцев они долго бродили по улицам ночного города. На пустынной набережной встретили рассвет, надеясь, что он принесет им счастье и уверенность в грядущем дне.

У подъезда ее дома он взял Анастасию за руки. Его горячие ладони вновь взволновали девушку, трепетная волна пробежала по всему телу.

– Надеюсь, что эта наша встреча не последняя, и мы еще увидимся? – спросил Гайрат, не выпуская ее маленькие ладошки из своих рук.

– Да, – с волнением ответила она. – Послезавтра, в шесть часов вечера, у памятника Пушкину, – и, выдернув руки, без оглядки вбежала в подъезд.

...Отправилась Халима-опа в этот дальний путь не случайно: молодые решили пожениться, чтобы после окончания училища Гайрат прибыл на место службы с супругой...

НАЧАЛО ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

Через неделю после свадьбы молодожены выехали в небольшой прибалтийский городок, известный своим старейшим в Европе университетом. Город привлекал туристов красивым парком и множеством кафешек, из окон которых лились звуки модных в те годы шлягеров.

Анастасии предоставили работу в филармонии. Подготовив программу из старинных русских романсов, она некоторое время давала небольшие «безафишные» концерты в райцентрах и на предприятиях, а потом вышла на большую сцену. Очень скоро в местной, а затем и в республиканской прессе о доселе неизвестной исполнительнице романсов появились лестные отзывы. У нее стихийно возник даже свой фан-клуб.

В гостинице им долго жить не пришлось: Гайрату дали служебную квартиру. Жилье их располагалось прямо в нескольких шагах от места работы Анастасии. Купили телевизор, холодильник, диван и еще кое-что из мебели... Словом, устроили себе «гнездышко» лучше быть не может.

За короткое время в их маленькой семье сложился свой уклад жизни. Утром он – на службу, она – на работу. Уходили из дома вместе. А вечером, если не было дежурства, Гайрат, возвращаясь из части, заходил к жене в филармонию, дожидаясь окончания репетиции, и они шли в какое-нибудь уютное кафе, чтобы вместе поужинать и послушать музыку.

Возвращаясь, они проходили мимо засидевшихся на скамеечке до позднего вечера тетюшек и старушек и непременно слышали вслед:

- Хороша пара...
- Только вот жаль, что нет детей...
- Красивые бы чада у них получились...
- Так они, говорят, совсем недавно поженились...

Пересуды женщин почему-то портили настроение Анастасии. Некоторое время ей это удавалось скрывать от мужа. Но однажды, пройдя в очередной раз через «рентген» прозорливых соседешек и услышав монолог самой голосистой из них: «Ой, бабы, чует мое сердце, что между ними есть что-то неладное! А иначе как понять то, что уже больше года прошло, как они здесь живут, а у нее даже махонького животика не обозначилось?» – Анастасия вбежала в квартиру, бросилась на диван, закрыла лицо руками и навзрыд расплакалась. Растерянный Гайрат присел рядом и, ничего не понимая, стал успокаивать. Она вдруг резко вскочила, вытерла ладонью слезы и решительно сказала:

– Все, хватит, не могу больше жить во лжи! Совесть меня гложет! Ты обязан все-таки, даже если тебе будет очень горько, выслушать меня, чтобы потом решить, как нам быть дальше!..

ПРИЗНАНИЕ

– В консерватории, – начала Анастасия исповедь о своем прошлом, – на одном курсе со мной учился парень из Пятигорска. Звали его Дмитрием. Все девчонки сохли по нему, а он почему-то замечал только меня. Это польстило мне, и мы начали встречаться. Приблизительно через год отыграли скромную свадьбу.

Я сразу начала мечтать о детях. Обычно молодые мамы хотят, чтобы у них первенцем была девочка... ну там... куклы, банты, фантики, а я вот, как ни странно, хотела, чтобы у нас был мальчик с карими, как у Дмитрия, глазами и с русыми, как у меня, волосами. Еще я думала, что он непременно вырастет статным и обязательно будет любить музыку.

Дима был необыкновенно ласковым и внимательным мужем, исполнял все мои желания. Но все изменилось, когда я сообщила мужу, что жду ребенка.

Он был категорически против появления малыша! Мол, не получены дипломы, не решен квартирный вопрос, и вообще надо сначала сделать карьеру, пожить для себя... Страдая, я не смогла пойти против его воли.

Когда окончили консерваторию, стали получать приличную зарплату, приобрели квартиру, купили машину... Жить да жить теперь, казалось бы, но не тут-то было: между мною и мужем не было главного – связующего звена. Все знакомые давно обзавелись детьми, а у нас малышей нет и, по прогнозу медиков, уже никогда не будет. Настал день, когда Дмитрий объявил, что мы должны расстаться, потому что он хочет детей. Что я могла ему сказать в ответ? После развода, который был оформлен легко из-за отсутствия детей, он даже не сообщил, куда уехал.

Я осталась одна. Ох как тоскливо было поначалу! Но, слава богу, были любимая профессия и гастрольи, не оставили наедине с бедой и верные друзья. Постепенно вернулся интерес к жизни. Мне стали делать предложения руки и сердца вполне приличные люди, но я отказывала, опасаясь, что рано

или поздно новый муж заявит, что в семье должны быть дети. Конечно же это так.

Но когда случай свел с тобой, я совсем потеряла голову: мне вновь захотелось быть кем-то любимой, самой любить, иметь семью... Главная моя ошибка в том, что, познакомившись с тобой, я скрыла свою страшную проблему. И вот я опять у «разбитого корыта». Осознаю, что и тебе нелегко. Но прошу, прости меня за это! Единственное, что я теперь могу сделать в благодарность тебе за эти два удивительных года совместной жизни, это навсегда уйти из твоей жизни. Делаю же это я для того, чтобы ты смог начать все заново. От всей души желаю тебе счастья! Ты хороший человек и заслуживаешь его...

Некоторое время в комнате стояла тяжелая тишина. Ее нарушили твердо сказанные Гайратом слова:

– Я люблю тебя и никуда не отпущу!

...Союз распался, и командованию воинской части, в которой к тому времени Гайрат служил уже в должности заместителя командира роты, пришло распоряжение срочно передислоцироваться в один из южных городов России. В полку начался демонтаж боевой техники, офицеры получили команду переехать в другой город.

Чемоданы были зачехлены, Гайрат отправился на вокзал за билетами. Когда вернулся домой, на столе его ждала коротенькая записка: «Я слишком тебя люблю, чтобы и дальше пользоваться твоей порядочностью и добротой. Постарайся сделать все, чтобы быть по-настоящему счастливым. Спасибо за все! Сколько буду жива – столько буду помнить тебя. Анастасия».

ПРОШЛО ЕЩЕ ПЯТЬ ЛЕТ

...Гайрат проснулся от настойчивого звонка в передней. Открыв глаза, как всегда посмотрел на окно и понял, что еще очень рано. «Кто бы это мог быть? – подумал он и рассудил: – Это рановато даже для спутавшей двери молочницы».

Когда открыл дверь, перед ним стояла разносчица телеграмм:

– Извините, что в такую рань потревожила, но тут для вас срочная телеграмма, – сказала она и протянула бланк.

В тревожном предчувствии учашенно заколотилось сердце, застучала на виске жилка. Надорвав ленточную наклейку и развернув листок, он прочел короткий телетайпный текст: «Гайрат скорпостижно скончалась твоя мама Геннадий». Он застыл с телеграммой в руке. Не понимая, как это – умерла мама?

...Как он ни торопился, на похороны все же не успел, так как аксакалы махалли, строго придерживаясь мусульманских канонов, не позволили оставлять усопшую дома больше суток. Только оказавшись у свежей земляной могильной насыпи, он до конца осознал, что и для него настал неотвратимый час – нет у него мамы... Вернется теперь после дальней дороги, а дом его детства будет пуст. Нет больше у него счастливой пристани, нет больше человека, который дал ему жизнь, окружал любовью. На кладбище он едва сдерживал рыдания: «Прости меня мама, что не успел проводить в последний путь!»

ГУДЕРМЕС

Боль долго не оставляла Гайрата. В течение нескольких месяцев он просыпался по ночам от гнетущего чувства тревоги. И будто разряд молнии – «Мама нет». Но мама научила: «Какой бы стороной ни обернулась к тебе эта непростая жизнь, делай добросовестно то, что должно. Думать будешь потом». И он делал.

...Самолет с группой быстрого реагирования взял курс на беспокойный чеченский город Гудермес. Как только он приземлился в аэропорту, встретивший десантников сотрудник ФСБ, не теряя времени, стал знакомить майора Садыкова с задачей, стоящей перед его группой:

– На окраине города, в частном секторе, забаррикадировалась банда боевиков во главе с известным своей жестокостью полевым командиром Жанбулатом. Штурмовать при помощи бронетехники или обстрелять крупнокалиберным оружием их убежище нельзя, потому что в заложниках они удерживают хозяев дома и их десятилетнего сына. Надежда только на ваш опыт...

Прибыв на место, Гайрат обозначил подходы к окруженному федералами дому, распределил по ним своих людей и, прежде чем предпринять какое-либо действие, решил еще раз попробовать связаться с боевиками, чтобы склонить их к сложению оружия.

По мегафону он обратился к Жанбулату с предложением встретиться для переговоров об условиях освобождения заложников. Тот после некоторого раздумья согласился.

...Гайрат вышел из укрытия и медленно, с поднятыми руками, показывая, что он без оружия, пошел навстречу вышедшему из дома полковому командиру. Но тут сложилась совершенно непредвиденная ситуация: из-за спины Жанбулата в оставшуюся после него открытую дверь юркнул мальчишка и стремглав кинулся в сторону федералов. Пробежав с десятков шагов, он споткнулся и упал. Боевики немедленно открыли по нему стрельбу. Гайрат тут же бросился к маленькому беглецу и закрыл его своим телом от града пуль. Тем временем, воспользовавшись создавшейся в стане врага сумятицей, десантники и федералы бросились на штурм осажденного дома. В считанные секунды цитадель террористов была захвачена, а Жанбулат и его пособники повязаны.

В этой операции погиб контрактник Ильхам Назимов. Благородному, храброму и скромному человеку, дважды награжденному за боевые заслуги орденом Красной Звезды, до ухода в запас оставалось совсем ничего. В небольшой татарском городке его ждал сын Марат – единственный на земле родной человек.

В глубоком молчании положили однополчане героя в гроб. Попрошались. И отправился их боевой товарищ далеко-далеко, чтобы лечь в свою родную землю, навек...

...Спасибо создателям бронезилов: он спас Гайрата от трех смертельных пуль. И два сквозных ранения – в обе ноги – оказались не очень опасными. Когда он прибыл из госпиталя в родную часть для прохождения дальнейшей службы, перед личным составом был зачитан Указ о его награждении орденом за проявленное мужество при выполнении боевого задания. Было объявлено и о внеочередном присвоении ему звания подполковника...

НОСТАЛЬГИЯ

Как-то во время суточного дежурства Гайрат ранним утром совершал обход постов. Вдруг до него донеслись звуки хорошо знакомой с детства мелодии «Тановор». Он не поверил ушам: не галлюцинация ли это? Остановился, прислушался: мелодия явно доносилась со стороны железнодорожного вокзала. Пошел в ту сторону, и каково же было удивление, когда на запасном железнодорожном пути увидел туристический состав «Ёшлик» из Узбекистана! Музыка неслась из динамика, который был выставлен в открытое окно вагона-ресторана.

Впервые прошедшего сквозь огонь и воду офицера охватила такая тоска по дому, что ни словами передать, ни пером описать.

После дежурства ноги сами понесли его на рынок, где по обыкновению торговали его соотечественники. Он вдоволь наговорился с земляками на родном языке.

Дома, заварив зеленый чай, достал из серванта пиалу с рисунком хлопкового цветка, налил в него обжигающе горячий напиток и, удобно устроившись в кресле, принялся пить его маленькими глоточками под звуки дисков с узбекскими мелодиями.

...Несколько дней Гайрат ходил задумчивым, потом, попросив у командования увольнение на несколько дней, вылетел на родину погибшего в Гудермесе однополчанина. Найдя там его сына, оформил над ним опеку и привез к себе домой.

«ГДЕ ТЫ, АНАСТАСИЯ? ОТЗОВИСЬ!»

Много времени прошло, а Анастасию Гайрат не мог забыть, все эти годы разыскивал. Отправил запросы в адресные бюро городов, где она родилась, училась, предположительно могла жить... Видя, с каким упорством он это делает, в меру своих возможностей помогал ему в розыске любимой женщины и Марат, но, к сожалению, все их старания были безрезультатными...

ПРОШАЙ, ОРУЖИЕ – ЗДРАВСТВУЙ, ГРАЖДАНКА!..

Настал день, когда Гайрат был уволен в запас согласно выслуге лет. Двойное состояние охватило его душу, когда на утреннем построении зачитали приказ об увольнении, и под звуки марша «Прощание славянки», чеканя шаг и отдавая честь своему бывшему командиру, прошел личный состав части. Грустно было расставаться с верными боевыми друзьями, оставлять красивый город, в котором прожил почти два десятка лет. В то же время на глаза наворачивались слезы от мысли, что скоро навсегда вернется на Родину.

...До Ташкента Гайрат с Маратом долетели самолетом, в долину из столицы поехали на такси. За открытым окном неслись мелькали освещенные яркими лучами солнца хлопковые поля, фруктовые сады, большие и маленькие кишлаки. Весенний ветерок освежал лица, весело теребя волосы. Шуршание успокаивало, но нет-нет и мелькало: «Как сложится жизнь на гражданке? Смогу ли я безболезненно найти свое место в ней? В армии-то все проще, там все распределено, предусмотрено: выполняй четко, не ломая голову, и живи себе без проблем...

От этих житейских мыслей отвлек его голос водителя:

– Вот и указанный вами адрес. С возвращением домой, ака!..

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

...Марат занес в подъезд чемоданы и попросился погулять около дома.

Когда Гайрат вошел в квартиру (здесь он не был со дня похорон), каждая вещь вызвала цепную реакцию воспоминаний. Вот здесь мама ходила, по этим самым зеленым ковровым дорожкам, по которым теперь ходит он. Вот тут, на краешке дивана сидела, когда вечерами смотрела телевизор или читала книгу. Конечно же прикасалась к столу, подоконнику, дверям, может быть, где-то еще остался след ее пальцев?

В спальне на письменном столе увидел раскрытый, видимо, еще ею сборник афоризмов и высказываний великих людей «Разум сердца». Нажал на кнопку светильника и тут же погасил его. Потом присел на кровать, где обычно спала мама, и, не сдерживаясь, разрыдался. Перед ним предстали мамины добрые светло-серые глаза, и донесся ее родной голос: «Сынок, откуда в тебе столько пессимизма?» Он мысленно ответил ей: «Раньше, приезжая сюда, я чувствовал себя безумно счастливым. Теперь же упал духом потому, что нет больше рядом тебя». Мама тепло улыбнулась и сказала: «Не грусти, сынок, в твоей жизни произошло самое важное событие: ты вернулся к своим истокам...»

На душе у Гайрата просветлело. «Действительно, что я скис? – подумал он. – Я еще крепок и полон сил, а это значит, что смогу отдать долги и той земле, на которой родился и вырос!..»

В комнату вбежал запыхавшийся и взволнованный чем-то Марат и, обратившись к Гайрату, поторопил его:

– Скорее идемте за мной, я нашел ее, она здесь!

– Кто? – не понял тот, однако вскочил с кровати, чтобы последовать за мальчиком.

– Как кто? – удивился Марат. – Та, которую мы ищем!

Они выбежали со двора, пересекли дорогу и оказались у Дворца культуры, афиша которой оповещала о предстоящих гастролях известной исполнительницы русских романсов Анастасии Лобажинской...

философия искусства

**Владимир
КАРАСЕВ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

ОЧАРОВАННАЯ НОСТАЛЬГИЕЙ

Эссе

*Во всем мне хочется дойти до самой сути.
В работе, в поисках пути, в сердечной смуте.*

Б. Пастернак

Если попробовать обозначить имманентно присущую творчеству Людмилы Садыковой черту, то ею окажется, на удивление прагматикам, не тематическая направленность, а общий характер, дух ее работ, их стихийная природа. Разумеется, это не столько стихийность природных явлений, сколько стихия возникновения и исчезновения, утверждения, ускользания, созидания и распада, рождения и претворения.

Напрасно кто-то пытался убедить меня, что картины Людмилы Садыковой – это, по сути своей, «женское искусство». Ну разве что они материализованы женщиной. В ее картинах нет той женской импозантности, которая сопутствует смысловым изыскам этой категории художников, так выпячивающе ярко проявившейся в картинах Зинаиды Серебряковой или в нарочито грубых, как будто протестных «*emancipate*», лепных мазках ваятеля Веры Мухиной.

В полотнах же Садыковой присутствует сама животворящая Элегия, которая присуща по жизни не только женским натурам. Элегантность плюс изысканный шарм утонченной интеллектуальности. Именно в этом и заключается индивидуальность творчества Людмилы Григорьевны.

Вот ее полотно «Краски осени» (1998 г.), в котором отчетливо проявляется влияние авангардной атмосферы, царившей в душанбинском художественном училище в середине прошлого века, где постигала азы художественного языка Людмила Григорьевна. Именно эта «школа» дала путевку в жизнь очень мощным, талантливым и неординарным среднеазиатским художникам. В семидесятых годах Ташкентский театрально-художественный институт им. А. Островского был более

склонен к европейскому академизму. Однако Садыкова и в эти годы обучения не расставалась – подспудно – с теми константами, которые были заложены в ней со времен учебы в Душанбе.

Все это ярко отразилось затем в ее работах «Вольный ветер», «Заход солнца. Крым», «Светлый пейзаж». Ее привлекает не закон сохранения, а прихотливое проявление превращений формы, непрерывный процесс метаморфоз. Именно с тех самых «шестидесятых времен» Садыкова стала вносить свое понимание таинства жизни, в которой видится мучительная тоска по нравственному идеалу.

Картина «Девушка в интерьере» позволила взглянуть на творчество Садыковой как на продолжателя в современном контексте живописи Валентина Серова. И здесь нет и намек на какие-то ремейки былых тем. Нет. Это такой своеобразный импрессионизм, от которого появляется чувство чистоты, востребованности в общении. Это миг растворения натуры в бытии.

Образы героинь полотен «Композиция» (1997), «Осень» (1998), «Дама в черном» навеяны не только антуражем изысканности, но и ожиданием несбывшегося, которое обязательно случится. Помните вы этот дух у Александра Грина? Этот мир романтического символизма, кажется, навсегда захватил творческое мироощущение художницы.

Садыкова намеренно чурается «красивости» в своих полотнах. Пишет она темпераментно, достаточно рельефными, сильными разноцветными мазками. Они точно и крепко лепят форму. Нет в этих мазках размашистости и расплывчатости, которая так модна сейчас. Но главное – такая манера письма, безусловно, придает особую выразительность красочной поверхности картин.

Вот полотно «Вольный ветер»: палитра цвета подобрана в такой динамике, что ощущение порыва, стремительности и овеваемой прохлады буквально физическое.

Нет в ее работах (если, конечно, их можно назвать «жанровыми») довлеющей повседневной суеты. Только мысль и цвет, который передает настроение. И нет в них и намек на декоративность. Но удивительно совсем другое: как Садыковой удастся даже широкими, уверенными мазками вывести на холсте изысканную утонченность?! В ее картинах «Мелодия», «Ожидание. Легкий бриз» смелые, поставленные мазки выписывают гамму чувств изображенных. Все просто, все логично и в то же время в какой-то гармонии с настроением. А иногда кажется, что изображения цветов появляются как жест отдохновения, когда в игре и природной комбинации цветовых пятен можно попробовать иные касательные гармонии восприятия. Но они все равно так и остаются чужими ей, ее искусству, ее желаниям. Только вот натюрморты, как роздых души и как незаконченный разговор, развивают ее творчество. Полотно «Утро», на мой взгляд, и есть яркий показатель душевной философии Садыковой без надуманной, гламурной декоративности.

Качества эти с очевидной наглядностью проявились в произведениях, созданных Садыковой в период с 1990 по 2010 г. Какая-то неожиданная, утонченная, интеллигентная красота навсегда поселилась в полотнах Людмилы Григорьевны.

Очень часто в работах Людмилы Садыковой красочный фон как бы закрывает движение пространства в глубину, разворачивая его вверх. Размещение основных пластических масс создает ощущение уравновешенности, спокойствия, подчеркивает устойчивость мира, в котором обыденная ситуация приобретает особенную завершенность, значительность, красоту. Такой прием был избран художницей, когда она писала работу «Осеннее настроение. Ожидание». Возвышенная теплота чувств оказывается в гармонии с природой. В картине «Осень в горах» прием двойного взгляда, так любимый нидерландцами, – фронтально перед собой и с некоторой высоты – только подчеркивает масштабы и красоту мира, в котором живет на картине женщина, ведущая теленка.

Какая-то нерешительная и приглушенная мелодия вдруг нет-нет и проскользнет в ее полотнах! В работе «Вечер» эта тень сомнения вроде поглощает мир вокруг. В раздумье человек идет будто за уходящим, но вот что это самое уходящее? Солнце дня? Возможно, а возможно, и целая жизнь!

У Людмилы Садыковой стойкий иммунитет к синдрому снобизма. Со свойственным ей романтизмом она обращается очень часто к натюрморту как к жанру, который вобрал в себя громадную харизму символизма. «Натюрморт с белыми розами и Лилией» стал настоящей романтической поэмой, где Незнакомка, недоступная и своенравная, показывает зеркало, в котором отражена ее душа. Этой теме вторит и букетик цветов в белой вазе с картины «Мелодия». Практически монохромная живопись на этом полотне превращена в самую настоящую поэму о чувствах и переживаниях героини. Вот он «язык символизма», переложенный на холст и сразу получивший оттого объемное воплощение.

Картина «Ностальгия. Автопортрет», созданная под мощным внутренним проявлением осознанности выбора между опытом своей жизни и стремлением к неизведанности окружающего мира, уводит от повседневности в ту открывающуюся Вселенную, которая располагается за гранью реальности. В уходящей фигуре можно узнать автопортрет художницы, но это такая условность, за которой стоят размышления о смысле жизни, об идеалах и путях преодоления внутренней самоуспокоенности. Еще одно полотно с таким же почти названием – «Ностальгия» – наполнено этим же непреходящим толением, на котором – Дама в изумительно-волнующей шляпке, сидящая за столиком в парковой беседке. Перед ней стакан и спелая груша. Рука поддерживает милую головку. Взгляд, утомленный ожиданием.

Обращает на себя внимание и холст «Разговор о сокровенном», на котором изображены две женские фигуры, уходящие в весеннее завихрение. Тема их беседы настолько увлекательна, что, подхваченные расцветающим природным водоворотом, они и не замечают, как сами становятся частью этого гимна природе. Все составляющие сюжета вписываются в единый ритм, в единую цветовую гамму. На этой картине – гармония. Гармония радостного ожидания, жизни и откровения.

Изумительно полотно «Старая мелодия моих цветов», в котором соединились и авангардные решения кубофутуристов, и изысканный шарм сюрреализма, и изыски дадаизма. Но краска ложится такими мазками, которые, как

говорят, практически «неподъемны» даже для многих маститых художников. Это кисть мастерства и опыта.

Иногда нет-нет и проявится в ее работах тот «авангард», которым были захвачены в свое время Карахан, Петров-Водкин, а также поздний Малевич. Такие полотна, как «За водой», «Сбор урожая», «Осень в горах» или «Осеннее настроение», как нельзя нагляднее вписываются в законы эстетики, которая сохранилась с «серебряных» времен становления среднеазиатского искусства. Иногда кажется, что это искусство сегодня более востребовано, более полно отражает атмосферу прогрессивного движения. Абсолютным авангардом можно считать ее работу «Улетающие птицы». Но эта вещь может рассматриваться только через призму попыток ошутить новые цветовые рубежи. Через год родилось полотно «Гранатовый сад», где Людмила Григорьевна опробовала эту манеру в более реалистической форме.

Завершая, хочу обратить внимание на ее работу «Композиция. 77». Можно было бы сказать, что эта работа выполнена в «живописной монохромной манере». И впрямь, преобладание коричневого цвета, его оттенков создает такое впечатление. Но самое примечательное, что когда не видишь полотно, а вспоминаешь, то ощущение солнечного дня, разноцветье неотступно преследуют память. Но не только это. Героиня сюжета как будто останавливает время от распада и разрушения, от хаоса чувств и нерешительности действия. Глядя на нее, зрителю самому хочется быть не только «хорошим и интересным», но и самостоятельным, способным достойно пережить любые катаклизмы эпохи...

Один из самых смелых новаторов в современном искусстве – Игорь Стравинский, композитор и творец самого высшего ряда Гармонии, – рассуждал так: *«Не пытались ли Элиот и я сам ремонтировать старые корабли?.. Настоящим делом художника и является ремонт старых кораблей»*. Пытаться ремонтировать старые корабли: возвращать к жизни заброшенные небрежными (или отвлекшимися на нечто более «современное») потомками стилевые традиции, темы; углублять, подхватывая, художественные идеи прошлого, давно выглядящие «наивными» поверхностному взору, означает возвращать нашему времени культуру ушедших времен, иными словами – это благородное и необходимое дело. Будет ли это поэтика бытийных или небытийных ритмов – трудно предсказать. Но несомненно одно – это будет большое откровение, которое еще сберегается в чарующих полотнах Людмилы Садыковой.

караван истории

**Рубен
НАЗАРЬЯН**

Родился в 1947 г. Автор многочисленных научных, научно-популярных и художественных произведений. Преподаватель Самаркандского госуниверситета. Участник и лауреат международных конференций и конкурсов.

ПОД СЕНЬЮ ВЕЛИЧИЯ И НЕИЗВЕСТНОСТИ

(к 125-летию со дня рождения Сергея Калмыкова)

История любого города всегда связана с обитавшими в нем людьми. Иногда их имена общеизвестны и громки, иногда значение их не выходит за пределы областного ареала. Самарканду же в этом отношении повезло – с этим городом срослись судьбы множества весьма известных в мире людей. Причем некоторые из них стали знаменитыми лишь после смерти. Многие практически неизвестные нынешнему поколению самаркандцы оставили свой яркий след в богатой истории славного города. Вниманию читателей предлагается рассказ об одном из них...

«Я РОДИЛСЯ НЕ ГДЕ-НИБУДЬ, А ИМЕННО В САМАРКАНДЕ...»

Электронный справочник «Википедия» немногословен: «...малоизвестный и непризнанный в течение жизни и практически всеми заброшенный в её конце Калмыков в настоящее время считается одним из важнейших представителей русского авангардного искусства, автором более полутора тысяч картин, рисунков, иллюстраций, театральных декораций и литературных текстов». Добавим, что художник этот был единственным из мастеров Серебряного века, дожившим до конца шестидесятих годов прошлого столетия. Произведения Калмыкова не имеют прямых аналогий в истории мирового искусства: будучи современником Шагала и Кандинского, он сумел продемонстрировать собственное видение мира, свою оригинальную манеру письма, создал оригинальный стиль живописи, иногда именуемый «фантастическим экспрессионизмом»...

Сергей Иванович Калмыков родился в 1891 году в Самарканде в семье «русских туркестанцев» – скромных мешан из города Чугуева Ивана Емельяновича и Анны Емельяновны. Небезынтересно, что этот небольшой городок на Харьковшине был родиной выдающегося мастера русской реалистической живописи Ильи Репина. И хотя Сережа прожил в Самарканде весьма недолго, причудливые и загадочные восточные мотивы, яркие воспоминания о Туркестане надолго сохранились в его детском сознании. А Самарканд, как неоднократно признавался сам художник, навсегда остался его «внутренней родиной».

Спустя годы он писал в своей автобиографии: «Я не терял времени даром! С рождения я торопливо поглощал

окружающие меня явления. Главным образом их видимую сторону. И первым делом – их стилевую данность. Мне посчастливилось: я родился в последнем десятилетии девятнадцатого века, и не где-нибудь, а именно в Самарканде, столице Амира Темура, украшенной шедеврами арабского стиля.

С. И. Калмыков

Видел ли я самаркандские старинные мечети и руины и старый город – не знаю! Я был в Самарканде совсем маленьким... Но мне мерещатся вечерние закаты и мечеть, освещенная солнцем, и бухарцы, и минареты. Я их не помню, а может быть, они были самыми сильными первыми моими впечатлениями». Уже в 1939 году, продолжая и развивая эту важную для него тему, Сергей Иванович записал в своем дневнике: «Таким образом, к сведению будущих историков и певцов моей жизни я отмечаю: *тень Амира Темура крылом своей славы коснулась и меня*».

Вскоре семья Калмыковых переезжает в Оренбург, где Иван Емельянович получает место управляющего транспортным обществом. Здесь еще в дошкольном возрасте мальчик и начал рисовать. Окружающий мир воспринимался им как таинственный и беспокойный: «В детстве все улицы казались мне крайне сложными и хаотичными. Это легкое терзание и беспокойство от хаотичности способствовали впоследствии моим усиленным попыткам дать художественный отчет об оренбургских улицах». Относительное благополучие семьи продолжалось недолго: когда Сереже было семь лет, умер его отец. Несмотря на ряд довольно серьезных обстоятельств, осложнивших жизнь Калмыковых, Сергей и его братья сумели все же получить начальное образование и стали подумывать о дальнейшей карьере.

В 1910 году – 19-летним юношей – Сергей уезжает в Петербург и поступает в частную художественную школу Е. Н. Званцевой. В этом учебном заведении тогда преподавали известные российские живописцы Л. Бакст, М. Добужинский и К. Петров-Водкин. Однако, проучившись здесь несколько месяцев, юноша из провинции без особых на то мотивов покидает школу и удаляется на время в Оренбург, где всецело отдается живописи. Осенью следующего 1911-го года Калмыков возвращается в столичную школу совершенно «новым человеком».

Тогда же Сергей пишет свою картину «Купание на закате солнца» // «Красные кони», которая, как не без оснований полагают искусствоведы, вполне могла послужить прообразом знаменитого полотна К. Петрова-Водкина «Купание красного коня», датированного 1912-м годом. Проучившись в школе Званцевой до 1914 года, молодой художник Калмыков, резко выделявшийся даже на фоне богемно-студенческой среды тех лет, замкнулся в себе и стал вести странную, сумбурную и малопривлекательную для других жизнь.

Начавшаяся мировая война повлияла на судьбу С. Калмыкова. В 1915 году его должны были призвать на воинскую службу, но «почему-то не взяли». Призван в армию (куда едва ли стремился) он был лишь в начале 1916 года. Служил Калмыков в тылу, на окраине Оренбурга, так и не попав в военную мясорубку. В это время он много читал и продолжал рисовать. Спустя полтора года, Сергей был демобилизован из частей генерала Дутова и продолжал жить в Оренбурге. Перебивался нерегулярным участием в художественных выставках и жил случайными заработками (оформлял цирк, вел занятия в изостудиях, рисовал революционные плакаты и т. д.). Однако провинциальная жизнь тяготила живописца, и через какое-то время он уезжает в Москву. В столице Сергей Иванович устроился декоратором в театре и цирке, вел изокружок в 18-ой пехотной школе командного состава, в течение нескольких лет служил художником-постановщиком передвижной оперы, гастролировавшей по Средне-Волжскому краю. В это же время Калмыков начал писать. Среди литературных произведений можно выделить ориентальную пьесу «Ала-эд-дин-Джувели».

Продолжая заниматься живописью, Калмыков выставлял свои картины (вместе с другими художниками) в обществе «Жар-цвет», но после ужесточения сталинского режима стал творить уединенно. Всю мишуру советской действительности мастер считал явлением временным и все больше дистанцировался от нее, сохраняя при этом внутреннюю свободу. Живописец продолжал творить, оставаясь, по сути, «ярким свободным пятном в пространстве улиц и площадей». Осознавая масштаб своего дарования и сожалея, что советская действительность не дает ему развернуться, Калмыков в 1931-м году вписывает в личный дневник фразу: «У меня острое ощущение, что в СССР сейчас самый гениальный человек – я!»

В РОЛИ ГОРОДСКОГО СУМАСШЕДШЕГО

В 1935 году свирепствовала сталинская цензура, началась тотальная чистка рядов интеллигенции. Калмыков, ощущая нависшую над ним угрозу, принимает решение переехать из Санкт-Петербурга на далекую окраину страны – в провинциальную Алма-Ату, где сразу же устроился художником-декоратором в казахский Национальный театр оперы и балета им. Абая. Здесь, вдали от всевидящего ока, Калмыков развил бурную деятельность: он не только оформляет спектакли, но и пишет для театра фантастические сценарии, иллюстрирует их, создает проекты художественных мастерских и балетных репетиционных залов, пишет полюбившиеся ему алма-атинские пейзажи.

При его участии были оформлены оперы «Аида», «Князь Игорь», «Фауст», «Глория Тоска». В 1936 году он вступает в члены Союза советских художников Казахстана, с 1937 года работает художником-исполнителем, принимает участие в оформлении национальных опер, создает великолепные декорации к операм «Кыз-Жибек», «Биржан и Сара», ведет самостоятельную художественную работу по рисунку, живописи и гравию, активно участвует почти во всех проводимых Союзом художников выставках.

Подобно факиру, волшебнику или магу, Сергей Калмыков из обычных вещей легко мог создать настоящее чудо. Его декорации к спектаклям в театре превращали обычное представление в необыкновенное по яркости шоу, поэтому не удивительно, что зрители всегда с нетерпением ждали появления его новых работ в театре. Вся его жизнь – это театр, и художник щедро декорировал ее всеми доступными его разуму средствами.

Он сшил себе широкие яркие штаны и красный берет, чем-то напоминавший «летающую тарелку», называл себя «последним авангардистом первого призыва» и специально рядился в сумасшедшего, но не для себя, не для людей, а для всей Галактики.

Экстравагантное поведение Калмыкова поражало окружающих, и довольно скоро за ним укрепилась слава «городского сумасшедшего». Он много рисует, пишет, но не выставляется, не публикуется, не продает свои работы. Живет впроголодь, красноречиво объясняя это тем, что придумал рациональную систему питания, которая включает в себя только хлеб и разбавленное молоко, причем холодное. При этом он настоятельно убеждал всех, что горячее питание вредит здоровью, а электрический свет портит зрение, поэтому сам часто писал при свече и жил в темноте, экономя на всем. В театре его выходы терпели с трудом, но любили и жалели. Тем не менее приспособиться к существовавшей и претившей его свободолюбивой натуре ханжеской советской морали Калмыков не мог и потому в начале 50-х годов вынужден был уйти из Оперного театра и Союза художников.

Совершенно не приспособленный к жизни, живописец едва сводил концы с концами, зарабатывая на хлеб насущный от случая к случаю. Дабы подчеркнуть свою индивидуальность, он вставил в пальто, подаренное коллегами, какие-то немыслимые клинья, выкрасил голову черной масляной краской, бродил по улицам с двумя сумками через плечо: в одной неизменно помешалась бутылка молока, булка и тетради для записей, а в другой – принадлежности для рисования. Брюки Сергея Ивановича были сшиты им из разноцветного портьерного бархата, на голове красовалась шапочка с кисточками или пышно-причудливый берет. Несмотря на свои странности, Калмыков оставался

С. Калмыков.
Автопортрет.

вполне интересным собеседником. Этот непризнанный гениальный художник стал в глазах обывателей своеобразной достопримечательностью Алма-Аты.

Как-то нищий и вечно недоодевающий Сергей Калмыков получил заказ на изготовление портрета Никиты Хрущева для столовой железнодорожного депо. «Хлебная» работа была выполнена им мастерски, в классическом стиле: на холсте Никита Сергеевич выглядел «как живой». Довольные заказчики уже собирались повесить картину на стену в своей харчевне, когда обнаружился кошмарный подвох: вместо золотой звезды Героя СССР на лашкане Генерального секретаря болталась на красной муаровой ленточке... муха! По тем временам это была вовсе не шутка, а политическая диверсия! От неминуемой тюрьмы Калмыкова спасла лишь устойчивая репутация городского сумасшедшего.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ

Яркая неординарная личность Сергея Калмыкова стала известна европейскому читателю после публикации диссидентского романа Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей», в котором впервые появились сведения о художнике. Роман этот, естественно, был запрещен в Союзе, потому его издали сначала в Париже (1978 г.), а уж затем, в 1988 году, в период горбачевской перестройки, – в СССР (журнал «Новый мир»). В последующие три года он несколько раз большими тиражами издавался отдельной книгой в различных городах.

Вот как был запечатлен Калмыков в этом романе: «Когда художник появлялся на улице, вокруг него происходило легкое замешательство. Движение затормаживалось. Люди останавливались и смотрели. Мимо них проплывало что-то совершенно необычайное: что-то красное, желтое, зеленое, синее – все в лампасах, махрах и лентах. Калмыков сам конструировал свои одеяния и следил, чтобы они были совершенно ни на что не похожи. У него на этот счет была своя теория. «Вот представьте себе, – объяснял он, – из глубины вселенной смотрят миллионы глаз, и что они видят? Ползет и ползет по земле какая-то скучная одноцветная серая масса – и вдруг как выстрел – яркое красочное пятно! Это я вышел на улицу».

И сейчас он тоже был одет не для людей, а для Галактики. На голове его лежал плоский и какой-то стремительный берет, на худых плечах висел голубой плащ с финтифлюшками, а из-под него сверкало что-то невероятно яркое и отчаянное – красное – желтое – сиреневое.

Художник работал. Он бросал на полотно один мазок, другой, третий – все это небрежно, походя, играя – затем отходил в сторону, резко опускал долу кисть – толпа шаркалась, художник примеривался, приглядывался и вдруг выбрасывал руку – раз! – и на полотно падал черный жирный мазок. Он прилипал где-то внизу, косо, коряво, будто совсем не у места, но потом были еще мазки, и еще несколько ударов и касаний кисти – то есть пятен – желтых, зеленых, синих – и вот уже на полотне из цветного тумана начинало что-то прорезаться, сгущаться, показываться. И появлялся кусок базара: пыль, зной, песок, накаленный до белого звучания, и телега, нагруженная арбузами. Солнце размыло очертания, обесцветило краски и стесало формы. Телега струится, дрожит, расплывается в этом раскаленном воздухе. Художник творит, а люди смотрят и оценивают. Они толкаются, смеются, подначивают друг друга, лезут вперед. Каждому хочется рассмотреть получше. Пьяные, дети, женщины. Людей серьезных почти нет. Людям серьезным эта петрушка

ни к чему! Они и заглянут да пройдут мимо; “Мазило, – говорят о Калмыкове солидные люди, – и рожа дурацкая, и одет под вид попки! Раньше таких из безумного дома только по большим праздникам к родным отпускали” ... Культурный дядька еще постоял, покачал головой ... и ушел, сердито и достойно унося под мышкой черную тугую трубку – лебединое озеро на клеенке.

Попал я к нему ... через четверть века ... Я совсем забыл о художнике Калмыкове. Знал только, что из театра он ушел на пенсию, получил однокомнатную квартиру где-то в микрорайоне (а раньше жил в каком-то бараке), питается только молоком и кашей (он заядлый вегетарианец)... Я заметил, что он похудел, пожелтел, что у него заострилось и старчески похудело лицо ... А было на нем что-то уж совершенно невообразимое – балахон, шаровары с золотистыми лампасами и на боку что-то вроде бубна с вышитыми на нем языками разноцветного пламени ... Он стоял около газетного киоска и покупал газеты. Великое множество газет, все газеты, какие только были у киоскера. Я вспомнил об этом, когда на третий день после смерти художника вошел в его комнату. Газет было великое множество. Из всех видов мебели он знал только пуфы, сделанные из связок газет. Больше ничего не было. Стол. На столе чайник, пара стаканов и все... Из газетных связок он составлял диваны, кресла, стулья для гостей, а на столе писал... Все стеллажи были прямо-таки набиты гравюрами, акварелями, карандашными рисунками, фантастическими композициями, которые в течение полувека... создал этот необычайный художник. Человек, всецело погруженный в мир своих сказок и всегда довольный своей судьбой».

Личность Сергея Ивановича заинтересовала и израильского писателя Давида Маркиша, который долгие годы занимался исследованием творчества художника и отмечал, что «с течением времени он сделался уникальной частью алма-атинского городского пейзажа, наподобие птички-колибри в сибирской тайге».

Встречаться с этим удивительным человеком довелось и известному казахскому поэту Олжасу Сулейменову, который так его описывал: «Появление “пижона” Калмыкова на улицах воспринималось нами как счастливый ожог: широченные штаны, раскрашенные акварелью под закат, оготело желтый сюртук, буро-седые волосы по плечам и в довершение ансамбля – необъятная бескозырка – без лент, но с красным верхом, похожая на летающую тарелку».

Полагая, что он все может, знает и умеет, Сергей Калмыков писал заметки для своего предполагаемого Энциклопедического словаря, где перечислял десятки творческих и ученых профессий, которыми якобы владел: «художник, живописец, рисовальщик, график и скульптор, декоратор, буквopiсeц, лектор, искусствовед, египтолог, певец Оренбурга, изобретатель, эксцентрик, эклектик и т. д.».

Действительно, помимо картин он писал романы, притчи, афоризмы. Литературное творчество мастера было столь разнообразно, что сегодня трудно понять, кем он в первую очередь себя считал – живописцем или писателем. Наблюдательность и склонность к обобщениям позволили ему обогатить эту своеобразную «писательскую коллекцию» различными космогоническими описаниями и фантастическими проектами. В одном из его сборников все записи шли в строго алфавитном порядке. Так возникла так называемая Алфавитная книга, где каждая буква – рисунок, а каждая страница заключает в себе законченную композицию. Все без исключения тексты в книгах исполнены от руки, дальше Калмыков сам переплетал, прошивал и брошюровал их как умел.

ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА ХУДОЖНИКА

Весной 1967 года Сергей Иванович был госпитализирован в психиатрическую больницу. «Скорую помощь» вызвали соседи, учувшие запах дыма из его квартиры: живший крайне неопрятно художник отключил свет и газ, пытался поджечь бумаги. Медики заподозрили в этом деянии попытку суицида и сразу же укупили старика в сумасшедший дом.

Питавшийся много лет молоком да булками, он не без опаски садился теперь за больничный стол с горячей пищей и через минуту уплетал еду за обе щеки: «Никогда не думал, что это так вкусно!» Однако возраст и многолетний аскетический образ жизни сделали свое – он день ото дня слабел и 27 апреля вечером скончался от сердечно-сосудистой недостаточности. Где находится его могила – и поныне неизвестно. И хоть у художника при жизни было несколько близких друзей, умер он в полном одиночестве...

Картины выдающегося мастера долгое время лежали в запасниках музея в Алма-Ате, множество работ оказалось за пределами страны. Сегодня многочисленное наследие Сергея Калмыкова, наконец-то оцененное по достоинству, считается национальным достоянием Казахстана.

Основная часть художественного наследия С. И. Калмыкова ныне хранится в Государственном музее изобразительных искусств Казахстана имени А. Кастеева. Небольшое количество его работ – в Оренбургском государственном музее и в ряде частных коллекций. Работы художника есть и в Фонде Сергея Калмыкова, созданном в США (штат Калифорния), у израильского писателя Давида Маркиша, а также в Москве – у наследников писателя Юрия Домбровского. Несколько картин мастера выставлены в собрании Российского государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина, а более 70 его работ принадлежат частной московской художественной галерее «Новый Эрмитаж-Один».

В Центральном государственном архиве Казахстана хранятся графические рисунки, эскизы театральных декораций, более 100 матриц черно-белых и цветных гравюр, выполненных преимущественно на картоне, и рукописи, состоящие из дневниковых записей, воспоминаний и отдельных сочинений. Эти материалы дают определенное представление о творческом пути художника.

Имеющийся фонд, несомненно, – ценнейшее достояние архива. В большом количестве дневников, хранящихся там, Калмыков предстает не только талантливым, своеобразным художником, но и писателем, ярко и образно описывающим сам процесс создания своих произведений, и философом, бьющимся над разгадкой тайны жизни... Зачастую его высказывания сродни афоризмам, они и ныне радуют читателя свежестью и глубиной мысли...

В его материалах есть запись: «Есть мастера не от мира сего. Но это – случай особый. Русский. Мистический». Что имел в виду мастер, когда писал эти строки? Ясно одно, что историкам, исследователям его творчества, да и обычным людям, желающим прикоснуться к произведениям живописца, еще не раз предстоит покопаться в его записях, чтобы понять тот глубокий смысл, который пытался донести до нас этот странный, неутомимый, но всегда стремившийся познать истину наш соотечественник – художник Сергей Иванович Калмыков!

переводы

**Лукреция Пибоди
ХЕЙЛ**

(1820 – 1890)
Американская писательница и журналистка. Родилась в Бостоне, штат Массачусетс. Автор многочисленных сборников рассказов, статей, нескольких романов: «Что в лоб, что по лбу» (1872), «Волк за дверью» (1877), «Записки Петеркиных» (1880), «Последние Петеркины с другими из их родни» (1886).

ЗАПИСКИ ПЕТЕРКИНЫХ

Фрагменты из романа

ЛЕДИ, КОТОРАЯ ПОЛОЖИЛА СОЛЬ СЕБЕ В КОФЕ

Это была миссис Петеркин. Это была ошибка. Она налила себе чашку восхитительного кофе, взяась со сливками, вдруг обнаружила, что вместо сахара положила в кофе соль! Получилось невкусно. Как ей следовало поступить? Конечно, пить кофе она не могла. Поэтому она позвала все семейство, поскольку за поздним завтраком всегда сидела одна. Все испробовали, выразили убеждение, что нужно что-то предпринять, и уселись в раздумье.

Наконец Агамемнон¹, который посещал колледж, сказал: «Почему бы нам не сходить к химику и не спросить у него совета?» Тем более что химик жил неподалеку и был очень умным человеком.

Миссис и мистер Петеркин сказали: «Очень хорошо», и все дети сказали, что пойдут тоже. Поэтому маленькие мальчики надели свои ботинки из индийской резины, и все они вышли в путь.

Именно тогда химик пытался найти нечто, обращающее все в золото при прикосновении. У него была большая стеклянная бутылка, в которую он сложил множество золотых и серебряных изделий, расплавил их на огне и получилось почти то, что он хотел. Он истратил все золото, какое нашел в доме (а оно было очень дорогим), использовал даже золотой наперсток своей жены, золотые душки очков своего прадедушки, набалдашник трости прапрадедушки, а в момент, когда появились Петеркины, он как раз стоял на коленях перед своей женой, умоляя отдать ему ее обручальное кольцо, чтобы расплавить, потому что именно сейчас ему уже якобы известно, что он добьется успеха и сможет все обратить в золото, и она сможет получить новое обручальное кольцо с бриллиантами и изумрудами, рубинами и топазами, и вся мебель у них будет обращена в самое прекрасное золото.

Его жена уже почти согласилась, как вдруг ворвались Петеркины. Можете себе представить, как он взбесился! Он чуть не швырнул в них свой тигель (так назывался его плавильный горшок). Но не сделал этого. Как можно

¹ Старший сын в семье Петеркиных.

спокойнее он выслушал историю о том, как миссис Петеркин положила себе в кофе соль. И сначала он сказал, что в этом деле ничем помочь не сможет, но когда Агамемнон пообещал, что они заплатят золотом, если он поможет им, он упаковал свои бутылочки в кожаный саквояж и отправился с семейством.

Сначала он внимательно рассмотрел кофе, затем помешал его, положил немножко хлористого калия и попросил попробовать всю семью. Вкус не улучшился. Тогда он подмешал капельку бихлората магния, миссис Петеркин это не понравилось. Тогда он добавил винной кислоты и гиперсульфата извести. Но лучше не стало. «Нашел! – воскликнул химик. – Немного аммиака – вот что нужно!» Нет, оказалось – совсем не то.

Тогда он попробовал по очереди кислоты: шавелевую, цианистую, уксусную, фосфорную, хлорную, соляную, серную, борную, кремневую, азотную, азотистую, муравьиную, угольную. Миссис Петеркин испробовала полученное и отметила, что запах приятен, но на кофе не похоже – это точно. Химик попробовал немножко кальция, алюминия, бария, стронция, чуть-чуть чистого битума, половину трети шестнадцатой доли грана мышьяка. Это способствовало появлению приятного цвета, но миссис Петеркин и на этот раз сказала, что на вкус это не кофе, а нечто иное. Химик был обескуражен. Он добавил немного белладонны и атропина, гранулированной перекиси, поташа и совсем немножко сурьмы, а закончил шепоткой простой соды. Однако миссис Петеркин так и не была удовлетворена.

Химик сказал, что все, что он сделал должно вывести соль, но эксперимент не удался. Возможно, чуть-чуть крахмала даст эффект. А если нет, то его время истекло. Похоже, что ему пора получить оплату и отправляться восвояси. Семья была им довольна и предложила оплату золотом. Мистер Петеркин выяснил курс золота. Получилась прелестная маленькая сумма. Агамемнон уселся отсчитывать ее. Но на столе была злосчастный кофе! Все сели и ненадолго задумались, пока Элизабет Элиза не предложила: «А почему бы нам не обратиться к женщине, продающей лечебные травы?» Элизабет Элиза была единственной дочерью. Она получила имя в честь двух своих тетушек – Элизабет (сестра отца), Элиза (сестра матери). Травница была пожилой женщиной, которая бродила по окрестностям, собирая травы, и много чего знала. Все обрадовались, а Соломон Джон и младшие дети приняли решение немедленно искать травницу, надели ботинки из индийской резины и отправились в путь.

Прогулка к дому травницы через всю деревню была долгой, но наконец они подошли к ее дому у подножия высокого холма. В маленьком садике у дома росли бархатцы и шток-розы – «старые девы» – и высокие подсолнухи и все виды прекрасно пахнущих трав, так что воздух был напоен ароматами. Через арку висела хмель. Вишневые деревья затеняли дверь, и пышные заросли ягод с прелестными плодами буйно произрастали напротив окна. Они вошли в маленькую гостиную. Везде были развешаны пучки трав, маленькие сумочки, заполненные котовиком и мятой, засушенные стебли свисали с потолка, а на полках были баночки с ревенем, сенной, манной и тому подобным.

Но маленькой старушки там не было. Она отправилась в лес за дикими травами, и тогда они решили пойти следом – Элизабет Элиза, Соломон Джон и маленькие мальчики. Путь предстоял нелегкий. Наконец они обнаружили маленькую старушку, узнав ее по шляпке, которая была увенчана несуразной пирамидой. Они рассказали ей свою историю о том, как их мама положила соль в кофе и как химик вместо того, чтобы его очистить, сделал еще хуже, и мама не смогла выпить кофе. Они пригласили ее к себе посмотреть, что можно сделать. Она согласилась,

взяла свой старый маленький передник с многочисленными карманами, всегда наполненными болотной мятой, и пошла к своему домику. Там она набила свои карманы огромных размеров всеми видами трав: взяла немного пижмы и мяты, семья тмина и укропа, кудрявой мяты и гвоздики, болотной мяты и сладкого майорана, базилика и розмарина, дикого тимьяна и немного тимьяна садового, котовика, валерианы и хмеля. Упаковав все и взяв свою палочку, она отправилась вместе с детьми. К этому времени терпение миссис Петеркин почти лопнуло.

Войдя, маленькая старушка поставила кофе на огонь и начала подмешивать к нему разные травы. Сначала она положила немного хмеля для горечи, потом попробовала немного корня касатика и «змеинового корня», потом немного еловой смолы и тмина, немножко укропа и розмарина, немножко сладкого майорана и кислицы, понемногу разных видов мяты, чуть-чуть дикого тимьяна и чуть-чуть тимьяна садового, пижмы, базилика и котовика, валерианы и сассафра, перца и болотной мяты. Дети пробовали после каждой добавки и делали ужасные гримасы, миссис Петеркин то же самое. Чем больше суежилась старушка, тем хуже становился на вкус кофе.

Тогда старушка покачала головой, что-то пробормотала и объявила, что должна идти – кофе заколдовано. Упаковав свои пакетики с травами и взяв свою лопатку, корзинку, она отправилась к своим кустам сассафра, наполовину выкопанным ею. И всего-то взяла в оплату пять центов.

Семья впала в отчаяние, все долго думали. День был уже в разгаре, а миссис Петеркин еще не выпила своей чашки кофе. Наконец Элизабет Элиза сказала: «Говорят, что леди из Филадельфии, которая остановилась у нас в городе, очень умная. Я схожу к ней и спрошу, что предпринять». Все согласились. Это была прекрасная мысль, и Элизабет Элиза отправилась в путь.

Она рассказала леди из Филадельфии всю историю. Леди из Филадельфии внимательно слушала и затем сказала: «Почему бы твоей маме не налить новую чашку кофе?» Удивленная Элизабет Элиза помчалась домой, Соломон Джон и Агамемнон закричали от радости. Вслед за ними завопили маленькие мальчики. «Почему мы об этом не подумали?» – сказала Элизабет Элиза. Все расселись вокруг своей мамы, и она выпила чашку нового кофе.

ПЕТЕРКИНЫ ПЫТАЮТСЯ СТАТЬ УМНЫМИ

Они завтракали за круглым столом и волновались о том, что леди из Филадельфии уехала. «Ах, если бы мы смогли стать умной семьей!» – сказала миссис Петеркин. Но как? Агамемнон посещал колледж, все дети ходили в школу, но умной семью не назовешь. «Ум приходит из книг, – сказал один из семьи, – люди, у которых много книг, очень умные». В их же доме было очень мало книг: несколько учебников и поваренная книга миссис Петеркин – вот и все, что нашлось.

«За дело! – сказал Агамемнон. – Мы хотим библиотеку».

«Мы хотим библиотеку!» – сказал Соломон Джон. Его поддержали все: «Мы хотим библиотеку».

«Давайте подумаем, где ее взять, – сказала миссис Петеркин. – Я заметила, что другие люди очень много думают о том, что нужно подумать».

Все глубоко задумались.

Потом Агамемнон сказал: «Я сделаю библиотеку. В деревянном сарае есть доски, у меня есть молоток и немножко гвоздей и, может быть, мы сможем смастерить полку, а на ней расположим нашу библиотеку».

Все были очень довольны этой идеей. «Но это будет всего лишь книжная полка, – сказала Элизабет Элиза. – А где же книги?»

Они снова задумались, затем Соломон Джон воскликнул: «Я сделаю книгу!» Все удивленно посмотрели на него.

«Да, – сказал Соломон Джон. – Книга сделает нас умными, но сначала я должен сделать книгу».

Они отправились в гостиную и уселись делать книгу.

Но не было чернил. Где их взять? Элизабет Элиза сказала, что она слышала, будто из чернильного ореха и уксуса делают очень хорошие чернила, маленькие мальчики сказали, что они смогут найти такие орехи в лесу. Все договорились отправиться за орехами. Миссис Петеркин надела свою шляпку-капор, маленькие мальчики облачились в свои ботинки из индийской резины, и все отправились в путь.

Найти орехи оказалось делом трудным. В лесу было все, что угодно: и каштаны, и грецкие орехи, и маленькие лесные орешки, полно белок. И им пришлось много блуждать, пока они нашли чернильные орехи. С огромной корзиной, в которой было два чернильных ореха, они помчались домой. Затем встал вопрос об уксусе. Свои последние запасы миссис Петеркин истратила накануне для приготовления свеклы. «Давайте попросим у жены чиновника», – предложила Элизабет Элиза. И они отправились к жене чиновника. Та сказала, что если они хотят получить хороший уксус, то лучше взять бочку сидра, поставить ее в погреб, и через год или два получится изумительный уксус. Но уксус им нужен уже после полудня. Тогда жена чиновника дала им полную чашку.

Смешав уксус с орехами, к вечеру они получили хорошие чернила.

Теперь Соломону Джону понадобилось перо. У Агамемнона было металлическое перо, но Соломон Джон сказал: «Поэты всегда пользуются гусиными перьями». Элизабет Элиза предложила сходить на птичий двор и добыть гусиное перо. Но уже было темно. К счастью, нашлись два фонаря, а маленькие мальчики еще одолжили фонари у соседей. Процессия направилась на птичий двор. Все птицы почивали уже на насестах, и их можно было спокойно рассмотреть. Но среди них не было гусей! Были шанхайские куры, кохинхины, гвинейские куры, бойцовые петухи, польские петухи, бентамки, утки, индюки, но ни одного гуся! «Кроме нас никаких гусей», – остроумно сказала миссис Петеркин, когда они вернулись в дом.

Вид их процессии всполошил всю деревню. «Факельное шествие!» – кричали все мальчишки, собравшись вокруг дома Петеркиных и требуя вывесить национальный флаг. И мистеру Петеркину пришлось пригласить их в дом, дать им сидра и пряников, объяснить, что его семья просто ходила в курятник...

Когда толпа разошлась, Соломон Джон снова уселся поразмышлять над своим сочинением. Агамемнон согласился сходить в книжную лавку, чтобы приобрести перо. Все отправились вслед за ним. Продавец книг как раз закрывал свою лавку, но согласился принести перо, и они поспешили домой.

И Соломон Джон снова уселся. Но теперь не нашлось бумаги, книжная лавка была уже закрыта, мистер Петеркин предположил, что пока еще открыта почта, и, возможно, там ему пришло письмо, и они могли бы использовать конверт. Они отправились на почту и обрадованно загалдели, когда действительно оказалось письмо мистеру Петеркину.

Почтмейстер поинтересовался, почему они шумят, и, когда они объяснили ему, сказал, что сможет дать Соломону Джону целый лист бумаги для его книги. Все обрадовались.

Возвратившись, Соломон Джон взялся за дело, семья расселась вокруг. У него были перо, чернила, бумага. Он обмакнул перо в чернила, занес его над бумагой, подумал минуту, а затем сказал: «До меня не доходит, о чем писать?!»

ПЕТЕРКИНЫ ДОМА

За обедом.

Еще одно происшествие случилось в семье Петеркиных. Это было во время обеда.

Они уселись, чтобы разложить по тарелкам жареную курицу. Половина детей любила жирное, а другая половина – постное. Мистер Петеркин приготовился разрезать курицу. Но курица оказалась необычной. Жирное и постное оказались в разных кусках. Мистер Петеркин начал как обычно раскладывать по возрасту. И тогда Агамемнон, который любил постное, получил жирный кусок, а Элизабет Элизе, которая предпочитала жирное, достался постный кусок. Соломону Джону, который не мог есть ничего, кроме постного, был передан жирный кусок и т. д. Никому не досталось того, что он мог бы съесть.

В семье Петеркиных было правило: никому не следует есть овощи без мяса, а теперь, хотя дети видели перед собой яблочный сок, лимонад и помидоры, сладкую картошку и кислую картошку, но никто не мог ни съесть, ни выпить ни капельки, потому что никого не устраивало поданное мясо. Мистеру в миссис Петеркин одинаково нравилось и постное, и жирное, и они уже хорошенько поели, а когда подняли глаза, увидели, что дети ничего не едят и выглядят очень недовольными.

«В чем дело?» – спросил мистер Петеркин.

Но детей приучили не говорить за столом. Агамемнон, однако, сделал жест в сторону своего жирного куска, а Элизабет Элиза – своего постного и т. д.

«Что теперь делать?» – сказала миссис Петеркин. Немного подумав, продолжила несколько неуверенно: – А что если мы спросим у леди из Филадельфии как поступить?»

Но мистер Петеркин сказал, что ему не нравится ходить к ней по любому поводу. Пусть дети попробуют съесть свой обед, как есть. Они попробовали, но не смогли. «Ну ладно, – сказал мистер Петеркин. – Давайте пойдем и спросим леди из Филадельфии».

«Все вместе?» – закричал один из маленьких мальчиков.

«Да, – сказала миссис Петеркин, – только наденьте свои ботинки из индийской резины». Все вышли из дома.

Леди из Филадельфии как раз собиралась обедать. Но она любезно задержалась, чтобы разобраться в возникшей ситуации. Агамемнон и Элизабет Элиза поведали ей обо всем, и леди из Филадельфии сказала: «Но почему вам не передать жирные куски тем, кто любит жирное, а постные – тем, кто любит постное?»

Они посмотрели друг на друга. Агамемнон посмотрел на Элизабет Элизу, и Соломон Джон посмотрел на маленьких мальчиков. «Как мы до этого не додумались?» – завопили они и помчались домой, чтобы обрадовать мать.

ПЕТЕРКИНЫ ОПАЗДЫВАЮТ НА КОНКУРС

Действующие лица:

Аманда, подруга Элизабет Элизы.

Мать Аманды.

Девушки из выпускного класса.

Миссис Петеркин.

Элизабет Элиза.

АМАНДА (входит с несколькими выпускницами). Мама, конкурс закончился, и я пригласила домой весь класс на легкий ужин.

МАТЬ. Целый класс! Я ждала только нескольких.

АМАНДА. Остальные придут позже, я привела с собой Джулию, Клару и Софи. Слышится голос.

МАТЬ. О нет. Это миссис Петеркин и Элизабет Элиза!

АМАНДА. Опоздали на конкурс. Какой стыд! Но в самый раз к ужину.

МАТЬ *(про себя)*. Мороженого может не хватить.

АМАНДА. Но почему вы так поздно? Вы опоздали на поезд? Девочки, это Элизабет Элиза. Я вам о ней говорила. Какая жалость, что вы опоздали!

МИССИС ПЕТЕРКИН. Мы старались успеть вовремя, сделали все от нас зависящее.

МАТЬ. Вы опоздали на поезд? Разве вы не получили открытку?

МИССИС ПЕТЕРКИН. Мы приехали не поездом.

АМАНДА. Вы пришли пешком?

МИССИС ПЕТЕРКИН. О, конечно нет.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Мы приехали на лошади и экипаже.

ДЖУЛИЯ. Я всегда удивлялась, как могут некоторые ездить на лошади?

АМАНДА. Ты слишком глупа, Джулия. Они приехали в экипаже.

Но выехали-то вы вовремя?

МИССИС ПЕТЕРКИН. Все вышло из-за того, что повозку трудно было развернуть. Я говорила мистеру Петеркину, что мы попадем в беду с этими повозками, которые с трудом разворачиваются.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Они достаточно хорошо разворачиваются на конюшне. Так что не говори...

МИССИС ПЕТЕРКИН. Да. Мы с малышами и Соломоном Джоном отправились на заднем сидении, а Элизабет Элиза – на переднем. Она должна была управлять, а я – следить за движением. Но голова лошади не была направлена в сторону Бостона.

МАТЬ. И вы, разворачиваясь, перевернулись! О, вот так происшествие!

АМАНДА. А малыши где они? Они погибли?

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Маленькие мальчики целы и невредимы. Мы оставили их у Принглов вместе с Соломоном Джоном.

МАТЬ. Но что же случилось?

МИССИС ПЕТЕРКИН. Мы поехали в неправильном направлении.

МАТЬ. Вы, что, потеряли дорогу?

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Нет. Мы знали дорогу достаточно хорошо.

АМАНДА. Ясно, как день.

МИССИС ПЕТЕРКИН. Наша лошадь смотрела не в ту сторону.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. И мама боялась, что я не смогу повернуть. Поэтому мы продолжали ехать, пока не доехали до просторного места.

МИССИС ПЕТЕРКИН. Я думала, что нам надо выехать на дорогу, которая поворачивает направо или налево и выведет нас на нужное направление.

МАТЬ. А разве вы не могли развернуться?

МИССИС ПЕТЕРКИН. Конечно нет. Если бы мы перевернулись, мы бы вообще никуда не доехали.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Да. Я часто слышала, что лучше всегда оставаться в повозке, что бы ни случилось.

ДЖУЛИЯ. Но, кажется, ничего не случилось.

МИССИС ПЕТЕРКИН. О да. Мы у разных встречных людей спрашивали дорогу на восток.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. И все говорили нам одно и то же: «Развернитесь в обратную сторону».

МИССИС ПЕТЕРКИН. Как будто мы могли развернуться! Чего не могли, того не могли.

МАТЬ. Вы имеете в виду, что так и продолжали ехать по воле Провидения?

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. О нет, дорогая! Мы ехали и ехали, пока не встретили мужчину с черной сумкой. Я бы сказала, из черной кожи.

ДЖУЛИЯ. Это, должно быть, был доставщик книг.

МИССИС ПЕТЕРКИН. Я полагаю, что это был он. Его сумка показалась мне очень тяжелой. Он сидел на камне.

МАТЬ. Мне думается, что это был тот самый, что однажды приходил сюда. Он хотел, чтобы я купила «Историю аборигенов с древнейших времен до современности» в четырех томах. Я сказала, что у меня нет времени читать так много. «Читает мало кто, да это и не нужно. Книги покупают для создания интерьера», – сказал он.

АМАНДА. Это же некультурно. Он никогда бы не смог получить образование. Я надеюсь, Элизабет Элиза, ты не имела никаких дел с этим человеком.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Очень похоже, что это был другой.

МАТЬ. На нем был костюм цвета перца с солью, с одной оторванной пуговицей?

МИССИС ПЕТЕРКИН. Я заметила, что одной пуговицы не было.

АМАНДА. Но мы отошли от темы. Ты купила эту книгу?

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Он нам и не предлагал своих книг.

МИССИС ПЕТЕРКИН. Он сказал, что мы едем по воле Провидения. Если мы хотим попасть в Бостон, нам нужно развернуться в противоположную сторону,

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Я сказала ему, что не могу. Тогда он повернул голову лошади, и что я узнала...

АМАНДА. Он потянул вас по кругу!

МИССИС ПЕТЕРКИН. Я завизжала. Я не могла этого вынести!

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Я была так рада, когда все кончилось.

МАТЬ. Так, так. Это доказывает, что отправляться в ложном направлении очень невыгодно.

МИССИС ПЕТЕРКИН. Да. Мы поехали достаточно прямо, как только голова лошади была направлена правильно. Но мы потеряли время.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Мне очень жаль, что я пропустила конкурс и не увидела, как ты получила диплом, Аманда. Я никогда сама не получала дипломов. Но скоро получу.

МИССИС ПЕТЕРКИН. Почему-то Элизабет Элиза никогда не достигала успеха.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. У меня всегда была плохая память. Я училась достаточно хорошо. Но когда мне приходилось отвечать на уроке, я никак не могла взять в толк, о чем идет речь. Тем не менее я могла отвечать на вопросы, задаваемые другим девочкам.

ДЖУЛИЯ. Странно, почему у других девочек вопросы всегда самые легкие.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Я никогда не могла заучивать стихи. Только одно стихотворение я могу вспомнить,

АМАНДА. О, давай мы его послушаем, а потом мы продекламируем тебе некоторые фрагменты из нашего конкурса.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Я попробую.

МИССИС ПЕТЕРКИН. Да, Элизабет Элиза, постарайся. Как можешь, развлеки подруг Аманда.

Все выжидающе глядят на Элизабет Элизу, которая остается молчаливой и задумчивой.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Я пыталась понять, о чем это. Ты знаешь его, Аманда, – название слишком длинное.

АМАНДА. Может быть, это Навуходоносор? Нет? Это одно из самых длинных имен, какие я знаю.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. О нет, дорогая!

ДЖУЛИЯ. Может быть, это Клеопатра.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Имя начинается с этой буквы. Только это было мужское имя.

АМАНДА. Жаль. А то это могло быть «Нас семеро»¹. Некоторые из них были мальчиками, но девочек было больше.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Оно про мальчика. Если только я додумаюсь, где он был. Я не могу вспомнить.

АМАНДА. Может быть: «Корабль горит, а он стоит...»²

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Очень похоже, я знаю, что он где-то стоял.

АМАНДА. Касабианка! Давай читай дальше.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. «Корабль горит, а он стоит
На... на...»

Не могу вспомнить, кто же стоял рядом с ним.

ДЖУЛИЯ. Если палуба горела, она должна была быть в огне. Я полагаю, остальные сбежали или прыгнули в лодки.

АМАНДА. Вот оно: «На палубе. Увы!»

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Я думаю, теперь я могу прочитать:
«Корабль горит, а он стоит
На палубе. Увы!»

(Она колеблется).

Затем, я думаю, он ушел.

ДЖУЛИЯ. Конечно, он уплыл вслед за остальными.

АМАНДА. Нет, дорогая, В том-то и дело:

«Не дрогнет он, не побежит
Без отчего приказа».

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. «Корабль горит, а он стоит
На палубе. Увы!

Не дрогнет он, не побежит
Без отчего приказа».

Но здесь нет рифмы. Я не могу понять, как это получилось.

МИССИС ПЕТЕРКИН. Элизабет Элиза хорошо знает рифмы.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛИЗА. Должно быть, «без отчей головы» или, возможно, «без отчей похвалы».

ДЖУЛИЯ. Я думаю, ты что-то пропустила.

АМАНДА. Она пропустила так много!

МАТЬ. Может, и стоит немного пропустить, потому что принесли мороженое, присоединяйтесь.

АМАНДА. А вот и остальные девочки. Давайте все споем.

*Заключительное всеобщее пение*³.

Перевод Анатолия ЛИХОДЗИЕВСКОГО

¹ Имеется в виду баллада У. Вордсворта «Нас семеро». – Примечание переводчика.

² Комически обыгрывается популярная в то время поэма английской поэтессы Фелиции Доротеи Хименс «Касабианка» (1826). Элизабет Элиза путает два произведения. – Примечание переводчика.

³ Перевод сделан по изданию: Hale L. The Peterkin Papers. – Garden City: Junior Deluxe Editions, 1955.

ЛУКРЕЦИЯ ХЕЙЛ И ЕЕ РОМАН «ЗАПИСКИ ПЕТЕРКИНЫХ»

В американской литературе сложилась национальная комическая традиция. Общеизвестно, что американский юмор отличается от любого другого. В становление и развитие американской комической прозы внесли свой вклад многие писатели. Среди них такие гиганты, как Марк Твен, О. Генри, Ринг Ларднер, Амброз Бирс. Но есть авторы, незаслуженно забытые, чьи произведения в свое время были чрезвычайно популярны. Выражаясь современным языком, они создали комические бестселлеры.

Выдающимся американским юмористом XIX века была Лукреция Хейл (1820–1900). Воспитанная в интеллигентной семье (ее брат – известный писатель своего времени Эдвард Эверетт Хейл), Лукреция Хейл посвятила свою жизнь активной деятельности на поприще феминизма, организации и деятельности школ. В литературу она вошла как публицист, автор сатирических очерков, а также книг для детей. Ее биографы отмечают изначальный интерес писательницы к острым социальным проблемам. В 1880 году вышла книга «Записки Петеркиных» (The Peterkin Papers), объединившая фрагменты, публиковавшиеся в периодических изданиях Бостона. Именно «Записками Петеркиных» и их продолжением «Последние Петеркины» (1886) Лукреция Хейл вошла в историю американской литературы, но так и не была удостоена внимания серьезных литературоведов.

«Записки Петеркиных» дают наглядное представление о том, как на практике складывается жанр комического романа (может быть, вопреки желанию самого автора). Мировой литературе такие случаи известны. Например, «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса. У Л. Хейл отдельные истории, совершенно автономные с точки зрения фабулы, законченные юмористические новеллы обнаруживали все более тесную внутреннюю связь и, собранные в одну книгу, составили единое целое – роман. Каждая глава вместе с тем может читаться как отдельный юмористический рассказ. Их первоначальная автономность проявляется в сохранившихся в книге противоречиях. Так одна глава посвящена описаниям попыток семейства создать собственную книгу. Но в других главах, рассказывающих о стремлении Петеркиных «к просвещению», говорится о наилучшей в доме библиотеке (энциклопедии, во всяком случае), комический эффект создается неумением семейства читать и понимать прочитанное. Автор не заботится о противоречиях такого рода, добавляя все новые черты своим персонажам, идет по пути создания комической семейной хроники.

«Записки Петеркиных» явно отличаются от сатирической публицистики в традиционном жанре «записок», «писем», «дневников» тем, что автор не придает особого значения образу повествователя, который, как правило, является еще и действующим персонажем. У Л. Хейл очевидно стремление показать семью «со стороны», объективно изобразить все стороны жизни конкретной типичной семьи (в юмористическом варианте). Стиль книги Л. Хейл тоже заметно отличается от стиля традиционных «записок», в которых главное значение имели рассуждения, комментарии автора (или его маски, героя-повествователя). Л. Хейл создает комическую прозу в традициях реалистической художественной литературы. Одна из глав «Записок Петеркиных» написана в драматической форме.

В справочнике М. Херцберга¹ говорится о первоначально публиковавшихся скетчах Л. Хейл, но сложившаяся книга с точки зрения жанра никак не характеризуется. В указателе «Американские авторы»² «Записки Петеркиных» названы «книгой для юношества» (juvenile), жанрового определения нет.

¹ Herzberg M. The Reader's Encyclopedia of American Literature, – N.Y., 1962.

² American Authors. 1600-1900. Ed. by S. Kunitz and H. Haycraft. – N.Y.: The H. B. Wilson Company, 1938.

На наш взгляд, книга Л. Хейл – роман. Сам характер действия, эпизоды, отдельные мотивы сближают главы-фрагменты. Конечно, каждая глава «Записок Петеркиных» – это законченный эпизод, отдельная история. Но эти отдельные истории неоднократно вспоминаются в последующих главах, и читатель должен держать в памяти все предыдущие главы. Отдельные мотивы связывают эпизоды в единое целое, получается история цельная, единая для всех фрагментов. Читатель начинает воспринимать книгу как последовательную хронику, нечто единое. Поменять рассказы местами невозможно, т. к. события закономерно сменяются. Отдельные эпизоды будут читателю непонятны, если он не знает эпизодов из предшествующих глав.

У Лукреции Хейл сложилась связанная история, сложился роман – комическая семейная хроника, которая, несмотря на не слишком большой объем, все-таки с достаточной полнотой охватывает все стороны жизни провинциальной американской семьи, типичные черты характеров ее членов. По сути дела, «Записки Петеркиных» представляют собой пародию на большой «семейный» роман.

Комизм в «Записках Петеркиных» – это прежде всего комизм ситуаций. Он строится на многочисленных недоразумениях и злоключениях Петеркиных, в которых виноваты чаще всего они сами. Одно недоразумение приводит к другому, комические ситуации быстро меняют друг друга. В этом состоит особенность фабулы «Записок Петеркиных».

Юмор Лукреции Хейл строится в первую очередь на очевидном преувеличении наивности членов семьи Петеркиных, их жизненной непрактичности, неприспособленности и элементарной человеческой глупости. Гипербола – любимый прием писательницы. Фантастическая глупость Петеркиных – это, конечно, особая комическая условность, закон жанра. Но Петеркины не просто глупы. Это глупцы с определенной логикой и философией. Они сами понимают свою недалекость, стремятся ее восполнить «образованием», «изучением» книг, «знанием» иностранных языков. Но когда их планы в очередной раз рушатся, опорой им (и оправданием) становятся их привычки, неистребимые никаким образованием.

Комизм у Л. Хейл создается не только с помощью конструирования забавных ситуаций. Ей удается создать полноценные комически условные характеры, в которых соединились в искаженном виде типичные американские качества. «Записки Петеркиных» Л. Хейл весьма показательны в плане путей формирования комического романа в американской литературе. Американский литературовед Б. Фуллертон справедливо отмечает: «Ее метод настолько необычен и эффективен, что, похоже, она имеет право занять среди американских юмористов постоянное и, возможно, уникальное место»¹.

Анатолий ЛИХОДЗИЕВСКИЙ

Доктор филологических наук, профессор УЗГУМЯ. Автор многочисленных научных публикаций, специалист по зарубежной литературе.

¹ Fullerton B. Selective Bibliography of American Literature. 1775-1900.- N.Y., 1932.

НОВЫЕ ИМЕНА

Алла ПОПОВА

Родилась в 1951 г. в Кумышкане. В 1974 г. окончила библиотечный факультет Ташкентского государственного института культуры. Работала библиотекарем. Автор поэтических сборников «Природы я частица», «Осенняя пастораль», «Востока теплое дыхание...», «Жил когда-то Насреддин...». В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Я частица мирозданья...

Это облачко сладко заснуло
На груди каменистой горы,
Оно ночью тихонько прильнуло,
А под утро забыло уйти.

Но рассвет незаметно подкрался,
Гасит в небе звезду за звездой,
Ветерок прилетел попрощаться
С легким облачком, что над горой.

А звезда любя подмигнула,
Загрустившей горе тайком,
Видно, звезды мечтают тоже
Пробежать по траве босиком.

Мы с природой душою едины,
Любим жить и рассветы встречать,
Только грустно, что наши седины
Заставляют нас больше молчать.

Продают собак, друзей своих по крови,
Отдают их так друзьям своим без боли.
Продают собак, не понимая сути,
Заменяют кровь движеньем ртути.

А душа собачья все тоскует,
Потому что дружбой не торгуют.
Как сказать, что друзей не дарят,
Боль с тоскою ей душу ранят.

Мы твердим: любовь, мораль, измена,
Где нам до собак, уж это верно.
Их преданность воспета не одним поэтом,
Жизнь подтвердила не однажды это.

Горы манят меня и волнуют,
Им нужны наша сила и власть.
Может, горы, как люди, тоскуют.
Им любовь бы познать и страсть,
Только молча стоят исполины.
Лишь меняет природа наряд,
А внизу расцветают долины
И, сверкая, шумит водопад.

Вершины горные целуют облака,
Окутывающие их пледом белым,
И одинокая луна издалика
Завидует их ласкам неумелым.

О, облака мечтали о горах,
Чтобы найти себе отдохновенье,
Забывать о долгих северных ветрах
И возвратить бывшее вдохновенье.

Теперь, спускаясь на утесы
В провалы с рвущейся водой,
Целуют ивам шелковые косы
И не мечтают о судьбе иной.

Дождь

Выжимают тучи все до капли,
Дождь свирепо лупит по воде.
И стоим озябшие, как цапли,
Словно нет спасенья на земле.

Все промокло: домики, проулки,
Зонтики мелькают всех цветов,
Только каблучки постукивают гулко:
Где ты, счастье, встретить я готов...

Может, заблудилось под дождем ты
И не знаешь, где меня найти?
Или вдруг в награду вечером ты
Мне подаришь алые цветы?

На небосклоне облака плывут –
Они мечтают встретиться с горами,
Где ветры вольные с туманами живут
И дружбу водят с гордыми орлами.

И я мечтаю встретиться в горах
С арчою одинокой на вершине,
Там высока трава и все в цветах,
Я взор счастливый устремлю к долине.

А там бежит бурлящая река,
Причудливо на солнышке сверкая,
И водопады там звенят века,
Своею красотою покоряя.

Над ними радуга веселая живет,
Что соткана из солнечных лучей.
И ветерок живительный плывет,
Вас приглашая в гости как друзей.

Отскакивает одиночество
От стен и от стекла,
Не спросит имя – отчество.
Я, как оно, одна.
Глухой безмолвной ночью
Стучится о стекло,
Направлено картечью
В меня, в мое тепло.
Душа замрет от страха –
Одна я среди стен.
Помятая рубаша
Не вечность и не тлен.
Одна во всей Вселенной
Средь звезд и бытия.
Быстрее бы рассветный
Проснулся луч скользя.

На ночь, хоть на ночь одну
Приютите бродячего пса.
Он ведь воет с тоски на луну,
Не от злости красны глаза.

Одинокая стонет душа,
Запрокинув в оскале пасть.
С этой болью она одна –
Очень трудно, чтоб не упасть.

Приютите бродячего пса,
Дайте руку ему лизнуть,
Если смотрит он искоса,
Значит, к жизни можно вернуть.

У бродячего пса был дом,
Как у всех, и хозяйка в нем.
Затянули шею ремнем,
Да и по боку дали пинком.

Очень трудно собаке понять
Жизнь людскую, а не зверей.
Очень просто любовь потерять,
Жить с тоской еще трудней.

Приютите бродячего пса
Хоть на ночь, хоть на ночь одну!
Пусть он смотрит на вас искоса
Приютить собаку – к добру.

литературоведение. литературная критика

**Татьяна
АВДОНИНА**

Родилась в 1952 г. в Ташкенте, окончила фил. фак ТашГУ (ныне НУУз). Работала в Гулистанском госуниверситете, педагогическом университете им. Низами. Автор многочисленных научных статей по проблемам современной литературы.

МИР И ЧЕЛОВЕК В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ ИЛЬИНА

Лирика, как известно, – особый род литературы, имеющий свои структурные, ритмические и образные особенности. Главное в лирике – это чувственные описания и размышления. Художественно-речевые средства лирического произведения составляют своего рода многоплановую систему, в которой «слово взаимодействует со всеми сторонами художественного текста», является «связанным словом», системным словом.¹ Сложная синтаксическая конструкция, сочетание прозаизмов, поэтических метафор, мифологических образов, стихия возвышенно-поэтического и будничного, как правило, характерны для лирики. Л. Тимофеев в своей монографии характеризует стих как особый тип речи, ритмически организованный паузами и переносами, звуковыми повторами, придающими слову экспрессию и дополнительное значение. Словесный образ создает разнообразные ассоциативные связи через преломление одного предмета в другом. В контексте стиха все составляющие его системы органически связаны с его образным смыслом.

Главный объект художественного познания в лирике – это характер самого носителя речи, его внутренний мир, устроение, эмоции. Характер выступает в индивидуальном переживании, поэт как бы «одеждим» той эмоцией, которую он поэтически выражает. Анализируя творчество любого художника, мы должны понимать, что входим в его мир, в созданное им художественное время и пространство, в особое лексико-семантическое поле, свойственное только его индивидуальной системе.

Попробуем прикоснуться к творческой системе и художественному миру известного ташкентского поэта Николая Ильина, анализируя его сборник «По клавишам души» (2005 г.).

Название сборника очень точно передает внутренний настрой поэта, в нем отсутствует четкое определение, но «по клавишам моей души» характеризует автора и лирического героя как человека с тонкой душевной организацией. Совершенно точно заметил об Ильине народный поэт Узбекистана А. Файнберг во вступлении к сборнику: «В стихах чувствуется... строжайшее отношение к себе и в то же время презрение к выпренности».² Авторское «я»

¹ Тимофеев Л. Слово в стихе. – М.: 1982. – С. 60.

² Ильин Н. Д. По клавишам души: Стихи. – Т.: Издательство Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои, 2005.

ненавязчиво приоткрывается и часто представлено формами «мне», «мной», а также обобщающими «нас», «мы», при этом личностное мнение не становится определяющим, оно уходит в глубь «мыслеобраза». Во многих стихотворениях представлены формы отвлеченного обращения к образу поэта или воображаемому собеседнику («ты», «тот, кто») и различным явлениям природы.

В силу этого художественный мир данного произведения складывается из поэтических миниатюр-размышлений о различных сторонах нашей жизни. Общий принцип их построения сводится к следующему: от обычных деталей быта, привычных каждодневных вещей – к чувству сопричастности с чем-то сущностным (с памятью поколений, общечеловеческими ценностями, огромным культурным слоем литературного творчества, с преходящим и вечным). Тонкие поэтические ниточки, связывающие быт и бытие воедино, протянуты через внутреннее чувство лирического героя иногда интимными деталями настроения, а порой и откровенной иронией.

В каждой поэтической системе обязательно просматривается отношение поэта к искусству в целом и к собственному творчеству, в нем выражено эстетическое кредо самого художника. В сборнике Николая Ильина первое стихотворение «Произрастаю из весны» раскрывает нам его внутренний посыл к созданию произведений. Во-первых, поэт отталкивается от природной гармонии: весна – это ожидание пробуждения земли, это надежда на возрождение природы. Ключевые слова «росток», «листок», «спасение» плавно перетекают из природной плоскости в суть творческого процесса. Все в этом мире взаимосвязано: поэт произрастает из весны, а плод его творения – «раскрывшийся листок» – может спасти того, кто тоже тянется, как росток, «навстречу солнцу и надежде». Смысл «ростка» и «листка» многозначен – от конкретики обычного предмета до философского мироощущения, но главное в нем – это движение: стремление растений к пробуждению, поэта – к созданию стихотворения в надежде спасти кого-то, читателя – к плодам творчества ради собственного спасения. Суть поэзии для лирического героя в корне связана с сутью самой жизни.

Образ листвы в разнообразных смыслах – излюбленный образ в стихотворениях Ильина: листва осенняя, умирающая, весенняя, только нарождающаяся. Почти нет в стихах пышной летней кроны, поэт увлекает именно внутреннее движение, а не статика. В стихотворении «Наброски импрессионистов» блики «красно-бурых листьев вплетаются в венок строфы», но «предчувствие капли» заставляет предчувствовать «в апрель зовущую листву». В другом стихотворении листопад образно связан с «обнажением правды жизни» («Листва осенняя кружила»), а кружение листьев восходит к «строкам сумрачных поверий».

Обращают на себя внимание вариации состояний листвы: деревья осенью «роняют листьев густоту» («Закрытость пожелтелых окон»); в ожидании осени август «уводит дни в листопад» и слышны «песни листвы» («Проступают прозрения августа»); в философском ключе звучит печаль по поводу вновь уходящего августа, и лирический герой вспоминает «играющую светом листву» («Осенней окружности радиус»). Все эти природные детали характеризуют мироощущение лирического героя, его стремление к творческому соучастию во всем сущем.

Одно из лучших произведений связано не с осенью, с листвой, а метафорически вводит читателя в пространство, совершенно далекое от природы: облетевшая листва ассоциативно напоминает обесценившиеся денежные знаки во время инфляции. Первые четыре строки – это какая-то музыка стиха, завораживающая и звуками, и магнетизмом переносного смысла:

Банкноты осени лежали под ногами,
Набрал станок печатный оборот,
Инфляция ноябрьскими шагами
Грозилла обезлестить целый год.

Во второй строфе, традиционно для Ильина, дана надежда на весну, выраженная экономической терминологией, как спасение от инфляции:

Но где-то в глубине земной стихии
Природы головной экономист
Уже рассчитывал на прибыли большие,
В тугие почки вкладывая лист.

Звукоряд второй строчки (*природы головной экономист*), на наш взгляд, несколько нарушает гармонию стиха, смысл совершенно понятен и верен, но словесное сочетание неубедительное и натянутое. Звучание и значение не соединяются в некое внутреннее эстетическое понимание. Концовка же великолепна по своему фантастическому слиянию смыслов – будущая прибыль (листья) вложены в почки. Остается только удивляться образному мышлению поэта, когда он, по словам А. Фета, видит в предмете то, что без его помощи другой не увидит.

В стихотворении «Срывала осень лиственный покров» поэт скептически оценивает современный мир и человека. Обыгрывается известное происшествие с Ньютоном, на голову которого упало яблоко, побудившее его к открытию. Осенний листопад желудей силой поэтического воображения лирического героя осознается как ливень разнообразных мыслей. Здесь явно романтическое ощущение природы, вера в исключительные возможности влияния ее «желудевых шедевров» на умы избранных. Но в общем тоне стихотворения преобладает ирония, неверие в чудо:

Иль желудь слишком легок для голов,
Иль черепа крепки сверх ожидания?

В сборнике затронута тема поэтического творчества. Тютчевская противоречивость личности просматривается в лаконичном наброске «Поэты пишут о судьбе». Тютчев считал, что поэт отличается от обычных людей: «Твоей святыни не нарушит/ Поэта чистая рука, /Но ненароком жизнь задушит/ Иль унесет за облака».¹ Н. Ильин в своем стихотворении говорит о жизненных трудностях поэта, но вместе с тем и заявляет, что без них ему просто скучно.

Сложен творческий процесс, мучительны поиски новых качеств в предмете («Трудный вечер», «Когда не пишется»). «Есть звуки и слова, / Но нет стихов и музыки». Две коротенькие строфы стихотворения, написанные трехстопным ямбом, легки и прочтываются, на первый взгляд, как шутка, но это кажущаяся легкость. Смысловой ряд начинается с разлада сердца и головы, а заканчивается настоящей трагической эмоцией, выраженной в метафорическом сравнении: «Страшней, чем слепота, / Бессильная гармония».

Другое стихотворение дало название сборнику – «По клавишам души». Первая строфа в нем неудачна: много фальшивых, притянутых к смыслу слов («вокалист дрожит за голос», «голос – источник смысла», «поэт боится впасть в негодность»), взгляд лирического героя, использующего разговорную речь и стандартную информацию, как бы скользит по поверхности. Смысловой стержень произведения держится на сопоставлении творческого процесса музыканта и поэта, тем более

¹ Тютчев Ф. И. Собрание сочинений в двух томах. – М.: 1984, Т. 1. – С. 114.

что наличие ритмики сближает эти два вида искусства. В результате такие слова, как «звуки», «ноты», «клавиши», становятся инструментами в создании и музыкального, и поэтического произведения. Именно в этом контексте и возникает метафора – поэт в поисках смысла (звука) «проводит по клавишам души».

В плане ритмической организации хочется отметить вторую строфу. В ней всего одна пара формообразующих рифм в семи строчках: ноты – бродит – проводит – находит; звук – вдруг – стук. Система рифмовки, следующая: а-б-а-б-а-а-б. В первой строчке рифма неточная, или *бедная*, в которой совпадает только один звук под ударением, но в последующих строчках рифма *полная*, то есть все слоги, начиная с константного ударения, совпадают. Такое построение как бы передает сложность, тягучесть процесса творчества, повторяемость каких-то движений, поиск нужных звуков. Результат этих поисков уже обозначен в названии – «Когда не пишется».

В конце произведения возникает очень характерная деталь, связанная с творческим бессилием, – музыкант может приостановить процесс творчества, просто закрыв крышку рояля. Последние строчки стихотворения об этом и говорят:

Но нужных звуков не находит –
И гулкой крышки слышен стук...

Другое дело инструментарий поэта – это «клавиши души». Возникает внутренний ассоциативный ряд с остановкой сердца и концом жизни. Конечно, в концепции всего стихотворения тема смерти не акцентируется, но за счет «взаимосодействия» таких понятий, как «клавиши души» и захлопывающаяся крышка музыкального инструмента, смысловой узел образа меняется: ненавязчивая, тонкая деталь, вполне логично укладываемая в информационный поток произведения, приводит в действие механизм внутренних соразмерных связей в восприятии образа. Возникает дополнительное значение, которое понимается на ассоциативном уровне, а именно в этом и проявляется сущность образной конструкции и образного движения. Эстетическую идею в целом можно свести к следующему: живописец может отложить кисть, музыкант – закрыть крышку рояля, а поэт платит собственным сердцем.

В стихотворении «Язык наш – враг наш...» действует тот же принцип значимости и полисемантности образной речи, но движение художественной мысли иное – от поэта к читателю. Здесь уже обозначена проблема воздействия искусства на воспринимающую его личность. Созданный литературный текст отделяется от автора, обретает самостоятельность, мистически влияет на читателя совокупностью стилистически значимых элементов и может не выполнять заданной ему художником функции. В результате рождается известное несоответствие: поэт хотел сказать одно, а его произведение говорит совершенно другое.

Лирический герой представлен человеком внимательным, склонным к философским обобщениям и самоанализу. Стихотворение сконструировано по принципу афоризма, в котором краткость изложения соединяется с глубиной мысли. Поэт откровенно признается в своей беспомощности перед воздействием образного слова на личность. Будучи автором поэтических строк, он убежден в пустячности и легкости содержания, но сила искусства оказывается непредсказуемой:

И целишь, чтоб слабинку отыскать,
А попадаешь в сердце человека.

Решающую роль при этом играет талант самого творца, перо которого и создает магию стиля, обладающего высокой степенью воздействия на читателя.

НОВЫЕ ИМЕНА

**Виктория
ПУШКИНА**

Родилась в 1976 г.
в Ангрене. Окон-
чила ТашГТУ.

Работает в гео-
логоразведочной
экспедиции.

В «Звезде Восто-
ка» публикуется
впервые.

МОЗАИКА

Литературные миниатюры

МЕЧТА

Однажды теплым майским днем, когда воздух благоухал ароматами цветущего сада, появилась на свет бабочка. Изнеженная и окутанная любовью, она росла и превращалась в прекрасную фею. Ее бархатные крылышки переливались на солнце всеми цветами радуги. Она украшала сад своим присутствием и вызывала восхищение всех его обитателей.

И вот услышала бабочка от пролетающих мимо птиц, что за горами есть еще более прекрасный сад и намного больше этого. Он такой огромный, что его не облетишь и за день, из земли бьет фонтан с необыкновенно прозрачной водой, а уж про цветы и населяющую его живность и говорить нечего.

С этого момента все для нее изменилось, стала она хмурой и унылой. Не радовали ее ни орхидеи, ни лилии, ни солнечные лучи. Она перестала есть, пить, порхать по саду, уныло сидела в травке. «Как жить мне в этом убогом месте? Никто не увидит здесь моей красоты, никто не полюбуется мной... А разве Я достойна такой жизни?! Нет, я предназначена для другого. Вокруг меня должны быть сказочные цветы, все должны восхищаться мной. Я так прелестна, так молода...» – думала бабочка.

Не может больше жить она в этом забытом богом месте.

Когда бабочка покидала свою обитель, она ненавидела ее всей душой и презирала себя за то, что так долго существовала там. Ее мысли и мечты были в новом воображаемом мире. Она мечтала о том, как будет нежиться, купаться в лепестках роз, пить росу из анютиных глазок, как все будут восторгаться ею и как она будет счастлива.

И полетела она навстречу своей мечте, не зная усталости и не шадя сил, пробиваясь сквозь ветер и дождь, не думая о своей красоте. Под жгучими лучами солнца она стремглав неслась к своей мечте, опалая крылышки. И это длилось много дней и ночей. Но однажды утром она все же достигла великолепия, о котором мечтала. Но...

Ни сад, ни фонтан, ни ароматы цветов, ни мягкие травы почему-то не обрадовали ее. Стремясь сюда, преодолевая препятствия, она потеряла красоту, молодость, здоровье и беспечность. Крылышки ее превратились в безобразные лохмотья, усики обломались, угас и блеск, и радость жизни в глазах. Теперь она вспомнила, как была счастлива и спокойна в своем милом уютном садике. Но, увы, ничего нельзя было вернуть...

НОТНЫЙ БУНТ

Жили-были нотки, и очень важные, в своем царстве. А царство было не простое, музыкальное! Прекрасное и гармоничное. Плавные напевы сменялись стремительными хрустальными трелями, а величественные марши – нежными колыбельными напевами. Кроме ноток, в этом царстве жило еще множество музыкальных знаков, которые тоже были очень важны, и каждый выполнял свои функции. Все бы хорошо, да только бунт устроили нотки, баррикад понастроили из своих палочек, четвертушек да половинных, часовых выставили в начале каждой лесенки. А целые нотки совсем заважничали, выпятили свои белые грудочки, да и сгребли все знаки в кучу: диезы, бекары, бемоли и даже, представьте себе, скрипичный ключ и еще очень много всяких знаков.

Закричали, завопили возгордившиеся ноты:

– Не нужны вы нам. Идите на последнюю страницу, там ваше место. Мы и без вас обойдемся! Слишком вас много развелось. Житья от вас нет: то замолчи, то кричи, то прыгай, то тихо, то громко, то скачи. НАДОЕЛИ!!! Притеснители-угнетатели! Устали мы от ваших правил. И вообще, мы будем жить по своим законам.

Бедные, ни в чем не повинные знаки от обиды съезжились и заплакали. Скрипичный ключ взял на себя смелость вступить за несчастных.

– Дорогие нотки, вы не ведаете, что творите!!! Мы вовсе никого не притесняем, и, уж поверьте, незачем нам вас обижать. Мы все живем по одним законам нотной грамоты. Если нас не будет, то исчезнет гармония, прелесть и красота музыки, которую мы несем в этот мир. Вы превратитесь в простой набор ничего не значащих звуков, вот и все.

Но нотки не поверили и прогнали музыкальные знаки вон из своего царства. А восьмушки от радости так завиляли своими хвостиками, что сцепились в кучу.

Но недолго длилась радость победителей. Начался гул, гам, хаос. А с минуты на минуту должен был начаться концерт. Музыканты взяли в руки инструменты и только принялись играть, как...

О ужас!!! Что случилось? Труба завопила как бешеная, скрипки запищали бессмысленно, барабаны забухали так, что даже люстра задрожала, а флейты вообще зашипели подобно змеям.

– Что случилось? – запричитали ноты. – Почему нас не слышно? Откуда эти страшные звуки?

– Просто музыканты вас не видят, – ответил обиженный скрипичный ключ.

– Как это не видят? Мы же здесь, мы же вот, стоим на своих линейках. Вот нота ДО, вот РЕ, вот МИ, ФА, СОЛЬ, ЛЯ, СИ...

– Ни один музыкант не сможет прочитать ноты без скрипичного ключа, потому что ноты без ключа – ничто, они не существуют, и все остальные знаки, которые вы выгнали вместе со мной, так же важны. Без них вы не создадите ни одной мелодии. А впрочем, что вам объяснять, вам ведь и без нас хорошо. Пойдемте, мои дорогие знаки, отсюда.

– Нет, нет, драгоценный ты наш ключик! Прости нас, пожалуйста, мы были не правы, вернись. И вы, дорогие знаки, простите нас. Мы больше никогда не будем обижать вас. Обещаем!!!

Нотки заплакали и виновато наклонили свои головки:

– Мы обещаем!

Все вернулись на свои места, музыканты заиграли божественную мелодию...

ГОСТЬЯ

Однажды темной ночью упала звезда. Вообще-то, когда падает звезда, надо загадывать желание – и оно непременно сбудется.

Звездочку поразило великолепие мира, в который она попала. Упала она в густую и сочную траву, растущую вокруг прекрасного голубого озера, в объятия свежести и

прохлады. А проснувшееся солнце осветило необычные прозрачные пузырьки, которыми была усеяна травка, что крайне изумило ее, они были такие смешные, пузатые, неуклюжие.

– Кто вы такие, что вы тут делаете?! – спросила звездочка.

– А ты кто? – зазвенели в ответ капельки.

– Я звездочка, прилетела издалека, но про вас ничего не знаю.

– Вообще-то мы капельки росы и появляемся только ранним утром. А когда встает солнышко, посылая на нас первые лучи, мы светимся и сверкаем.

– Да, как бы я хотела рассказать своим подружкам звездочкам о вас. Но как же мне вернуться домой?

– А ты попроси облачко, может, оно тебе поможет.

Именно в это время над озером проплывало что-то белое, похожее на большое пушистое одеяло.

– Дорогое облачко, помоги мне, пожалуйста, вернуться домой. Мне так хочется рассказать о вашем волшебном-прекрасном мире всей Вселенной.

– Это очень опасное путешествие, вряд ли у меня получится. Ну... вообще-то... можно попробовать. Вздвигайся на меня.

И облако тихо спустилось на землю.

– Что такое? Куда я попала? Что за белая пелена?

– Это я, облако! Во мне живут многочисленные маленькие капельки, их так много, что образуется пелена. Это называется туман.

Что-то невидимое подхватило с такой силой, что гостя испугалась, и понесло ее. Ветер поднимал их все выше и выше, облако превратилось в серую мрачную тучу. По крышам домов застучали капли дождя.

– Смешное ты: то белое, то серое.

Подожди, это еще что! Вот когда мы с моим братцем повстречаемся, посмотришь, что тогда начнется!

А навстречу двигалась еще одна огромная туча, подгоняемая сильным ветром. Вдруг все засверкало, загромыхало. Хлынул проливной дождь с градом.

– Да, вот так мы с братцем ругаемся, мне и самому не по себе. У него внутри град и кристаллы, поэтому он такой грозный. А у меня... лишь теплые капли. Вот мы и воюем так, что гром гремит да молния сверкает.

Облака отвели душу и стали расходиться, погромыхая и поливая все на своем пути. Солнечные лучи осветили землю.

И тут наша звездочка увидела нечто ни с чем не сравнимое. Такого необыкновенного зрелища она никогда не видела.

– Солнечные лучи, попадая на водяную пыль, расцвечивают ее целым спектром цветов: красным, оранжевым, желтым, зеленым, голубым, синим, фиолетовым. И каждый цвет строго следует за другим.

А ветер все поднимал и поднимал облако, становилось все холоднее. И вдруг – что за диво! Белые, пушистые, обжигающие холодом, кружевные, резные!

Да это снежинки! На высоте капельки замерзли и превратились в расписные кристаллики. И звездочка подумала: «Пусть мои подружки сами прилетят на Землю и увидят эти чудеса. А я останусь тут и буду любоваться этой красотой».

Звезда кубарем скатилась с облака и полетела любоваться чудесами природы на Земле.

А какой-нибудь мальчишка или девчонка увидели падающую звезду и загадали желание. И оно непременно сбывается.

философия искусства

**ЖАНР КОНЦЕРТА И
ТЕОРИЯ ХЕЙЗИНГИ**

*Мысль, пытаясь определить природу и
функцию музыки, постоянно
вращается вокруг понятия игры.*

Йохан Хейзинга

Вышедшая в свет в 1938 году книга голландского теоретика и культуролога Йохана Хейзинги (1872–1945) «Homo Ludens» («Человек играющий») произвела фурор своей невероятной идеей всеобъемлющей Игры, в которую вовлечено, по мнению ученого, все человечество. О глобальности этого явления и неизбежности для каждого живого существа Хейзинга говорит с первых страниц книги, выдвигая ряд тезисов, понятий, раскрывающих основные постулаты его теории, выстраивающих концепцию всеобъемлющего игрового начала. После Хейзинги по-новому начали осмысляться различные процессы, сопутствующие творческой деятельности, в частности, в музыкальной науке, нередко рассматривающей игру как основополагающий принцип исполнения любого музыкального произведения (по теории Хейзинги).

Наиболее ярко и непосредственно игровые принципы проявляются в жанре концерта, инструментального или вокального, причем игра понимается многозначно. Исключив одно из понятий игры, синонимичное исполнению, остановимся на жанрово-смысловом его толковании. Concerto или concertante, от которых произошел термин «концерт», имеет в своей основе игру как состязание или согласование, в разных источниках даются различные переводы. Двухзначная трактовка «концерта» напрямую влияет и на характер произведения, и на процесс взаимоотношений солиста (солистов) и оркестра, но в любом случае в полной мере проявляется главное качество диалога музыкантов – Игра.

Хейзинга трактует Игру как на уровне всей жизни на земле, так и в частной конкретной ситуации, объясняя, что все в этом мире существует по законам Игры. «Можно отрицать почти любую абстракцию: право, красоту, истину, добро, дух, Бога. Можно отрицать серьезность. Игру – нельзя».¹ Если перевести эту мысль в область музыкального

**Венера
ЗАКИРОВА**

Родилась в 1987 г.
в Ташкенте.

В 2011 г. окончила магистратуру Государственной консерватории Узбекистана.

Участник международных и республиканских научно-практических конференций. Автор книги «Молодые певцы Узбекистана» (2010 г.).

¹ Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 350 с. – С. 25.

искусства, то концертный жанр вполне подтверждает ее. Солист, вступая в диалог с оркестром, всеми возможными способами пытается доказать свое превосходство над группой музыкантов, количество которых, надо заметить, порой достигает полусотни. Такой принцип игры действует даже если исполнители в итоге приходят к согласию, потому что позади путь преодоления музыкального столкновения.

Приведенное ниже утверждение вполне можно отнести к концертному жанру: «Как бы то ни было, человеческая игра во всех своих высших проявлениях, когда она что-либо *означает* или *торжественно знаменует*, обретает свое место в сфере праздника или культа, в сфере священного»¹. А что такое, по сути, концерт? Это же и есть музыкальное воплощение праздничного, оптимистичного настроения, с одной стороны, и таинство творческого процесса, происходящего до (в период создания произведения) и во время сценического воплощения художественного замысла, с другой. Каждый музыкант вносит свою лепту в магическое действие концертной игры. Наиболее ярко и выразительно это проявляется в исполнительском аспекте.

Одним из характерных признаков концерта, выделяющих его из числа других жанров, бесспорно, считается *виртуозность* солиста и оркестра, которая распространяется как на технические возможности инструмента или голоса, так и на мастерство музыканта, владеющего ими. Виртуозное начало в концерте в первую очередь выражено в технически сложной партии солиста или группы музыкантов (имеем в виду концерты для нескольких солирующих инструментов, *concertogrosso*), которая становится подвластной исполнителю, убеждающему в этом требовательную и искушенную публику. Иначе состязание обречено на провал. Хёйзинга считает, что техническая сторона произведения и демонстрация технических навыков – важнейшие особенности концертной игры, наличие которых абсолютно необходимо любому сочинению. В подтверждение этому Хёйзинга отмечает, критически оценивая музыкальное искусство: «Музыка была и оставалась главным образом дивертисментом, и восхищение, во всяком случае, выражаемое вслух, касалось прежде всего виртуозности исполнителей. Творение композитора еще не воспринималось как нечто святое и неприкосновенное»².

Говоря о виртуозности, следует отметить, что она наиболее ярко и убедительно обнаруживает себя в каденциях³ – ключевом для концерта разделе формы. История развития этого уникального явления заслуживает отдельного разговора. Известны примеры, когда композиторы полностью выписывали сольную каденцию, не допуская фривольного отношения к музыкальному тексту или же, наоборот, оставляя ее для исполнителя, который имел возможность самостоятельно продолжить заданную изначально музыкальную мысль, подкрепляя ее собственным отношением и пониманием художественного содержания сочинения.

Профессионализм и талант открывают перед музыкантом широкие возможности для *импровизации* – магического процесса игры, требующего максимальной свободы как в техническом, так и в эмоционально-психологическом плане. Солист подобной игрой вовлекает слушателя в некое таинство. В этом проявляется еще одно качество Игры, обозначенное Хёйзингой и сопоставимое

¹ Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 350 с. – С. 33.

² Там же, с. 228.

³ Под каденцией здесь понимается определенный раздел произведения концертного жанра, в котором исполнитель наряду с замыслом композитора может продемонстрировать свои технические и творческие способности. Каденции бывают сугубо сольными или диалогичными (с оркестром) и встречаются один или несколько раз в разных частях, а порой и в разделах сочинения.

с музыкальным творчеством. Подтверждением того, что теория Хёйзинги имеет прямое отношение к концертному жанру, особенно к импровизации в концерте, является следующая характеристика Игры: «Всякая Игра есть прежде всего и в первую очередь *свободное действие*»¹. Именно свободой – и внутренней, и внешней – должен обладать исполнитель в момент игры, особенно в момент импровизации, завораживая слушателя, а самому концерту придавая особую прелесть.

Игра, как и любой процесс жизнедеятельности человека, не может существовать вне законов или правил, определяющих ее границы, то есть временные и пространственные пределы, в которых действие разыгрывается. Каждый из этих параметров обладает набором качеств, обуславливающих характер игры. В связи с этим заслуживает внимания определение американского психотерапевта и теоретика психологического поведения Эрика Берна: «Игрой мы называем серию следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом»². Иными словами, концертная игра, подразумевающая музыкальную импровизацию, включает в себя определенный набор музыкальных «лексем» (В. Холопова), звуковых конструкций и норм композиционной логики в качестве структурных основ музыкальной семантики. Опирируя этими элементами музыкального языка, исполнитель-концертант действует по определенному алгоритму, позволяющему достичь конечного результата – масштабного эффектного эмоционально-психологического воздействия на слушателя, стимулирующего совершенствование его духовного потенциала. Выстраивание концертной формы как процесса поэтапного овладения музыкантом новыми приемами импровизационного высказывания составляет суть *алгоритма концертного исполнительства*, структурирует его, придает композиции логику развития, динамичность и целенаправленность.

Для того чтобы игра состоялась, необходимо создать для нее подходящие условия, место в прямом и переносном смысле. «Всякая игра, – полагает Хёйзинга, – протекает в заранее обозначенном игровом пространстве, материальном или мыслимом, преднамеренном или само собой разумеющемся»³. Данные правила приложимы и к концертной игре.

Являясь жанром композиторского творчества, жанр концерта имеет четко обозначенную структуру, представленную трехчастной формой, при наличии, конечно, тех или иных нюансов, присущих любому произведению искусства. Крайние части, как правило, подвижные, энергичные, а середина – неторопливая или несколько лирическая, что создает не только темповый, но и эмоциональный контраст. В такой формуле «быстро – медленно – быстро» разворачивается главное соревнование участников ансамбля. Внутри этого музыкального состязания, когда каждый стремится к лидирующей позиции, царит высший порядок, о котором Хёйзинга говорит, как о совершенном, присущем только данному игровому пространству. Он обозначает «новое, еще более положительное свойство игры: она устанавливает порядок, она сама есть порядок»⁴. В этом писатель видит причину, по которой игра лежит в области эстетического, где развивается и музыкальное искусство, а значит, связующие нити здесь становятся очевидны.

Временной параметр игры проявляется в концертном произведении в наличии

¹ Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 350 с. – С. 31.

² Берна Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с. – С. 37.

³ Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 350 с. – С. 34.

⁴ Там же, С. 35.

экспозиции основных образов, завязки действия, его интенсивном развитии, достижении кульминации и развязки в виде заключительного раздела, например, коды. Известная в музыкальной науке формула «i – m – t», означающая «импульс, движение и торможение», сформулированная выдающимся музыковедом академиком Б. Асафьевым, соответствует тезисам Хёйзинги. «Игра начинается и в определенный момент ей приходит конец. Она "разыгрывается". Пока она идет, в ней есть движение [выделено нами – В. З.] вперед и назад, чередование, очерченность, завязка, развязка».¹ В концерте, как и в других жанрах классического стиля, данная форма имеет трехчастную структуру, где начало – это экспозиция, движение – это разработка, а конец, или развязка, – это реприза. Внутри формы есть элементы повтора или чередования, рефрен, определяемые Хёйзингой как нечто само собой разумеющееся.

Отметим еще одно утверждение культуролога, интересное, на наш взгляд, с позиции исследования концертного жанра. «Игра – это борьба за что-то или показ, представление этого "что-то". Обе эти функции могут объединяться, так что игра представляет борьбу за что-то или же превращается в состязание [выделено нами – В. З.] в том, кто именно сможет показать что-то лучше других».² Музыканты вступают в состязание за право считать себя виртуозами, способными обыграть группу исполнителей. Для этого они показывают свой музыкально-технический талант, облекая выступление театрально-сценическими приемами, усиливающими эффект восприятия. «Нередко деятельность, которая уже сама по себе означает законченную игру, например, музыкальное или сценическое представление, в свою очередь превращается в предмет состязания...»³

В продолжение мысли о правилах, существующих в любой игре, Хёйзинга выделяет ее антитетический характер, где одним из условий является наличие двух сторон. Между ними и разыгрывается соревнование. Причем в это музыкальное соперничество вовлекается зритель, который не меньше самих участников испытывает колоссальное напряжение, переживая за исполнителей. Усиливает ощущения та внешняя и внутренняя красота, что заложена в музыкальном произведении и придает ему эстетическую ценность.

Игра характеризуется многокомпонентностью, включающей участников, повод, конечную цель, правила и условия, по которым игра действует, и философским осмыслением жизни, связанным с проецированием игровых признаков на разные ее сферы и уровни. Однако, как бы органично игра ни входила в ту или иную область общественного устройства, будь то право (этому вопросу посвящена четвертая глава книги Хёйзинги), ратное дело (глава пятая), философия, или мудрствование (главы шестая и девятая), поэзия (глава седьмая), наиболее убедительно ее проявление в искусстве (глава десятая). Игровой элемент, по мнению писателя, заявляет о себе чрезвычайно отчетливо в мусических искусствах, где ярко выраженное игровое содержание можно прямо назвать основополагающим и важным. И далее Хёйзинга приводит ряд аргументов, подтверждающих эту мысль, в частности, использование такого приема, как украшение, свойственное искусству, а также наличие свободы, без которой не создается подлинное творение. Последнее, как известно, – неотъемлемое условие концертного музицирования солиста-виртуоза.

Рассматривая игровые признаки в разные временные промежутки, историк выявляет характерные тенденции в игровом процессе. Так, в XVIII веке в искусстве

¹ Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 350 с. – С. 34.

² Там же, с. 39.

³ Там же, с. 82.

произошел сдвиг в сторону индивидуального. «Искусство стало интимнее, но также и более изолированным, стало уделом немногих».¹ В качестве примера Хёйзинга приводит камерную музыку, рассчитанную на удовлетворение индивидуальных художественных потребностей. Камерные произведения, по утверждению писателя, «... стали превосходить формы искусства, пользующиеся большим спросом у публики, по масштабу воздействия, а нередко и силой выразительности»². В современную эпоху, когда концертные жанры стали приобретать камерный характер, это определение Хёйзинги становится особенно актуальным. Стремление к индивидуализации во всем: в стиле, манере, характере – тенденция XXI века. Солист в концертном сочинении должен обладать этими качествами, чтобы вступить в музыкальное состязание с оркестром.

Одним из сомнительных замечаний, выдвинутых Хёйзингой, является утверждение, что «никакая единообразная установка относительно формообразования или целенаправленности не связывает музыку Востока и Запада, Средневековья – и нашего времени»³. Как же тогда объяснить распространение жанра концерта и других жанров европейской музыки далеко за пределы их исторической родины? Никак не соответствует данное утверждение Хёйзинги и развитию концертного жанра на территории Средней Азии, в частности, в Узбекистане. Именно на этой земле в концерте соединились традиции Востока и Запада, а композиторы в свою очередь дали жанру новое художественное прочтение, осмысление и трактовку.

Узбекский концерт – убедительная демонстрация того, как разные музыкальные традиции сосуществуют в едином «организме» – музыкальном сочинении. Это стало возможным благодаря глубинным связям, заложенным в самом творческом процессе, в особенностях музицирования, в частности, в распространении на территории Средней Азии таких форм музыкальной игры, когда демонстрация импровизационных способностей исполнителя становится необходимым условием. Развитие музыкального искусства в контексте монодийной культуры, где главенствующую позицию занимает мелодическое начало, или горизонталь, обусловило специфику мышления композиторов, повлияло на строение произведений, в которых солирующая партия, или мелодия, является основополагающей, даже если сочинение предназначено для ансамбля или оркестра.

Подытоживая свои наблюдения относительно теории Хёйзинги и концертного жанра, отметим, что его взгляды на проблему игры стали знаковыми, они подкреплены многочисленными исследованиями, находящими подтверждение в жизненной практике. Э. Берн справедливо отметил: «Основной принцип теории игр состоит в следующем: любое общение (по сравнению с его отсутствием) полезно и выгодно для людей»⁴. Это в полной мере относится к концертной деятельности, интеллектуально и духовно обогащающей людей. Утверждая концертничество как одну из составляющих игрового процесса, можно заключить, что жизнеспособность концерта во многом обеспечивается именно игрой: музыкальной, артистической, индивидуально-психологической, психоаналитической. Главное, вступая в игру, соблюдать все правила и быть свободным в выражении своих творческих идей и художественных взглядов.

¹ Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 350 с. – С. 278.

² Там же.

³ Там же, с. 261.

⁴ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с. – С. 10.

литературоведение. литературная критика

Мария ДАР

Тамара Васильева родилась в 1945 г. Окончила филологический факультет Саратовского университета. Живет в Ташкенте. Автор сборника стихов «Солнечный край» (2001 г.). Многие годы работала председателем литературно-творческого объединения «Данко» при РКЦ.

ЗАМЕТКИ О КЛАССИКЕ**МАГИЯ ПРИШВИНСКОЙ ПРОЗЫ**

Прозу Пришвина современники называли «густой».

Мысль в ней будто пульсирует, животворит того, кто окунулся в тексты самобытного писателя-поэта.

Творчество Пришвина пронизано народным духом, глубинным чувствованием Природы, на лоне которой он вырос, любовью к человеку, к его Божьей Душе. Он шел своим путем, напоминая людям, чтобы они не забывали своих корней, своих начал, своего родства с целительной Природой.

Известнейший его современник К. Паустовский, сам удивительный знаток природы, называл М. Пришвина великим «колдуном», чародем.

Волшебство и магия его весомого слова редкого человека оставляют равнодушным. Пришвин возвращает нам наше детство, нашу чистую, еще не замутненную душу, наше начало, наше единение с Природой. Природа под пером Пришвина свято обнажена: «колдует его белая ночь», «день прошел, как самый большой праздник»... Речка своими «берегами, как руками», развела лес – и вот она на воле вольной... В словесную поэтическую ткань авторского текста погружаешься, как жарким днем в прохладную речную влагу, из которой не хочется выходить: там тихие блески, мерное качание голубой тишины, умиротворение, нега счастья.

Писатель растворяется сам в этой дивной природе и помогает раствориться в ней и нам. Он видит разные капли в дожде, «мост» радуги объединял их в единый дождь. В нем просыпается философ, который неожиданно соотносит капли с людьми: каждый из нас – капля, а вместе мы – единый благодатный дождь, приносящий в сообществе великое благо Земле, возрождая на ней жизнь. А небесная Радуга венчает дождевое содружество яркой дугою.

Сам автор, как великий сказочник, умеет превратиться то в цветок, то стать небесной незабудкой, то легкой бабочкой, то голубой стрекозой, а то и горсточкой воды в шляпке сыроежки, похожей на небольшую чашу, чтобы напоить лесных насекомых и птичку-невеличку.

Прогулка по лесу – и писатель-поэт умудряется побывать в нескольких сказках, где можно превратится в растение, стать камнем, обрести крылья, как у пчелы или шмеля, повисеть золотой каплей на тонком стебельке, на небольшом цветке – испить его нектара.

Пришвин не только писатель – художник, которому важна

цветовая гамма мира, символика оттенков; не только философ, но и глубокий реалист, осмысляющий былинные и сказочные образы, оживляя, возрождая их в сегодняшнем дне.

Категории добра, зла, идеи, красоты, счастья, дружбы, любви – предмет постоянного, глубокого осмысления для писателя. Природа у Пришвина есть родина всех начал: «Природа для меня, огонь, вода, ветер, камни, растения, животные – все это части разбитого единого существа. А человек в природе – это разум великого существа, накапливающий силу, чтобы собрать всю природу в единство»¹.

Интересны мысли Пришвина о художественном творчестве. Он предлагал спасти обязательно сказки – это значило бы спасти в себе детство, мир удивления.² «Поэзия, – по его мнению, – это душа подвига, обращающего красоту в добро»³. Люди от красоты делаются добрее, – считал писатель. Но красота не всегда бывает доброй, добро без красоты – это, скорее всего, и есть зло.⁴

В Пришвине жила мечта о физическом бессмертии (есть такие страницы в его дневнике). Он описывал видимый мир и чувствовал, ошущал невидимый.

Есть у Пришвина и размышления о категориях литературы: реализм для него – как воплощение романтических идей, это правда, вещественность. Но «правда без выдумки», считал он, что «самолет без горючего» – не взлетит. В политике, по его мнению, почти все максималисты – романтики. Психологически романтизм – это преобладание чувств над разумом (малым разумом). Романтикам прошлое мило, будущее манит, настоящее подлежит переустройству. Романтик ищет полноты жизни.⁵

Тайну творчества Пришвин советует искать в Любви, т. к. в творчестве мысль есть не мысль, а что-то единое сердца, ума и воли.

Некоторые его современники и, разумеется, потомки восприняли его мировоззренческие идеи глубоко и серьезно, в своем творчестве продолжали развивать их, возвращая человека к его истокам, природе. Пришвин для нас тот краеугольный «камень», который объединил в себе два мира: мир земной Природы и мир человеческого духа, связывая прошлое с настоящим и пролагая своим творчеством Путь к заветному будущему.

ВСЕМЕРНОЕ ЦАРСТВО РОМАНТИКИ

Однажды отрок обратился с вопросом к своему деду:

– О, мой мудрый наставник, в чем суть и смысл жизни? И как ее прожить достойно? Что делать нужно? С кем дружить? И что прочесть? Как надо жить, чтобы потом не ныть, не жалиться, обузою не быть? И что такое творчество? Что и кого нужно любить? А что есть сама любовь? Великая Любовь?!

– О, юный друг, мой внук! Верны вопросы и трудны. Пылливый ум, пылливый дух я вижу в них. Сокрыта в нас самих вся мудрость поколений. Она в тебе сейчас заговорила. Храни в себе ты эту нить, нить Ариадны. Сия струна, волна – верна, она, как челн, по жизни ведет тебя по правильным путям.

Советую тебе, мой юный друг, пораньше окунуться, будто в воды моря, в Царство Романтики. Такое есть. Оно везде, повсюду, в жизни и в смерти, оно всемерное.

Рыцари этой страны, верные и преданные, Гете, Ламартин, Гюго, Байрон, Кальдерон, Данте, Сервантес, Шекспир, Нерваль, Шатобриан, Пушкин, Лермонтов, Бальмонт, Грин... были представителями жизни высокой, полной, духовной. Каждого из них можно сравнить с солнечным поющим лучом, с яркой птицей.

В этом Царстве главный постулат – ЛЮБОВЬ.

¹ М. Пришвин. «Женьшень», М., изд. «Правда», 1986, с. 431.

² М. Пришвин. «Сказка о правде», М., изд. «Молодая гвардия», 1973, с. 386.

³ Там же, с. 392.

⁴ Там же, с. 393.

⁵ Там же, с. 431.

Любовь к величайшей Природе, к каждому ее созданию: дереву, ветке, листку, цветку; ее стихиям – воде, ветру. И, конечно же, к великому ОГНЮ – сыну СОЛНЦА, к богатырю-стоику ПРОМЕТЕЮ, к Земле-кормилице; к горам и звездам, к Свету и Музыке, их надо почувствовать, услышать, как слышали их великие тайноведы: Шуман, Лист, Сметан, Франк, Россини, Шопен, Вагнер, Бетховен, Моцарт, Мусоргский, Григ, как художники, чьи имена остались в веках – и многие-многие другие творцы.

Гармония природы, музыки, стихов, вокала – в них не только строгость заданных ритмов, но и богатейшая гамма отступлений, тональностей, индивидуальных чувств и прочтений.

Романтики ведут человечество по прекрасным и неизведанным тропам в мужественное будущее, их художественные образы воплощают ПОДВИГ и высокую ВЕРУ в прикованном к скале стальными цепями ПРОМЕТЕЕ, всеобщее ЗНАНИЕ в ФАУСТЕ, вечную, безграничную и беспреградную ЛЮБОВЬ в ДОН-ЖУАНЕ, а образ ДОН-КИХОТА – это рыцарь неугасимой МЕЧТЫ – мечты в бесконечном ее устремлении и воплощении. В этих романтиках вечная жажда нового, устремление к далекому неизвестному, идеальному.

К юности мира стремится душа романтика, к высоким и чистым началам, возвышается над обыденным, серым бытом, увлекая за собой и своего читателя, и почитателей.

Романтики как бы воплотили жизнь в полнозвучие творчества, которое не может «уложиться ни в какие прошлые формы», как утверждал Бальмонт, в котором как бы воплотился опыт нескольких пережитых и вновь осознанных эпох. Они умели слушать и слышать зовы Природы, ее звуки, «читать» ее как книгу, чувствовать музыку поэзии, ощущали глубоко и тонко в каждой травинке, в каждом цветке, облаке, красках дня, утра, вечера, в свете звезд, в ленте ручья, в морских и океанических глубинах симфонию мироздания. Великая тайна мечты дарила этим художникам волшебные слова для сказок и стихов божественные звуки музыкальных опусов. А вселенская ЛЮБОВЬ посылала им голубые цветы зовущих надежд, серебро звездного света, золото осеннего мира: желтовато-оранжевые листья, алые колокольчики осенних ягод.

Поэзия для романтиков являлась живым воссозданием реальности, сами они были проводниками, аккумуляторами-накопителями и рупорами ее, направляющими энергию вдохновения в земной мир.

К. Бальмонт отмечал, что «истинный поэт всезнающ, он очевидец, жрец, он человек совершенный, он действительный мир, но в малом». Говорят же, что океан вмещается в капле, а видимо, весь мир – в личности настоящего Поэта.

В Природе есть все: «чувства», «язык», «свобода», «любовь» (Тютчев), она имеет «инстинкт искусства» (К. Бальмонт), именно она – первый и главный Творец. Человек только пытается ей подражать, следовать ей, пытается отразить ее совершенство.

Глубины красоты Природы безмерны, так что ни предшественник, ни современник, стоящий рядом с тобой, не выполнит твоего предназначения. Жаль, что в искусстве многие пытаются работать локтями, а не душой, тем самым заявляя о своей ущербности. Высокая душа творит и не занимается склоками и интригами.

Природа созревшему таланту подарит чистый «колодец», протянет луч. Надо быть только достойным такого луча, готовым нести свою ношу, выполнить свою миссию.

По утверждению романтиков, любовь – конечная цель и основная суть всего сущего во Вселенной. Если в своем сердце человек поселит великое всеобъемлющее чувство любви (не мелко-эгоистичное и только личное), то ему будут подвластны все явления Природы как инструменты с огромным диапазоном мощного оркестра, в котором десятки альтистов, скрипок, флейт, клавиринов, органов и пр. По-настоящему творческий человек напишет свою симфонию. Она явится в новой картине, танце, поэме, музыке.

Гармония, внутренняя суть Природы, подарит ему ключи: откроется красота, чудесные тайны, дивные фантазии. Они помогут сотворить незабываемое и вечное, которое ТВОРЕЦ – ЧЕЛОВЕК щедро отдаст людям.

литературоведение. литературная критика

СИМВОЛЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ЗНАКИ В СКАЗКЕ

Любой текст является, с одной стороны, продуктом своей культуры, с другой – формой ее существования. Текст тесно связан с той культурной парадигмой, в которой они были порождены и в которой функционируют. Генерирующая парадигма вкладывает в текст всю систему ценностей, интерпретирующая – часто переосмысливает их через призму собственной идеологии. В этом аспекте большой интерес представляет русская народная сказка, которая отражает еще языческие ценности восточных славян. Тексты сказок насыщены большим количеством лингвокультурных единиц. Если обычный текст может формироваться на 1–2 таких единицах (например, басня), то в сказке мы находим десятки культурно-языковых символов. Данные единицы выходят за пределы своего текста, что говорит об их парадигматичной культурной семантике, и перерабатываются этнокультурным сознанием. Например, скатерть-самобранка может обозначать уже не только фантастический предмет, но и человека, который быстро, разнообразно и вкусно готовит.

Представим разнообразные виды лингвокультурных единиц на примере сказки «Марья Моревна».

В сказке находят отражение представления об устройстве мира. Время и пространство мыслятся неопределенно: «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был...»¹ Пространство четко разделяется на свое и чужое. К своему пространству можно отнести дом (дворец), сад. Зеленый сад является местом завязки действия. Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами в зеленый сад погулять. Чужое пространство – лес, место обитания бабы-яги. Переходом от своего к чужому выступают чистое поле, синее море. Свое пространство и чужое имеют четкие границы. В сказке «Марья Моревна» это огненная река: за огненной рекою живет баба-яга. Оценка пространства отражена в эпитетах: поле – чистое, море – синее, сад – зеленый,

**Мирвохид
ФОЗИЛОВ**

Родился в 1980 г.
Заведующий
кафедрой
английского языка
и литературы
Гулистанского
государственного
университета.
Автор нескольких
статей в научных
журналах России.

¹ Марья Моревна // Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 5 т. Т. 1. С. 34. – Москва: Терра, 2008. – С. 376–382.

лес – дремучий. Коннотации слова «чистый» отражают мотивы свободы, выбора, «синее» – грусти, «зеленый» – жизни, «дремучий» – потери, неправильного пути. Время сказки циклично. Дни сменяют ночи, все повторяется: «Дни идут за днями, часы бегут за часами – целого года как не бывало...»¹ Цикличность проявляется в повторах действий, использовании имперфектных глагольных форм: хаживал, редупликации: «Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною». Динамика времени отражает архетипические представления, связанные с движением солнца по небосводу на колеснице. Сказка отражает старую систему счета: «в тридевятом царстве»².

В сказках большое значение имеют имена. Характерно, что имена имеют только сестры Ивана-царевича, мужа сестер безымянны. Сказка названа именем женской героини. Это отголоски матриархата. У героини необычное двусоставное имя, вторую часть которого весьма условно можно назвать отчеством, поскольку оно не связано с мужским именем. Возможно, Моревна происходит от слова «море», однако связь эта семантически не мотивирована. Марья Моревна успешно воюет, занимается мужскими делами: «Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна»³. Возможно, вторая часть имени связана с воинскими победами героини.

Имена мифологических персонажей баба-яга, Кошей Бессмертный стали прецедентными. Этимологически слово Кошей связано с прообразом скелета, костью. Слово яга восходит к этимонам с семантикой «ведовство, злость, ужас, печаль». В современной лингвокультуре данные прецедентные имена переосмыслены в эталоны внешнего уродства, злости.

Сказки отражают древнейшие устоявшиеся традиции. Например, наказания родителей, которые выполняет сын: кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай. Несмотря на отголоски матриархата, в целом сказка отражает патриархатный уклад жизни: после смерти родителей сын становится главой семьи.

Кроме того, текст сказки выражает ряд культурных установок: «Прости, Марья Моревна! Не поминай старого...»⁴; примет, связанных с магией: «А Кошей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается»⁵.

Ритуальным является трехкратное выполнение действия: пробное, подтверждающее, закрепляющее.

Акциональные программы отражают пассивность русского характера. Герой сам не справляется с заданиями, основную роль выполняют помощники: «...погнал он кобылиц в поле, они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал, да и уснул. Солнышко село за лес, прибежала львица: "Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны"» // «"Нет, не утерплю, – говорит Кошей Бессмертный, – поеду в погоню". Долго ли, коротко ли – нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кошея Бессмертного и разможил ему

¹ Марья Моревна // Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 5 т. Т. 1. С. 78 – Москва: Терра, 2008. – С. 376–382.

² Там же, с. 63.

³ Там же, с. 47.

⁴ Там же, с. 126.

⁵ Там же, с. 55.

голову, а царевич доконал его палицей»¹. Пассивность человека подчеркивает, например, и такая фраза: «Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет – по воле аль по неволе?»² Русские культурные проскрипции отражает концовка сказки: «Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать»³. Мед – русский алкогольный напиток – пили преимущественно на праздники. Таким образом, данная концовка означает жизнь без печалей и тягот.

Сказка пронизана символами культуры, которые для человека выполняли прогностическую функцию. Так, туча, гроза предвешают беду, дарить близким серебро значит дарить оберег, темнеющее серебро свидетельствует о присутствии в доме нечистой силы. В сказке «Марья Моревна» Иван-царевич дарит серебряные предметы, которые информируют родственников о его несчастьях.

Символическое значение приобретает живая и мертвая вода; двенадцать шестов вокруг избушки бабы-яги символизируют годовой солярный круг; встречаются и другие безденотатные (фантастические) предметы, например, волшебный платок.

Текст сказки содержит эталонные номинации человека: сокол, орел, ворон. Как отмечает А. Н. Афанасьев, сокол был воплощением бога-громовержца. Этимон названия этой птицы включает в себя признаки: подвижность, беспокойство, сила, резвость, проворство.

Орел и сокол воплощают положительное мужское начало. Ворон осмысливается как предвестник беды. Однако в тексте сказки негативные свойства ворона используются во благо герою: ворон способен чують мертвое тело, приносит мертвую воду.

Для выражения экспрессии, большей убедительности в сказке используется прием гиперболизации: «Можно пшеницы засеять, дожидаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!» // «Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выпасться да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!» // «Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил – совсем в горле пересохло! – Царевич подал ему ведро воды, он выпил и еще запросил: третье ведро – взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал»⁴.

Таким образом, сказка представляет собой насыщенный культурными знаками текст, репрезентирует систему национальных ценностей и представлений. В отличие от литературных текстов культуры сказка не отражает специфическую культурную парадигму. По отношению к лингвокультурному уровню она выступает, с одной стороны, в качестве их генератора, с другой – включает их в свой состав в готовом виде.

¹ Марья Моревна // Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 5 т. Т. 1. С. 61. – Москва: Терра, 2008. – С. 376–382.

² Там же, с. 99.

³ Там же, с. 156.

⁴ Там же.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» искренне поздравляет авторов своего журнала, в числе многих получивших высокие звания: известных узбекских писателей **Эркина Агзама** с присвоением звания Народный писатель Узбекистана, **Энахон Силдикову** с присвоением звания Народный поэт Узбекистана, поэта и переводчика **Рустама Мусурмана**, режиссера-постановщика ГАБТ, поэта **Андрея Слонима**, получивших звание Заслуженный деятель культуры республики Узбекистан, **Икрома Искандара**, получившего медаль «Содиқ хизматлари учун».

В РАМКАХ ГРАНТА...

10 июня 2016 года в магазине «Китоб олами» состоялась презентация книги воспоминаний о Народном поэте Узбекистана **А. А. Файнберге** «Лист с неровными краями, сохрани мои стихи» (редактор А. П. Устименко), в которой объединены воспоминания самых разных авторов о встречах, отношениях с А. А. Файнбергом, о его творчестве, о творческом сотрудничестве с известными узбекскими поэтами: А. Ариповым, С. Саййидом, Р. Мусурманом, чьи стихи переводил А. Файнберг, и кто переводил его поэзию. Талантливые переводы А. Файнберга из узбекской классической и современной поэзии – еще один шаг, приближающий читателя к овладению духовным наследием Востока. Именно это лейтмотивом прозвучало во многих выступлениях, присутствовавших на презентации поэтов, писателей, редакторов, издателей и просто многочисленных читателей и поклонников таланта А. А. Файнберга.

11 августа 2016 года в общественном клубе-музее «Мангалочий дворик Анны Ахматовой» при РЦНК Узбекистана состоялся вечер, посвященный переводам классической узбекской поэзии на русский язык и русской поэзии «Серебрянного века» на узбекский язык, в котором приняла участие и редакция журнала «Звезда Востока». На вечере прозвучали переводы с узбекского Зои Тумановой (стихотворение Зульфийи), Николая Ильина (стихотворения Миртемира, Мирпулата Мирзо, Икбола Мирзо), переводы стихотворений Эркина Вахидова, сделанные Александром Файнбергом; и переведенные на узбекский язык Эркином Вахидовым стихотворения С. Есенина.

На вечере было отмечено, что переводная литература – мост к постижению культуры другого народа, и очень важно при переводе поэзии узбекских авторов на русский язык не просто знать язык, с которого делается перевод, но и чувствовать душу народа, сохраняя особенности восточного стихосложения, суметь передать именно тот художественный образ, который создал автор оригинала.

25 августа 2016 года в Литературном клубе-музее «Мангалочий дворик Анны Ахматовой» прошла «"Звезда Востока" поэтическая...» – встреча редакции и авторов журнала с читателями.

Зам. главного редактора К. Панченко рассказала о концепции журнала, задачах, стоящих перед ним, наиболее значимых поэтических публикациях, отражающих творческие искания сегодняшней поэзии. Особое значение в журнале придается переводам из классической узбекской литературы. Как правило, переводчики дополняют их комментариями и многочисленными сносками, что значительно облегчает восприятие текста. Постоянные авторы журнала: В. Осадченко, Б. Ахмедов, А. Гвардин, А. Маркевич и др. читали свои стихи. Произошел интересный откровенный разговор о сегодняшнем дне журнала, задачах, стоящих перед ним, прогнозах на будущее, предстоящей подписной кампании на 2017 год.

Садыкова Людмила. Солнечный ветер.

Садыкова Людмила. Натюрморт с осенними яблоками.

Садыкова Людмила. Надежда.

Дорогие читатели!

**Началась подписка на литературно-художественные журналы
«Звезда Востока» и «Шарқ юлдузи» на 2017 год.**

Подписаться на журналы можно в любом почтовом отделении или в
офисе редакции по адресу:

100027 Ташкент, ул. Узбекистанская, д. 16А, 5 этаж.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.

Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Уважаемые читатели и авторы! Редакция «Звезды Востока» ждет
подписчиков и интересные материалы по всем утвержденным рубрикам
журнала: «Проза», «Поэзия», «Переводы», «Караван истории»,
«Философия искусства», «Новые имена», «Литературоведение.
Литературная критика», «Возвращение к читателю», «Публицистика»,
«Духовное наследие Востока», «Мир глазами детей» по адресу:
zvezdavostoka1932@mail.ru
ул. Узбекистанская, д. 16А, 5 этаж.

**Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.**